

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONT:BVSEL:SLN
10:IACT:BAT:COR
CRUDE:LS:LEX:INI
CARM:NL:NOS:TRI
REF:AM:RI:MA:F:DN:VN
MONT:BVSEL:SLN
10:IACT:BAT:COR
CRUDE:LS:LEX:INI
CARM:NL:NOS:TRI

12 / 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Исифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Прякин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 20.12.24.
Выход в свет 24.12.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 17,2.
Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 500 экз. Заказ 531.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИИ № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 20.12.24.
Date of publication 24.12.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 17,2.
Ac.-publ. sh. 15,0.
Circulation 500 copies.
Order 531. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

- Плетнёв Д. А.* Ноономика как целостная картина желаемого будущего 5

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Минат В. Н.* Норма свободного времени как измеритель общественного богатства
(межстрановое сопоставление) 7

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Антонюк В. С., Сизатова Н. А., Вансович Э. Р.* Стратегия пространственного развития России:
адаптационный подход и приоритизация задач 19
- Лаптева И. П., Гришина Е. Н.* Проблемы и перспективы роста ожидаемой продолжительности
жизни населения России 29
- Бенц Д. С.* Оценка неравномерности экономического пространства Челябинской области 39

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

- Корзоватых Ж. М.* ESG-отчётность в повестке устойчивого развития экономических субъектов 47
- Власов М. В., Сидоров А. А.* Цифровой мониторинг автопарка: концептуализация и разработка
модели 57
- Малиновский Р. О., Анисимов А. Ю.* Формирование методического подхода
к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями
пищевой промышленности 67
- Поляков Р. К., Брижак О. В.* Актуализация программы развития судостроительного
и судоремонтного кластера Калининградской области 75
- Лаврентьева И. В., Топузов Н. К., Капкаев Ю. Ш.* Драйверы трудовой результативности
работника: исследование фундаментальных причин 88
- Макарова Л. И., Ткач Е. С.* Корпоративная социальная ответственность и институциональная
среда: оценка взаимосвязи 99

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

- Лебедева М. А.* Проблемы обеспечения модернизации хозяйства старопромышленного региона 110

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

- Артемова О. В.* Проектное управление как современный вид проектной деятельности 116
- Веретёхин А. В.* Управление цифровой трансформацией промышленного предприятия
в контексте обеспечения конкурентных преимуществ 127
- Наумова К. А.* Устойчивое развитие быстрорастущих компаний-газелей в России 133
- Егорова А. А., Данилов И. А., Лихачев А. Г., Гильметдинов Д. Р.* Уникальное торговое
предложение: проблемы трактования и формирования 143

CONTENTS

EDITORIAL

- Pletnev D. A.* Noonomy as a Holistic Picture of the Desired Future 5

THEORY AND METHODOLOGY

- Minat V. N.* Free Time Norm as a Measure of Social Wealth (Cross-Country Comparison). 7

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

- Antonyuk V. S., Sigatova N. A., Vansovich E. R.* Strategy of Spatial Development of Russia:
Adaptation Approach and Prioritization of Tasks 19
- Lapteva I. P., Grishina E. N.* Problems and Prospects of Growth in Life Expectancy of the Russian
Population 29
- Benz D. S.* Assessment of the Uneven Economic Space of the Chelyabinsk Region 39

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

- Korzovatykh Zh. M.* ESG-Reporting in the Agenda of Sustainable Development of Economic Entities 47
- Vlasov M. V., Sidorov A. A.* Digital Transport Company Monitoring: Conceptualization
and Model Development 57
- Malinovsky R. O., Anisimov A. Yu.* Formation of a Methodological Approach to Improving
the Anti-Crisis Management System of Food Industry Enterprises 67
- Polyakov R. K., Brizhak O. V.* Updating of the Program of Development of the Shipbuilding
and Ship Repair Cluster of the Kaliningrad Region 75
- Lavrentyeva I. V., Topuzov N. K., Kapkaev Yu. Sh.* Drivers of Worker Productivity:
a Study of Fundamental Causes 88
- Makarova L. I., Tkach E. S.* Corporate Social Responsibility and Institutional Environment:
Assessing the Relationship 99

FRESH LOOK

- Lebedeva M. A.* Problems of Ensuring the Modernization of the Economy of the Old Industrial Region 110

REVIEWS AND DISCUSSIONS

- Artemova O. V.* Project Management as a Modern Type of Project Activity 116
- Veretyokhin A. V.* Digital Transformation Management of an Industrial Enterprise in the Context
of Ensuring Competitive Advantages 127
- Naumova K. A.* Sustainable Development of High-Growth Firms-Gazelles in Russia 133
- Egorova A. A., Danilov I. A., Likhachev A. G., Gilmetdinov D. R.* A Unique Selling Proposition:
Problems of Interpretation and Creation 143

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 5–6.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):5-6

Редакторская статья

УДК 330.101.4

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-5-6

НООНОМИКА КАК ЦЕЛОСТНАЯ КАРТИНА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: ноономика, экономика России, экономическое развитие

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Ноономика как целостная картина желаемого будущего // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 5–6. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-5-6.

Editorial article

NOONOMY AS A HOLISTIC PICTURE OF THE DESIRED FUTURE

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Keywords: noonomy, economy of Russia, economic development

For citation: Pletnev DA. Noonomy as a Holistic Picture of the Desired Future. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):5-6. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-5-6.

На протяжении десяти лет в России развивается и постепенно укореняется в академическом дискурсе концепция ноономики — посткапиталистической системы социально-экономических отношений по поводу ноопроизводства, т. е. такого производства, которое развивается без прямого участия человека, но регулируется и направляется человеческим разумом. Автором этой концепции является С. Д. Бодрунов, последовательно отстаивающий ее на различных российских и международных конференционных площадках и на страницах научных изданий. И если до пандемии траектория развития экономической реальности, окружающей нас, давала основания для признания справедливости этой концепции, то сегодня, как кажется, шестой технологический уклад и возвращенные на его основе безлюдные производственные технологии, становятся все дальше. Или мы все дальше от них. Да, научное сообщество накопило потенциал для совершения прорывных открытий в разных сферах челове-

ческой деятельности, однако в современных условиях крайне высокой турбулентности любое из таких открытий может породить нового «черного лебедя», увлекая всю цивилизацию в зону еще большей нестабильности и непрогнозируемости будущего. Обсуждение рукотворного (возможно) характера вируса, вызвавшего пандемию COVID-19 на уровне экспертных сообществ, вне зависимости от того, правда ли это, демонстрирует широкой общественности, что такая ситуация в принципе возможна. Дебаты по поводу угрозы развития генеративного искусственного интеллекта и его очеловечивания также активно ведутся. И по мере проявления этих рисков визионерские теории, описывающие мир, где человек освобожден от необходимости труда, где он — творец и мыслитель, выглядят все менее реалистичными. Кроме того, актуальная экономическая повестка требует индустриализации и возвращает «человека труда» на его почетное место, которое он занимал в недавнем советском прошлом. Развитие промышленности сегодня — это не только технологии, но и человек, и даже — в первую очередь

человек. О дефиците человеческого потенциала в производственной сфере говорят существенно выросшие заработные платы рабочих и острая конкуренция за квалифицированных и «без вредных привычек» работников. Что это — возврат на траекторию «нормального» экономического развития, очищенного от избыточных финансовых и сервисных отношений и процессов или же временная аномалия, связанная с необходимостью ответа на вызовы современности, и через 5–10 лет постиндустриальные тренды в структуре занятости снова станут мейнстримом? Точный ответ даст только время. И даже обращение к теории смены технологических укладов или иных, завоевавших свое «место под солнцем» в научном сообществе, не поможет нам в этом ответе. Ибо любая из названных возможностей вполне укладывается в общую логику технологических изменений, и касается того, как именно человек распоряжается предоставленными ему возможностями.

Экономическая же наука может и имеет право быть наукой с ценностным компонентом в своей методологии. Мы можем не просто констатировать прошлые, текущие или же будущие тренды, но и формировать их, исходя из своей системы убеждений и ценностей. Насколько ноономика созвучна нашим российским ценностям? Пожа-

луй, она, человекоцентричная по своей сути, избегает опасности возвеличивания каждой отдельной личности и наделения каждого человека всей полнотой эгоистических устремлений. Ноономика как уклад возможна только если в ядре, в ДНК общества будут прописаны коллективистские, альтруистические ценности. Именно они позволят состояться свободному обмену знаниями, смогут преодолеть ограничения частной интеллектуальной собственности (да и частной собственности вообще) и станут основой постэкономического, более справедливого и более эффективного уклада, где потребность в принуждении, столь широко используемая сегодня в экономике (законы и система инфорсменты, санкции, прямое насилие) уходят в прошлое, а основой человеческой деятельности становится творчество.

Наш журнал регулярно публикует статьи, посвященные прорывным экономическим идеям, и ноономика, безусловно, относится к числу таких идей. Их обсуждение, на наш взгляд, не менее важно, чем актуальные дискуссии о технологическом суверенитете, цифровизации и национальных проектах. Благодаря таким дискуссиям можно понять, пришло ли время для этих идей, или они будут еще долго дожидаться своего часа «на пыльных полках». И даже приблизить этот час.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 7–18.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):7-18

Научная статья

УДК 330.52.051; 331.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-7-18

НОРМА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ КАК ИЗМЕРИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА (МЕЖСТРАНОВОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ)

Валерий Николаевич Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Рязань, Россия, minat.valera@yandex.ru, 0000-0002-8787-4274

Аннотация. Целью работы является эмпирическое подтверждение возможности использования политико-экономической категории «норма свободного времени» и включаемого в ее структуру общественного свободного времени для оценки уровня общественного богатства. Уровень исследования охватывает межстрановое сопоставление, основанное на соотношении элементов трудовой деятельности и свободного времени занятых граждан ряда стран. Методологической основой настоящего исследования выступает определение нормы свободного времени и общественного свободного времени посредством математического соотношения элементов времени производительного и непроизводительного труда, с одной стороны, и свободного времени общества — с другой стороны. Абсолютные (в часах) и относительные (в процентах) показатели позволяют установить величину затрат и результатов труда в разрезе десяти социальных групп. Среднегодовая численность исследуемых групп определяется по данным национальной статистики, а продолжительность составляющих времени труда и свободной деятельности — исходя из данных бюджетов времени. Результаты проведенного эмпирического исследования показали наибольшую целесообразность актуальной оценки общественного богатства с позиции соотношения труда и потребления, исключающего затратные величины. Выявлено разнообразие сопоставляемых стран в продвижении к снижению уровня реального богатства, отраженного в сокращении доли общественно свободного времени как полезного для личностного развития при формировании человеческого потенциала.

Ключевые слова: общественное богатство, норма свободного времени, общественное свободное время, колонизация свободного времени, непрерывное потребление, межстрановое сопоставление

Для цитирования: Минат В. Н. Норма свободного времени как измеритель общественного богатства (межстрановое сопоставление) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 7–18. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-7-18.

Original article

FREE TIME NORM AS A MEASURE OF SOCIAL WEALTH (CROSS-COUNTRY COMPARISON)

Valerij N. Minat

Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, Ryazan, Russia, minat.valera@yandex.ru, 0000-0002-8787-4274

Abstract. The aim of the work is to empirically confirm the possibility of using the political and economic category of “free time norm” and public free time included in its structure to assess the level of social wealth. The level of the study covers cross-country comparison based on the ratio of elements of labor activity and free time of employed citizens of a number of countries. The methodological basis of this study is the definition of the free time norm

and public free time by means of a mathematical relationship of the elements of productive and unproductive labor time, on the one hand, and the free time of society, on the other hand. Absolute (in hours) and relative (in percent) indicators allow us to establish the amount of labor costs and results in the context of ten social groups. The average annual number of the studied groups is determined based on national statistics, and the duration of the components of labor time and free activity is based on time budget data. The results of the empirical study showed the greatest appropriateness of an up-to-date assessment of social wealth from the position of the ratio of labor and consumption, excluding cost values. The diversity of the compared countries in their progress towards a reduction in the level of real wealth, reflected in the reduction in the share of socially free time as useful for personal development in the formation of human potential, is revealed.

Keywords: public wealth, free time norm, public free time, colonization of free time, continuous consumption, cross-country comparison

For citation: Minat VN. Free Time Norm as a Measure of Social Wealth (Cross-Country Comparison). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):7-18. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-7-18.

Введение

Проследить и научно обосновать эволюцию производственных отношений капитализма, испытывающих качественно новое воздействие изменяющихся производительных сил возможно только с опорой на выявление и исследование *противоречий*, характеризующих динамичную систему указанных отношений. Ученые, использующие в своих исследованиях марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному, четко определяют качественные изменения в производительных силах на основе трансформаций содержания, предмета, субъекта, результата труда [10], развития современных форм отчуждения, рисков и последствий, вызванных ими и определения путей их преодоления [26].

В свете качественного изменения производительных сил, будущее социально-экономического развития может закрепиться лишь за такой общественной системой, в рамках которой формируется устойчивая взаимосвязь элементов качественно нового материального производства и творческого возрастания человеческих возможностей и потребностей с помощью новейших технологий, включая искусственный интеллект [15; 32]. Однако технологический фактор оказал целый ряд негативных воздействий на характер и результат общественного развития, замедлив в XXI в. опережающий капиталистический рост на усиление неопределенности и углубление неравномерности мир-системы. В частности, это выразилось в следующих негативных характеристиках, связанных с отчуждением и эксплуатацией человека:

– изменение поведения хозяйствующих субъектов и диверсификация форм отчуждения работников [27–29], пересмотр и реформатирование моделей трудовых отношений, форм, ценностей труда и характера его присвоения [16; 20];

– усиление эксплуатации труда капиталом, подчиняя творческие (когнитивные) способности человека поддержанию нормы прибыли [17], результатом которого явилось снижение результативности труда работника [33] и, напротив, повышение интенсивности трудовой деятельности [25].

Описанные процессы нашли свое отражение в соотношении *рабочего и свободного времени* (соответственно, РВ и СВ), что выразилось в *колониализации последнего и ресубъективации* не только труда в РВ, но и все большей части вне рабочего времени (ВВ), включая время досуга (ВД), относимое к СВ [18]. В условиях сокращения регламентируемого РВ (рабочего дня, недели) [31] человек труда получил от капитала *превращенную форму бытия* в виде мнимой, а не реальной свободы выбора [10]. Как отмечал для своего времени и предсказывал для будущего К. Маркс, задача капитала заключается в создании условий, при которых труженик не должен стать «господином своего времени, а, напротив, его рабом» [21].

Сокращение продолжительности регламентируемого РВ само по себе не является доминирующим мотивом для капитала, в отличие от сохранения нормы прибыли последнего. Базируясь на трудовой теории стоимости (ТТС) и понимании двойственной природы труда, российские ученые отмечают: «Принципиальное отличие подобного уменьшения времени [имеется в виду РВ. — М. В.] от экономии производительного труда состоит в том, что оно не сопровождается сокращением времени непроизводительной социальной деятельности в общественном масштабе. Происходит перераспределение непроизводительного труда в пользу тех его видов, которые нуждаются в увеличении» [14]. Исследования показывают увеличение продолжительности РВ в социальной сфере (образовании, культуре, науке, здравоохранении).

ранении, социальном обеспечении) и, например, строительной отрасли развитых стран Запада, в частности США [23]. Закономерно, что на базе безграничности духовных и материальных потребностей человека возникает потребность перетока сэкономленного РВ как производительно-го, так и непроизводительного характера, в СВ, а в его рамках — во ВД.

Следовательно, общественно необходимого перераспределения времени в современных капиталистических социумах так и не произошло, а сформировалась его «темпоральная видимость или превратная форма», при которой в единстве и противоречии конкретного и абстрактного наемного (!) труда, стали стираться условные границы между РВ, СВ и ВД — сколько и как работать/отдыхать, потреблять/воспроизводить, развиваться/деградировать. Напротив, в условиях когнитивного капитализма возникли и закрепились метаморфозы бюджетов времени разных типов — от «постиндустриального» до «реиндустриального» [24]. Их практическим воплощением явилось *сокрытие увеличивающихся отчуждения и эксплуатации труда, знания, творчества, самой жизни человека* под завесой «темпоральный неразберихи» при взаимном проникновении труда и отдыха в пространстве-времени или «революции времени по выбору» [8].

Оценивая СВ как богатство общества (по Марксу), следует судить о его содержании и количественном выражении как *естественной биосоциальной активности человека*, суммирующей непроизводительный труд, затрачиваемый населением сверх рабочего дня на разные виды деятельности, лишь одним из которых выступает досуг. При этом, СВ «получается» из РВ лишь в том случае, когда последнее «... не затрачивается, не реализуется в продукте производства, а сберегается, экономится» [13]. Таким образом, если в современной практике капитализма производительный и непроизводительный труд все более затрачивается соответственно в общественном производстве и в «домашнем хозяйстве» (секторе домохозяйств), то учет различных элементов бюджета времени, включая производительный труд в РВ и части ВВ — с одной стороны, и СВ, включая ВД — с другой стороны, отражает различия между необходимым и прибавочным трудом.

Исходя из сказанного, нам представляется, что мериллом общественного богатства, в частности при сопоставлении национальных экономических систем (НЭС), разных стран мира может являться не только затратное измерение созданных мате-

риальных благ, их меновых стоимостей, но и обоснованная В. Я. Ельмеевым категория — норма свободного времени (НСВ) — «...отношение СВ общества к его РВ» [13]. Причем в рамках указанного показателя РВ экономится отнюдь не с целью всестороннего развития личности работника, как предлагалось в свое время К. Марксом. Цель когнитивного капитализма состоит в создании условий для вовлечения трудящегося в дополнительный труд «на дому» (свободная занятость) и растущее *непрерывное потребление* — именуемое в западной научной (!) литературе не иначе, как «потреблятьство» [11] в ритме 24/7 [19].

На опасность для формирования человеческого потенциала и общественного богатства со стороны технологизации, связанной с непрерывным потреблением указывали многие зарубежные авторы. Кратко упомянем лишь базовые исследования западных авторов, известных своими работами в теории менеджмента¹, экономических и социальных аспектов реструктуризации занятости [1; 3], футурологического и экономико-теоретического подходов к проблеме трудосбережения под воздействием научно-технического прогресса [7; 30]. Общий мотив «неизбежности конца труда» нам представляется несколько прямолинейным, хотя и логически-историчным — технологизация экономики, интеллектуализация трудовых операций и пересмотр «портфеля работ» (термин Ч. Хэнди) неумолимо ведут общество к «исчезновению рабочих мест» (по У. Бриджерсу).² Однако, в перспективе у некоторых авторов «прогнозируется» создание «прекрасного нового мира труда» (по У. Беку), где занятость, гражданские инициативы, домашний труд, воспитание детей, образование получают развитие в СВ. Другим примером «неокейсианских идей» регулирования фрикционной и структурной технологической безработицы через «прагматическое равенство» соотношения РВ/СВ является идея

¹ В этой области науки следует, прежде всего, отметить ряд работ Ч. Хэнди, начиная со знаменитой, определившей дискуссионность будущего труда еще 40 лет назад [4] и его многочисленных последователей.

² Есть и прямо противоположное мнение, признающее гипотезу о неудержимых технологических изменениях, уничтожающих рабочие места, а следовательно, высвобождающих СВ человека для креативного творчества, несостоятельной. Так, глобальный спрос на труд, по мнению А. Бенанавы, сокращается по причине снижения производительности, увеличения ее разрыва с уровнем заработной платы и замедления экономического роста в целом [9].

«большого государства» Д. Сасскинда, вызванная ни чем иным как испугом на последствия трудового «беспредела» в период пандемии COVID-19.

На их фоне наиболее реалистичными и базисными на марксистском понимании последствий вытеснения человеческого труда машинным в условиях капиталистического производства, на наш взгляд, выглядят выводы Д. Рифкина *о поражении массового сознания неоконкапиталистическими производственными отношениями*. В этой связи выходом из «тупика истории», в который пришло «царство необходимости» ученый видит следующим образом: «выгоды, полученные в результате внедрения новых технологий, сберегающих труд и время, должны быть также поделены с миллионами рабочих» [7]. По сути Д. Рифкин развивает идею К. Маркса о том, что для высвобождения трудящихся из-под власти капитала в технологически совершенном обществе создается реальная возможность для личностного творческого развития работников, что позволит «... присваивать себе свой прибавочный труд. ... Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» [22].

Следовательно, СВ может считаться мериллом общественного богатства НЭС сравниваемых стран лишь в том случае, если из его состава можно выделить *общественное свободное время* (ОСВ), затрачиваемое на личностное развитие человека труда¹. Нам представляется, что ОСВ складывается из соотношения суммарных значений «разновекторных» элементов СВ, направленных, с одной стороны, на личностное развитие, а с другой — на непрерывное потребление в рамках досуговых практик, поставленных на базу неоконкапиталистической постмодернистской индустрии досуга.

Возникает важнейший вопрос, определяющий социальный прогресс и экономическое развитие на базе человеческого потенциала — как следует исчислять реальное общественное богатство, не касаясь стоимостных затратных категорий, а, напротив, ставя во главу угла *развитие человеческой личности?*

Целью настоящего исследования является эмпирическое подтверждение возможности использования категорий НСВ и ОСВ как не затратного

¹ Не случайно в советской научно-популярной литературе, где главный субъект общественного развития — это человек труда, труженик, ОСВ именовалось просто-напросто *полезным временем*.

количественного показателя, отражающего уровень общественного богатства НЭС сопоставляемых стран.

Полезная специфика оценки общественного богатства таким способом состоит, прежде всего, в возможности выявления ОСВ, затрачиваемого на личностное развитие, в противопоставление с ВД, преимущественно используемого на развлечение и пассивный отдых. Таким образом, возможно сделать вывод не просто о наличии СВ как такого, не являющегося общественным богатством в плане формирования человеческого потенциала, а оценить сущность экономии РВ в современном капиталистическом производстве, на что конкретно направлена эта экономия, выраженная по сути в колонизации ВВ, СВ и ВД.

Кроме того, автору представляется, что при сопоставлении динамики рассчитанных значений показателей и уровней НСВ и ОСВ, характерных для экономики конкретной страны, с результатами исследований западных ученых существенно дополняется представление последних по ряду аспектов. В частности, в соотношении отраслевой структуры материального и нематериального производства, занятости (включая появление и развитие новых форм), общественной производительности и интенсивности труда [2; 5; 6].

Материалы и методы исследования

Развитие экономико-теоретических и практических аспектов социальной экономии труда В. Я. Ельмеева позволило отечественным авторам вывести общие формулы различной сложности и верификации для расчета НСВ, абсолютные данные для которых определяются на базе национальной и международной статистики населения, хозяйства и бюджетов времени [12; 14].

Интерпретация математической записи расчета НСВ, а в его составе ОСВ с учетом необходимости разделения бюджетов времени трудящихся сопоставляемых стран в хронотопе «РВ–ВВ–СВ–ВД», в настоящей работе имеет следующий вид:

$$НСВ_t = \frac{\sum_{i=1...10} n_i \left(\begin{array}{l} СВ_{восст.физ.сил} + СВ_{культ.разв.} + \\ + СВ_{семья_и_быт} + ВД_{индивид.} + \\ + ВД_{индустрия} \end{array} \right)}{\sum_{i=1...10} n_i (РВ + ВВ_{работа} + ВВ_{внераб.труд})}; \quad (1)$$

$$ОСВ_t = \frac{\sum_{i=1...10} n_i \left(\begin{array}{l} ВД_{индивид.} + ВД_{коммерч.отдых.} + \\ + ВД_{виртуальн.досуг} + ВД_{интернет_вещей} \end{array} \right)}{\sum_{i=1...10} n_i \left(\begin{array}{l} СВ_{восст.физ.сил} + СВ_{культ.разв.} + \\ + СВ_{семья_и_быт} \end{array} \right)}, \quad (2)$$

где HCB_t — норма свободного времени общества за период t , соответствующий оценочному году: 1992 ... 2022 гг.;

OCB_t — общественное свободное время в структуре HCB , связанное с личностным развитием человека, за аналогичный период;

i — группа населения, отображенная в официальной статистике, расчет базируется на 10 основных группах: $i = 1$ — занятых высокотехнологичным производительным трудом, $i = 2$ — занятых иными видами производительного труда, $i = 3$ — занятых в социальной сфере, $i = 4$ — занятых в секторе коммерческих услуг, $i = 5$ — прекариат (неполная, негарантированная занятость)¹, $i = 6$ — фриланс (свободный труд)², $i = 7$ — государственные, муниципальные служащие, силовые структуры, $i = 8$ — дети и учащиеся, $i = 9$ — нетрудоспособные по возрасту и инвалидности, $i = 10$ — безработные, *иные группы населения из анализа исключены*;

n_i — среднегодовая численность населения каждой из 10 анализируемых групп;

PB — регламентированное рабочее время, включает: процесс труда непосредственно на рабочем месте, затраты времени на организацию труда и рабочего места, регламентированные трудовым законодательством или трудовым договором дистанционные формы трудовых операций;

$VB_{\text{работа}}$ — часть внерабочего времени, связанная с процессом труда, включает как оплачиваемые, так и не оплачиваемые работодателем затраты времени (проезд до работы, повышение квалификации и профессиональная переподготовка и т. п.);

$VB_{\text{внераб.труд}}$ — часть внерабочего времени, занятая трудовыми операциями «переработка», включает как дополнительно оплачиваемое PB , так и не оплачиваемое работодателем, как предусмотренное трудовым договором, так и добровольная работа (волонтерство);

¹ В группу прекариата (от лат. *precarium* — неустойчивый, негарантированный) включается часть работающего населения, занятого неустойчивым трудом (*precarious labor*) — без официального трудового договора, страховых выплат, гарантий дохода, отпуска, рабочего времени и увольнения с работы, а, следовательно, не имеющего полного набора социальных гарантий.

² Фриланс — это способ заработка «свободного работника» (фрилансера), который позволяет ему сотрудничать с разными работодателями (даже одновременно) без постоянного трудоустройства в какой-либо организации и сам организует PB и процесс труда.

$CB_{\text{восст. физ. сил}}$ — часть активного свободного времени (не включая сон и питание), затрачиваемая человеком для восстановления физических и психологических затрат, понесенных в PB и VB , связанное с трудом (лечение, физкультура и спорт, личная гигиена, прогулки на свежем воздухе);

$CB_{\text{культ. разв.}}$ — часть свободного времени, направленная на активное культурно-интеллектуальное развитие человеческой личности, отличается от досуговых практик, относимых ко $ВД$, эмоционально-нравственными и образовательно-развивающими видами деятельности, не связанными с ни с работой, ни с расслабляющим отдыхом (самообразование, чтение, хобби, творческие кружки и т. п.);

$CB_{\text{семья и быт}}$ — часть свободного времени, затрачиваемая на воспитание и интеллектуально-творческое развитие детей, устройство быта;

$ВД_{\text{индивид.}}$ — время индивидуального досуга, включающее пассивный отдых и занятие не развивающими личность досуговыми практиками (просмотр развлекательных передач по телевизору и в социальных сетях, общение с друзьями и т. п.);

$ВД_{\text{индустрия}}$ — индустрия досуга, включающая активные, оплачиваемые досуговые практики, относимые как к реальной индустрии отдыха, туризма, путешествий, покупок (шопинг) и развлечений — $ВД_{\text{коммерч. отдых}}$, так и их виртуальным формам — $ВД_{\text{виртуальн. досуг}}$, связанным с сетевыми ресурсами досуга, особо выделяется время, затрачиваемое человеком на интернет вещей — $ВД_{\text{интернет_вещей}}$.

Склонность анализируемых групп населения каждой из сравниваемых стран определяется разностью HCB и OCB за период времени t .

Результаты исследования и их обсуждение

Итоговые результаты расчета HCB и OCB в разрезе НЭС некоторых стран, обладающих весомым человеческим потенциалом³, представлены в табл. 1.

³ К числу таких стран относятся, прежде всего, лидеры западного капиталистического производства — США, Германия и Великобритания, в которых темпоральные характеристики труда и досуга подчинены постмодернистским ценностным метаморфозам. Среди стран современной Азии, где отношение к труду до сих пор остается в приоритете, предметного внимания заслуживают: современная «фабрика мира», характеризующаяся снижением доли трудоспособного населения — Китай (КНР) и один из «азиатских тигров» с чрезвычайно высокой мотивацией трудовых ресурсов — Республика Корея. Особое место занимает Россия, с советских времен унаследовавшая в ряде секторов экономики «следы» социальной ориентированности.

**Показатели нормы свободного времени (НСВ) и общественного свободного времени (ОСВ)
некоторых стран в 1992–2022 гг.**

Indicators of Free Time Norm and Public Free Time of some countries in 1992–2022

Страна	Показатель	Оценочный год				2022 к 1992 гг. (в т. ч. %)
		1992	2002	2012	2022	
США ^{1;2}	НСВ	0,711	0,749	0,782	0,798	+ 0,087 (+10,9)
	ОСВ	0,360	0,317	0,284	0,270	– 0,090 (– 25,0)
	НСВ – ОСВ	0,351	0,432	0,498	0,528	+0,177 (+ 33,5)
Великобритания ^{1;3}	НСВ	0,588	0,639	0,686	0,717	+ 0,129 (+ 18,0)
	ОСВ	0,394	0,342	0,306	0,249	– 0,145 (– 36,8)
	НСВ – ОСВ	<i>0,194</i>	<i>0,297</i>	<i>0,380</i>	<i>0,468</i>	+ 0,274 (+ 58,5)
Германия ^{1;3}	НСВ	0,592	0,660	0,711	0,706	+ 0,114 (+ 16,1)
	ОСВ	0,457	0,404	0,363	0,338	– 0,119 (– 26,0)
	НСВ – ОСВ	<i>0,135</i>	<i>0,256</i>	<i>0,348</i>	<i>0,368</i>	+0,233 (+ 63,3)
Китай (КНР) ⁴	НСВ	0,242	0,308	0,389	0,425	+ 0,183 (+ 43,1)
	ОСВ	0,198	0,233	0,265	0,290	+ 0,092 (+ 31,7)
	НСВ – ОСВ	0,044	0,075	0,124	0,135	+ 0,091 (+ 67,4)
Республика Корея ^{1;5}	НСВ	0,343	0,402	0,448	0,475	+ 0,132 (+ 27,8)
	ОСВ	0,281	0,250	0,223	0,196	– 0,085 (– 30,2)
	НСВ – ОСВ	<i>0,062</i>	<i>0,152</i>	<i>0,225</i>	<i>0,279</i>	+ 0,217 (+ 77,8)
Россия ⁶	НСВ	0,800	0,732	0,748	0,735	– 0,065 (– 8,1)
	ОСВ	0,608	0,474	0,440	0,386	– 0,222 (– 36,5)
	НСВ – ОСВ	<i>0,192</i>	<i>0,258</i>	<i>0,308</i>	<i>0,349</i>	+ 0,157 (+ 45,0)

Примечания: цветовой заливкой выделены значения показателей НСВ и ОСВ, их разницы (НСВ — ОСВ) и динамики (прироста/убыли 2022 г. к 1992 г.): **максимальные за оценочный год и максимальный прирост; минимальные за оценочный год и максимальная убыль.**

Источник: рассчитано автором на основе данных официальной статистики (см. сноски по каждой стране).

¹ OECD Working Papers on Well-being and Inequalities. URL: <https://www.oecd.org/wise/papersandbriefs> (дата обращения: 30.01.2024); Aggregated data. OECD Statistics. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_AGG (дата обращения: 21.01.2024); OECD Economic Surveys: Korea 1996–2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-korea-2024_c243e16a-en.html (дата обращения: 11.02.2024).

² Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/> (дата обращения: 16.01.2024); U. S. Census Bureau. Paid and worked hours by industry. URL: <https://www.census.gov/hsaforamerica.com/blog/how-to-prepare-an-employee-census-for-benefits-selection/> (дата обращения: 10.02.2024); 3) U. S. Census Bureau. Accounted hours of free time and leisure of workers in education, culture and health care. URL: <https://www.census.gov/files/eric.ed.gov/fulltext/EJ1285760.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Harmonised European Time Use Surveys URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/ks-gq-19-003> (дата обращения: 25.01.2024).

⁴ Данные по Китаю приводятся за 1993–2022 гг. и, соответственно, 2022 г. к 1993 г. на базе источников: 普查数据 · 中国统计年鉴 · 发布日期. 计年鉴. 中国统计年鉴. 2023年 · 1994年 [Данные переписи населения. Статистический ежегодник Китая. Статистический ежегодник Китая, с 1994 по 2023 гг.] URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (дата обращения: 11.02.2024); 中华人民共和国2019年国民经济和社会发展统计报告: [Статистические данные социально-экономического развития КНР за 2022 год]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (дата обращения: 28.02.2024).

⁵ 주요 연령계층별 추계인구 [Оценка населения по основным параметрам]. Korean Statistical Information Service. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1BPA003&conn_path=I2 (дата обращения: 08.02.2024); 연령별 경제활동인구 총괄 [Общая численность экономически активного населения по возрасту]. Korean Statistical Information Service. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7002S&conn_path=I2 (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ Росстат через веб-портал ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations> (дата обращения: 05.02.2024); Научные проекты Центра исследования бюджета времени. URL: <https://isp.hse.ru/time-budget-studies/projects> (дата обращения: 27.02.2024).

Анализ полученных данных отражает как статические (по ключевым оценочным годам), так и динамические (за 30-летний период) характеристики и тенденции формирования и использования СВ в сопоставляемых странах. Соотношение элементов бюджета времени в хронотопе «РВ–ВВ–СВ–ВД» чрезвычайно многоаспектно, в частности исходя из полученных нами значений. Остановимся лишь на некоторых аспектах.

Первый. Лидерство по максимальным значениям НСВ, упущенное Россией в 1990-е гг., по крайней мере с начала 2000-х гг. и по настоящее время остается за США. Тем более значение этого показателя выросло за период 1992–2022 гг. на 10,9%, тогда, как в России, напротив, снизилось на 8,1%, тем не менее сохранил за нашей страной из настоящей выбоки государств второе место в 2002–2022 гг. Однако, если для лидера капиталистического мира Соединенных Штатов высокое значение НСВ отражает доминирование нематериальной составляющей в НЭС как результат результат постиндустриального этапа ее развития до «реиндустриального поворота 2010-х гг., что отразилось в замедлении темпов роста НСВ, то для России причина высоких значений этого показателя состоит в эффекте «высокого старта», заложенного в советский период. Не столь значителен отрыв в уровне НСВ для ведущих европейских НЭС, представленных в нашем исследовании Германией и Великобританией. В этих странах динамика НСВ характеризуется еще большим приростом за исследуемые 30 лет (соответственно + 16,1 и 18,0%), чем в США.

Второй. Ведущие азиатские НЭС, в частности Китая и Республики Корея, характеризуются с одной стороны минимальными значениями НСВ, а с другой — максимальным приростом этого показателя за исследуемый период (соответственно + 43,1 и 27,8%). Это свидетельствует, прежде всего, о структурной перестройке экономики этих стран, в особенности КНР как за счет экстенсивных факторов (вовлечения в производящий сектор огромного количества относительно дешевой рабочей силы различной квалификации), так и быстро, можно сказать, догоняющего, роста производительности труда. Последний фактор позволил увеличить НСВ для формирования общественного богатства азиатских стран как раз на фоне замедления темпов роста производительности в США, европейских странах, России.

Третий. Неизменным лидером по уровню ОСВ в рамках показателя НСВ на протяжении 1992–2022 гг. остается Россия, при этом, обладая мак-

симальной среди сопоставляемых стран убылью (по абсолютному значению — 0, 222 и почти максимальной в относительном плане — 36,5%) полезной составляющей СВ. В качественном плане, несомненно, происходит снижение составляющей $СВ_{культ.разв.}$ в нашей стране, но высокий уровень ОСВ в целом базируется, на наш взгляд, на все еще значимой ценностной ориентации большей части населения в разрезе $СВ_{семья и быт}$. В сравнительном плане отметим, что по результатам наших расчетов в Республике Корея с 2012 г. величина показателя ОСВ является минимальной среди сопоставляемой «шестерки» стран¹. Важно заметить, что убыль величины ОСВ в динамике исследуемого тридцатилетия характерна для всех сопоставляемых стран. Это однозначно свидетельствует о снижении темпоральной и социальной ценности личностного развития в хронотопе социумов, обладающих значительным человеческим потенциалом для перспектив развития и роста НЭС.

Четвертый. На основе проведенных расчетов по определению величины, отражающей разность показателей НСВ и ОСВ, мы определяем Соединенные Штаты в качестве лидера непрерывного потребления за весь исследуемый период. К США близка другая из исследуемых нами англосаксонская страна — Великобритания. Однако, если американское потребление, охватывающее максимальную часть СВ населения всех исследуемых групп, постепенно замедляется в десятилетие 2012–2022 гг., что характерно также для Германии, то в Великобритании темпы прироста показателя разницы НСВ и ОСВ не только велики (+58,5%, превышая американские и российские показатели), но и стабильно высоки вплоть до 2022 г. Однако максимальными темпами прироста значений разницы НСВ и ОСВ характеризуются Республика Корея (+ 77,8%) и Китай (+ 67,4%), опять-таки, обладая минимальными абсолютными значениями этой разницы. Последнее определяется все еще высокой ценностью труда в НЭС этих стран и «азиатским типом» эксплуатации дешевых

¹ В подтверждение полученных нами результатов свидетельствует следующий факт. «Власти Сеула решили в пробном режиме оплатить услуги более 100 домработниц-мигранток, чтобы простимулировать рождаемость. Она в Республике Корея самая низкая в мире. *Работа не оставляет времени корейским женщинам на семью!* [выделено мною. — В. М.]» [Галопом по Европам. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r6Yz88vm8L8> (дата обращения: 11.02.2024)].

трудовых ресурсов¹. «Периферийность/полупериферийность» российского капитализма за исследуемый период также выражается не только в отмеченном выше сокращении ОСВ как такового. Сокращение общественного богатства в форме СВ, «накопленного» во времена СССР, состоит в разнице НСВ и ОСВ, темп прироста значения которой составляет + 45 %, указывая на увеличивающийся (даже в свете официальной статистики) темпоральный и хронометрический разрыв времени между личностным развитием и потреблением во ВД².

Заключение

Полученная нами «эмпирическая картина» в целом отражает тренд на одновременное возрастание и замедление темпов роста НСВ в условиях капиталистического производства 1992–2022 гг. на примере сопоставляемых стран. При этом, однозначно негативным для формирования общественного богатства явлениям, характерным для всех шести анализируемых НЭС выступает значительное снижение как непосредственно ОСВ в рамках НСВ, и, напротив, рост показателя, отражающего разницу НСВ и ОСВ.

Анализ указанных процессов в динамике позволяет утверждать, что замедление темпов прироста НСВ в НЭС лидеров капиталистического мира, прежде всего США, Германии, Великобритании в последнее из исследуемых десятилетий (2012–2022 гг.) косвенно свидетельствует о перераспре-

¹ В частности, миллиардер Джек Ма — основатель и хозяин «*Alibaba*» — восторженно рассуждает о необходимости не только интенсивной и напряженной работы («... от нас зависит 60 миллионов бизнесменов, и если мы не будем работать на износ, то они потеряют надежду»), но и о применении в его компании 12-часового рабочего дня (72-часовой рабочей недели) по формуле 9/9/6 — графика работы с 9 утра до 9 вечера, 6 дней в неделю [Китай с нами // Агитпроп. URL: https://www.youtube.com/channel/UC2qoLqo8RuV4P_88yhHCZIG (дата обращения: 22.10.24)].

² Помимо стремления к непрерывному потреблению, от «китайского тренда» на рост РВ не отстают и российские (юридически) олигархи. В частности, М. Прохоров уже с начала 2010-х гг. внедряет идею об увеличении рабочей недели с 40 до 60 часов («прохоровская неделя») и произвольном удлинении рабочего дня в России и других странах СНГ до 10–12 часов в секторах обслуживания и финансов [Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/news/67195-prohorov-60-chasovaya-rabochaya-nedelya-initsiativa-rabochih-kollektivov> (дата обращения: 2.11.24)].

делении трудовой активности из регламентируемой части РВ и ВВ в СВ. Этот процесс, как мы отмечали во введении, западные ученые именуют колонизацией ВВ или СВ, что и нашло подтверждение в нашей работе.

Однако наиболее ярко, на наш взгляд, выявилось нарастающее противоречие и отчуждение в структуре НСВ, связанное с сокращением полезного ОСВ, увеличивающимся разрывом времени на личностное развитие, воспитание детей и быт — с одной стороны и ВД — с другой стороны, в пользу последнего. Считаем, что приведенные эмпирические данные наиболее полно доказывают факт стремления всех социумов и НЭС сопоставляемых стран к непрерывному потреблению, что снижает уровень, можно сказать, «растрчивает», общественное богатство, усугубляя кризис капиталистической системы когнитивного типа. Разница видится в том, что наиболее развитые страны Запада, теряющие свое макроэкономическое и ценностно-идеологическое глобальное доминирование, характеризуются замедлением движения к непрерывному потреблению. Под воздействием технологизации экономики и «креативизации» досуговых практик в этих государствах произошло известное «перенасыщение», «перепотребление» при снижении темпов роста производительности труда и доли производящего труда в структуре НЭС. Это привело не только к росту безработицы и изменению форм труда и занятости, но и вызвало рост цен и тарифов на фоне снижения реальных зарплат трудящихся в последние 10–15 лет.

Напротив, быстрорастущие НЭС Китая («мастерской мира») и Республики Корея (последняя включена в ОЭСР и выступает по сути производящей «периферией» экономики США) еще только наращивают общественное богатство своего социума, рассчитанное нами посредством НСВ. Однако его реальное значение в форме ОСВ остается незначительным, хотя и возрастает в КНР (единственной из всей анализируемой «шестерки» стран), используя эффект «низкого старта». Для Республики Корея характерны, во-первых, убыль ОСВ в структуре НСВ, а во-вторых, максимальный прирост показателя разницы НСВ и ОСВ. Аналогичным путем, как видно из полученных результатов, следует и Россия, все еще сохраняя реальное общественное богатство на основе традиционных ценностей семьи и быта.

Следовательно, результаты анализа в различной степени способствуют эмпирическому подтверждению возможности использования категорий

НСВ и ОСВ как не затратного количественного показателя, отражающего уровень общественно-го богатства НЭС сопоставляемых стран, приводя к выводу о губительности следования капиталистическим путем социально-экономического развития для человека труда.

Список источников

1. Beck U. *The Brave New World of Work*. Oxford : Polity Press, 2000. 202 p.
2. Beutell N. J. Work schedule, work schedule control and satisfaction in relation to work-family conflict, work-family synergy, and domain satisfaction // *Career Development International*. 2010. Vol. 15, No. 5. Pp. 501–518. DOI: 10.1108/13620431011075358
3. Bridges W. *Jobshift: How To Prosper In A Workplace Without*. Reading, Massachusetts : Addison-Wesley, 1995. 276 p.
4. Handy C. *The Future of Work. A Guide to a Changing Society*. Oxford : Basil Blackwell, 1984. 216 p.
5. Kelly E. L., Moen P., Tranby E. Changing workplaces to reduce work-family conflict: Schedule control in a white-collar organization // *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76, no. 2. Pp. 265–290. DOI: 10.1177/0003122411400056
6. Marucci-Wellman H. R., L. Tin-Chi, J. L. Willetts, M. J. Brennan, Santosh S. K. Differences in Time Use and Activity Patterns When Adding a Second Job: Implications for Health and Safety in the United States // *American Journal of Public Health*. 2014. Vol. 104. Iss. 8. Pp. 1488–1500. DOI: 10.2105/AJPH.2014.301921
7. Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York : Tarcher; Updated edition, 2004. 400 p.
8. Антониоли М. Эстетическая стадия производства/потребления и «революция времени по выбору» // *Логос*. 2015. № 3 (105). С. 120–137.
9. Бенанав А. Автоматизация и будущее работы : пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2022. 208 с.
10. Бугалин А. В. Поздний капитализм и его пределы: Диалектика производительных сил и производственных отношений // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 2 (14). С. 10–39.
11. Грааф Дж. Де, Ванн Д., Нэйлор Т. Х. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. М. : Алгоритм, 2016. 390 с.
12. Демина В. В. Границы рабочего и свободного времени у современных работников // *Российское предпринимательство*. 2011. № 10. С. 30–36.
13. Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 576 с.
14. Золотов А. В., Попов М. В. *Философия производительного труда*. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. 160 с.
15. Колмакова И. Д., Бурлаков М. Е., Колмакова Е. М., Бутаков Н. А. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Российской Федерации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023. № 11 (481). С. 44–52. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-44-52
16. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Состояние социально-трудовой сферы в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 11 (469). С. 81–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11108
17. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолибериализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // *Логос*. 2007. № 4 (61). С. 123–143.
18. Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // *Логос*. 2015. № 3(105). С. 51–71.
19. Крэри Д. 24/7. Поздний капитализм и цели сна : пер с англ. М. : ИД ВШЭ, 2022. 136 с.
20. Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Трансформация модели воспроизводства человеческих ресурсов в современных реалиях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 11 (469). С. 18–27. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11103
21. Маркс К. *Капитал*. Т. 4. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 26, ч. 3. М. : Изд-во полит. лит., 1964. 674 с.
22. Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»)*.

Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 2. М. : Изд-во полит. лит., 1969. 244 с. URL: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/marx-engels/46-2.pdf>

23. Минат В. Н. Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) // *Общественные науки и современность*. 2023. № 5. С. 19–32. DOI: 10.31857/S0869049923050027

24. Минат В. Н. Метаморфозы бюджета времени и интенсивность труда работников высокотехнологичных отраслей // *AlterEconomics*. 2024. Т. 21, № 3. С. 452–473. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.2

25. Минат В. Н. «Метамфетамин интенсивности труда». Цифровая трансформация и искусственная реальность в новых условиях эксплуатации труда // *Свободная мысль*. 2023. № 6 (1702). С. 35–52.

26. Плетнев Д. А. Проблема отчуждения: вызов для политической экономии XXI века // *Вопросы политической экономии*. 2015. № 4. С. 37–52.

27. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Влияние технологических изменений на поведение хозяйствующих субъектов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3 (449). С. 70–79. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10308

28. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Особенности отчуждения и оппортунизма работников российских компаний в зависимости от их приверженности к управленческим ролям // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023. № 3 (473). С. 156–169.

29. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Отчуждение сотрудников российских предприятий: факторы различия и драйверы изменений // *Вопросы политической экономии*. 2022. № 4 (32). С. 132–154. DOI: 10.5281/zenodo.7522066

30. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться : пер. с англ. М. : Индивидуум, 2024. 352 с.

31. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития. Под ред. А. В. Золотова. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2016. 198 с.

32. Тараданов А. А., Пахомова Я. Н., Трушина И. А., Лисичкина А. Г. Предикторы успешной экономической социализации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 4 (462). С. 131–141. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10413

33. Толмачёв О. Л. Закон самозэксплуатации работника // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 6 (488). С. 11–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-11-22

References

1. Beck U. *The Brave New World of Work*. Oxford, Polity Press; 2000. 202 p.
2. Beutell NJ. Work schedule, work schedule control and satisfaction in relation to work-family conflict, work-family synergy, and domain satisfaction. *Career Development International*. 2010;15(5):501-518. DOI: 10.1108/13620431011075358
3. Bridges W. *Jobshift: How To Prosper In A Workplace Without*. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley; 1995. 276 p.
4. Handy C. *The Future of Work. A Guide to a Changing Society*. Oxford, Basil Blackwell; 1984. 216 p.
5. Kelly EL, Moen P, Tranby E. Changing workplaces to reduce work-family conflict: Schedule control in a white-collar organization. *American Sociological Review*. 2011;76(2):265-290. DOI: 10.1177/0003122411400056
6. Marucci-Wellman HR, L Tin-Chi, JL Willetts, MJ Brennan, Santosh SK. Differences in Time Use and Activity Patterns When Adding a Second Job: Implications for Health and Safety in the United States. *American Journal of Public Health*. 2014;104(8):1488-1500. DOI: 10.2105/AJPH.2014.301921
7. Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York, Tarcher; Updated edition; 2004. 400 p.
8. Antonioli M. The Aesthetic Stage of Production/Consumption and the “Revolution of Time by Choice”. *Logos = Logos*. 2015;3(105):120-137. (In Russ.).
9. Benanav A. *Automation and the Future of Work*. Translated from English. Moscow, Gaidar Institute Publishing House; 2022. 208 p. (In Russ.).
10. Buzgalin AV. Late Capitalism and Its Limits: The Dialectics of Productive Forces and Production Relations. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Problems in Political Economy*. 2018;2(14):1039. (In Russ.).
11. Graaff JDe, Vann D, Naylor TH. *Consumerism. A Disease Threatening the World*. Moscow, Algorithm; 2016. 390 p. (In Russ.).

12. Demina VV. Boundaries of Working and Free Time for Modern Employees. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*. 2011;(10):30-36. (In Russ.).
13. El'meev VYa. Social Economy of Labor: General Foundations of Political Economy. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University; 2007. 576 p. (In Russ.).
14. Zolotov AV, Popov MV. Philosophy of Productive Labor. Monograph. N. Novgorod, Publishing House of Nizhny Novgorod University; 2006. 160 p. (In Russ.).
15. Kolmakova ID, Burlakov ME, Kolmakova EM, Butakov NA. The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market of the Russian Federation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;11(481):44–52. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-44-52 (In Russ.).
16. Kolmakova ID, Kolmakova EM. The state of the social and labor sphere in the context of the strategy for achieving sustainable development goals. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;11(469):81-91. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11108 (In Russ.).
17. Korsani A. Capitalism, biotechnoscience and neoliberalism. Food for thought about the relationship between capital, knowledge and life in cognitive capitalism. *Logos*. 2007;4(61):123-143. (In Russ.).
18. Korsani A. Transformation of labor and its temporalities. Chronological disorientation and colonization of non-working time. *Logos*. 2015;3(105):51-71. (In Russ.).
19. Crary D. 24/7. Late capitalism and the goals of sleep. Translated from English. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 136 p. (In Russ.).
20. Lavrent'eva IV, Kapkaev YuSh, Rudenko DS. Transformation of the model of human resources reproduction in modern realities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;11(469):18-27. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11103 (In Russ.).
21. Marx K. Capital. Vol. 4. Theories of Surplus Value. Marx K., Engel's F. Works. 2nd ed. Vol. 26. Part 3. Moscow, Political Literature Publishing House; 1964. 674 p. (In Russ.).
22. Marx K. Economic Manuscripts of 1857–1859 (the original version of “Capital”). Part 2. Marx K., Engel's F. Works. 2nd ed. Vol. 46. Part 2. Moscow, Political Literature Publishing House, 1969. 244 p. URL: <http://bolshhevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/marx-engels/46-2.pdf> (In Russ.).
23. Minat VN. Interrelated Dynamics of Duration, Productivity, and “Meaninglessness” of Labor (Sectoral Aspect Using the US Example). *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2023;(5):19-32. DOI: 10.31857/S0869049923050027, (In Russ.).
24. Minat VN. Metamorphoses of the Time Budget and Labor Intensity of Workers in High-Tech Industries. *AlterEconomics*. 2024;(21930):452-473. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.2 (In Russ.).
25. Minat VN. “Methamphetamine of Labor Intensity”. Digital Transformation and Artificial Reality in the New Conditions of Labor Exploitation. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*. 2023;6(1702):35-52. (In Russ.).
26. Pletnev DA. The Problem of Alienation: A Challenge for the Political Economy of the 21st Century. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Problems in Political Economy*. 2015;(4):37-52. (In Russ.).
27. Pletnev DA, Kozlova EV. The Impact of Technological Changes on the Behavior of Economic Entities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;3(449):70-79. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10308 (In Russ.).
28. Pletnev DA, Kozlova EV. Features of Alienation and Opportunism of Employees of Russian Companies Depending on Their Commitment to Management Roles. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):156-169. (In Russ.).
29. Pletnev DA, Kozlova EV. Alienation of Employees of Russian Enterprises: Difference Factors and Drivers of Change. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Problems in Political Economy*. 2022;4(32):132-154. DOI: 10.5281/zenodo.7522066 (In Russ.).
30. Susskind D. The Future Without Work. Technology, Automation, and Should We Fear Them? Translated from English. Moscow, Individual; 2024. 352 p. (In Russ.).
31. Reduction of the Working Day as the Basis for Modern Economic Development. Ed. by A. V. Zolotov. St. Petersburg, Publishing House of the Polytechnic University; 2016. 198 p. (In Russ.).
32. Taradanov AA, Pakhomova YaN, Trushina IA, Lisichkina AG. Predictors of Successful Economic Socialization. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;4(462):131-141. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10413 (In Russ.).
33. Tolmachev OL. The Law of Self-Exploitation of an Employee. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;6(488):11-22. DOI:10.47475/1994-2796-2024-488-6-11-22 (In Russ.).

Информация об авторе

В. Н. Минат — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.

Information about the author

V. N. Minat — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 13.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 19–28.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):19-28

Научная статья

УДК 332.13

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: АДАПТАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ПРИОРИТИЗАЦИЯ ЗАДАЧ

Валентина Сергеевна Антонюк¹, Наталья Анатольевна Сигатова²,
Эльмира Рифатовна Вансович³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, antvs@list.ru, 0000-0002-4823-7862

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, sigatova@yandex.ru, 0000-0001-5883-7426

³ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, vansovicher@susu.ru, 0000-0002-1662-6767

Аннотация. Статья посвящена исследованию адаптации действующей стратегии пространственного развития к изменившимся геополитическим и геоэкономическим условиям и, следовательно, корректировке ее задач. Цель статьи — исследование пространственного развития Уральского федерального округа под углом зрения одновременно происходящих процессов функционирования городских агломераций и формирования опорных населенных пунктов. Объектами исследования являются экономические процессы, протекающие в четырех регионах Уральского федерального округа (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областях). Методами исследования выступили фундаментальные философские подходы (абстрагирование и обобщение, системный подход, структурно-функциональный метод, метод сравнительного анализа и др.), а также технические методы (метод позиционирования и классификации типов регионов) и пр. Итоговые результаты получены в ходе обработки статистических данных, предоставляемых Росстатом, а также официальными сайтами правительства субъектов РФ и администрации населенных пунктов. В процессе исследования изучалось основное новшество, предложенное в обновленной стратегии: формирование, наряду с городскими агломерациями, опорных населенных пунктов, которые, вероятнее всего, должны связать слабо агломерированную территорию регионов и страны. В ходе исследования Уральского федерального округа выяснилось, что существуют определенные тренды в формировании опорных населенных пунктов: наиболее агломерационные территории имеют меньшее количество опорных населенных пунктов (Челябинская область); наибольшее количество населения проживает на агломерированных территориях (кроме Курганской области); во всех регионах опорные населенные пункты представлены сельскими населенными пунктами (в отличие от Свердловской области, где большинство их являются городскими населенными пунктами). В целом анализ каркаса опорных населенных пунктов в УрФО на начальном этапе их формирования свидетельствует о необходимости их идентификации, их функционального предназначения на конкретной территории.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития РФ, адаптационный подход, приоритизация задач, городские агломерации и опорные населенные пункты Уральского федерального округа

Для цитирования: Антонюк В. С., Сигатова Н. А., Вансович Э. Р. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 19–28. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28.

Original article

STRATEGY OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: ADAPTATION APPROACH AND PRIORITIZATION OF TASKS**Valentina S. Antonyuk¹, Natalia A. Sigatova², Elmira R. Vansovich³**¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, antvs@list.ru, 0000-0002-4823-7862²South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, sigatova@yandex.ru, 0000-0001-5883-7426³South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, vansovicher@susu.ru, 0000-0002-1662-6767

Abstract. The article is devoted to the study of the adaptation of the current spatial development strategy to the changed geopolitical and geo-economic conditions and, consequently, to the adjustment of its objectives. The aim of the article is to study the spatial development of the Ural Federal District from the angle of simultaneously occurring processes of urban agglomerations functioning and formation of supporting settlements. The objects of the study are economic processes taking place in four regions of the Urals Federal District (Sverdlovsk, Chelyabinsk, Tyumen, and Kurgan Oblasts). The research methods included fundamental philosophical approaches (abstraction and generalization, system approach, structural-functional method, method of comparative analysis, etc.), as well as technical methods (method of positioning and classification of types of regions), etc. The results of the research were obtained during the processing of the results. The final results were obtained in the course of processing statistical data provided by Rosstat, as well as the official websites of the government of the constituent entities of the Russian Federation and the administration of localities. In the course of the research the main innovation proposed in the updated strategy was studied: the formation, along with urban agglomerations, of anchor settlements, which, most likely, should connect the weakly agglomerated territory of the regions and the country. The study of the Urals Federal District revealed that there are certain trends in the formation of anchor settlements: the most agglomerated territories have fewer anchor settlements (Chelyabinsk Oblast); the largest number of population lives in agglomerated territories (except for Kurgan Oblast); in all regions anchor settlements are represented by rural settlements (in contrast to the Sverdlovsk Oblast, where most of them are urban settlements). In general, the analysis of the framework of anchor settlements in the Urals Federal District at the initial stage of their formation indicates the need for their identification, their functional purpose in a particular territory.

Keywords: spatial development strategy of the Russian Federation, adaptation approach, prioritization of tasks, urban agglomerations and reference settlements of the Urals Federal District

For citation: Antonyuk VS, Sigatova NA, Vansovich ER. Strategy of Spatial Development of Russia: Adaptation Approach and Prioritization of Tasks. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):19-28. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28.

Введение

Важнейшей особенностью современного этапа развития Российской Федерации становится достижение целей её пространственного функционирования, которые состоят в уменьшения различий в уровне и качестве жизни населения регионов, в увеличении темпов экономического роста и обеспечении национальной безопасности страны.

В экономической литературе и в органах власти разного уровня широко обсуждается обновлённая Стратегия пространственного развития России до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹, необходимость принятия которой по сравнению с действующей стратегией пространственного развития, приня-

той в 2019 г.², обусловлена объективными требованиями учёта важнейших геополитических и геоэкономических факторов, вызывающих как ограничения, так и возможности для пространственного развития страны, среди которых следует отметить такие, как:

– переориентация экспорта на новые рынки сбыта и, следовательно, изменение направлений грузопотоков и требование формирования транспортно-логистической инфраструктуры [12];

– корректировка целевых векторов пространственного развития отдельных регионов России (переориентация территориального вектора на Восток и Юг [3], расширение специализации

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: (https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_rassmotrelo_proekt_strategii_prostranstvennogo_razvitiya.html) (дата обращения 28.11.2024).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения 28.11.2024).

Дальневосточного региона в направлении развития транспортной инфраструктуры, снятия ограничений в энергетике [9], развитие промышленной кооперации с Азиатско-Тихоокеанском регионом) [8];

– учёт планов пространственного развития государств, находящихся на границе с Россией (Китай, Монголия, Евразийский союз и пр.) [6]. В частности, развитие коридора «Север-Юг» (совместные проекты с Казахстаном, Азербайджаном, Ираном и пр.) [4];

– интеграция новых регионов в экономическое пространство страны [7] и пр.

Действие вышеуказанных факторов потребовало адаптации действующей Стратегии пространственного развития России к изменившимся условиям, в ходе чего происходит отслеживание непредсказуемо изменяющихся факторов внешней и внутренней среды и, соответственно, приспособление целей и инструментов Стратегии к изменившейся ситуации. В ходе корректировки Стратегии отдельными экономистами было обращено внимание на актуальность обеспечения связанности страны не только за счет системы городских агломераций, но также путём повышения связанности территории, лежащей за пределами городских агломераций. Подобные территории предлагается «связать» за счет формирования опорных населённых пунктов, которые сегодня признаются одним из важнейших приоритетов пространственного развития России [10].

Опорные населенные пункты представляют собой муниципальные образования, расположенные вне границ городских агломераций, на базе которых динамично развивается инфраструктура, обеспечивающая реализацию услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, а также иных потребностей населения территории самого опорного населённого пункта и прилегающих к нему муниципальных образований¹.

Поэтому целью статьи является теоретико-методическое исследование пространственного развития Уральского федерального округа в контексте идущих одновременно процессов укрепления городских агломераций и становления опорных населённых пунктов для разработки реко-

мендаций по усилению связанности территории Уральского макрорегиона.

Для реализации указанной цели необходимо решить следующие задачи:

– на основе адаптационного подхода определить основные вектора корректировки пространственного развития РФ в современных условиях и, в частности, проанализировать тезис о формировании и развитии опорных населённых пунктов;

– предложить методы и систему показателей оценки стартовой позиции опорных населённых пунктов УрФО;

– произвести сравнительный анализ системы опорных населённых пунктов регионов Уральского федерального округа на начальной фазе их формирования.

Теория

Пространственное развитие любой страны представляет собой процесс распределения основных ресурсов по её территории, который происходит под влиянием нескольких закономерностей. Первая закономерность — трудовые ресурсы, как правило, сосредотачиваются в местах приложения труда, которые создаются предприятиями, следовательно, место размещения последнего оказывает влияние на распределение населения и, соответственно, населённых пунктов. Поэтому экономический анализ формирования населённых пунктов (городов) позволяет выделить такие их типы, как: торговые; транспортно-ориентированные, ресурсно-ориентированные; рыночно-ориентированные населённые пункты, портовые города и пр. [13, с. 44–81]. Вторая закономерность — по мере развития городов, как правило, происходит концентрация производства и концентрации населения вследствие действия агломерационных эффектов (соответственно, эффекта локализации и эффекта урбанизации). Пространственное развитие страны требует территориальной связанности ресурсов, производительных сил, результатов производства, что требует особых форм их территориальной организации [18].

Экономической наукой и практикой доказана наиболее эффективная и преобладающая в современных условиях тенденция населения и фирм к концентрации в крупных и крупнейших городах, что приводит к возникновению городских агломераций [1; 15]. Сегодня агломерационный каркас расселения является основным и, как правило, господствует ниже 70 широты (кроме Мурманской и Архангельско-Северодвинской).

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/> (дата обращения 28.11.2024).

Вместе с тем Российская Федерация характеризуется существенными природными ресурсами (освоенными и неосвоенными), залежами полезных ископаемых, находящимися в зоне вечной мерзлоты¹. В силу этого существует настоятельная потребность в освоении северных территорий, которая значительно ограничена вследствие отсутствия условий для обеспечения нормальной жизнедеятельности. Подобная ситуация разрешается в арктической зоне России за счет особого вида расселения, которое называется «опорными населенными пунктами», важность которых состоит не в абсолютной численности населения муниципалитета, а в его значимости для окружающего пространства (обеспечение техническими и социальными услугами; обеспечение национальной безопасности России; крупнейшие ресурсодобывающие пункты; точки обеспечения труднодоступной территории и пр.). За счёт этих факторов Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) формирует 10% валового внутреннего продукта страны при численности населения менее 2%².

Для подтверждения факта принадлежности городов к категории опорных населённых пунктов АЗРФ необходимо выполнение ими следующих функций:

- обеспечение национальной безопасности (наличие у муниципального образования статуса закрытого административного территориального образования, расположение вблизи пограничной зоны РФ);
- освоение стратегически важных минеральных ресурсов;
- реализация экономических или инфраструктурных проектов (подкатегории: «Инвестпроекты», «Логистические центры» и пр.);
- дополнительные услуги (предоставление услуг в зоне бездорожья)¹.

Основной особенностью обновлённой Стратегии пространственного развития является расширение территории размещения системы опорных населённых пунктов — рассредоточение их по всей территории страны на той территории, где слабы агломерационные процессы. Предполагается, что основным предназначением данных населённых пунктов будет являться сглаживание различий в уровне и качестве жизни населения,

¹ Опорные населенные пункты — каркас Российской Арктики. URL: <https://nashsever51.ru/storage/temporary/24/03/06/156462/47cdd109-1303-48df-a944-0d4ae3334461.pdf>

² Наш север. URL: <https://nashsever51.ru/projects/onp> (дата обращения 28.11.2024).

поиск особых форм хозяйствования в условиях узкой специализации (моногорода, наукограды) [2; 16]. При этом опорные города должны стать драйвером роста для прилегающих территорий [10]. В настоящее время к опорным населённым пунктам отнесены 2,3 тыс. населённых пунктов³.

Идентификация населённого пункта в качестве опорного населённого пункта предполагает соответствие его следующим основным критериям:

- не входит в состав городской агломерации;
- имеет территории для перспективного строительства и застройки в соответствии с документами территориального планирования;
- расстояние между опорным населённым пунктом и населённым пунктом с населением свыше 50 тыс. чел. — более 50 км;
- численность населения — более 3 тыс. чел., но не более 50 тыс. чел.;
- численность населения прилегающих территорий составляет не более 100% численности населения опорного пункта;
- опорный населённый пункт имеет транспортную связь с административным центром в течение всего года;
- более половины численности населения имеют возможность пользоваться объектами социальной (профессиональные образовательные организации, медицинские организации и пр.), транспортной, инженерной (системы газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения и канализации и пр.) и информационно-коммуникационной инфраструктур⁴.

Выделение нового объекта управления пространственным развитием региона требует приведение в действие обновлённых направлений и инструментов управления ими. В качестве основного инструментария развития опорных населённых пунктов предлагается:

- активизация использования программно-целевого метода (в частности, Правительство России формирует новый национальный проект «Инфраструктура для жизни»⁵, в рамках которого пред-

³ https://economy.gov.ru/material/news/perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rossii_planiruyut_utverdit_v_avguste_mer_rf.html (дата обращения 28.11.2024).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населённых пунктов и прилегающих территорий. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/> (дата обращения 28.11.2024).

⁵ <http://council.gov.ru/activity/documents/162455/> (дата обращения 28.11.2024).

полагается комплексное развитие опорных населенных пунктов, включающее мероприятия по архитектуре и жилищному обустройству; дорожному строительству и обеспечению современным транспортом; модернизации жилищно-коммунального хозяйства и формированию условий для комфортной жизни населения [11, с. 228–242];

– совершенствование методов территориального планирования и проектирования, в ходе которого идёт поиск наиболее рациональной организации территории, а также размещения в её пределах производственных и инфраструктурных предприятий, оптимального расселения граждан, учитывающего природно-географические, климатические, экономические, социальные факторы и, в обязательном порядке, основные функции опорных населённых пунктов [5, с. 138–153; 14, с. 183–197; 17]. В процессе территориального планирования в качестве основных его документов выступают: Стратегии и программы комплексного развития территории, схемы территориального планирования, генеральные планы, нормы градостроительного проектирования, правила землепользования и застройки; проекты планировки, межевания и застройки территории, которые после утверждения органами власти, выступают в качестве основных в процессе градостроительной деятельности¹.

Методы и материалы

Система формирования опорных населённых пунктов в Уральском федеральном округе начала формироваться весной 2023 года, когда были выпущены постановления Правительства Свердловской (от 16.02.2023 г., № 123-ПП)², Курганской (от 29.03.2023 г., № 69)³, Челябинской (от 29.05.2023 г., № 306-П)⁴ и Тюменской области (от 13.07.2023 г., № 445-п)⁵, в которых был определён перечень опорных населённых пунктов и прилегающих к ним населённых пунктов. На основании этого можно констатировать, что процесс формирования системы управления опорными населёнными пунктами находится на начальном

¹ Территориальное планирование и проектирование. URL: <https://gisinfo.ru/geodesy/terplandesign.htm> (дата обращения 28.11.2024).

² <https://docs.cntd.ru/document/406510848> (дата обращения 28.11.2024).

³ <http://publication.pravo.gov.ru/document/4500202303300006> (дата обращения 28.11.2024).

⁴ <https://base.garant.ru/406953580/?ysclid=m4cj8vgg sj836757190> (дата обращения 28.11.2024).

⁵ <http://publication.pravo.gov.ru/document/7200202307190021> (дата обращения 28.11.2024).

этапе и сравнительный анализ, проведённый авторами, будет осуществлён при определённых допущениях, а именно:

– будет проведен сравнительный анализ только тех субъектов РФ, которые находятся в Уральском федеральном округе;

– анализ весьма ограничен вследствие наличия небольшой базы статистических данных, характеризующих экономическое положение малых городов и сельских населённых пунктов.

Учитывая подобные допущения, в статье проводится сравнительный анализ опорных населённых пунктов Уральского федерального округа в следующей последовательности.

Первый этап — исследование показателей, характеризующих агломерационную развитость территории регионов УрФО, а именно:

– количество городских агломераций (оформленных юридически);

– количество муниципальных образований, состоящих в городских агломерациях, и их удельный вес в общем количестве муниципальных образований области;

– удельный вес населения, проживающего в городских агломерациях, от общего количества населения субъекта РФ.

Второй этап — исследование экономических показателей опорных населённых пунктов регионов УрФО, а именно:

– количество опорных населённых пунктов (сельских и городских) в регионе и их удельный вес в общем количестве муниципальных образований региона;

– удельный вес населения, проживающего в опорных населённых пунктах, от общей численности населения области.

Третий этап — позиционирование регионов Уральского федерального округа в системе координат «Удельный вес населения, проживающего в городских агломерациях, от его общего количества в регионе — удельный вес населения, проживающего в опорных населённых пунктах, от его общего количества в регионе — количество опорных населённых пунктов (городских и сельских)».

Четвёртый этап — систематизация типов регионов Уральского федерального округа на начальной фазе формирования опорных населённых пунктов в неоднородном агломерационном пространстве УрФО.

Результаты исследования

Наше исследование направлено на анализ стартового положения опорных населённых пунктов

в неоднородном агломерационном пространстве регионов УрФО. С этой целью проведено сравнение регионов УрФО по состоянию каркаса городских агломераций и системы опорных населённых пунктов, созданных в Уральском макрорегионе в 2023 г. Данный анализ проводился на примере сравнения двух групп населённых пунктов (опорных и входящих в агломерации) по следующим критериям: первый — соотношение количества разных групп населённых пунктов (опорных и входящих в агломерации), второй — удельный вес населения, проживающего в разных группах населённых пунктов (опорных и входящих в агломерации) (табл. 1).

На территории Уральского федерального округа юридически закреплены 5 городских агломераций: одна — Екатеринбургская, вторая — Тюменская, 3 агломерации находятся в Челябинской области (Челябинская и Магнитогорская агломерации, агломерация «Горный Урал»), в которых проживает, соответственно, 51; 63,9 и 73,8% населения от общего количества населения регионов.

Полтора года назад были изданы постановления Правительства субъектов РФ, на основании которых отдельным населённым пунктам регионов был присвоен статус «опорных населённых пунктов». Как видно из табл. 1, наибольший удельный вес опорных населённых пунктов

в общем количестве муниципальных образований присутствует в Курганской области (84,6%), в которых проживает 20% населения области. Наименьшее количество опорных населённых пунктов находится на территории Челябинской области (3% от общего количества муниципалитетов), в которых проживает 3% населения.

На основании просчитанных данных осуществлено позиционирование регионов УрФО в системе координат «Удельный вес населения, проживающего в городских агломерациях, от его общего количества в регионе — удельный вес населения региона, проживающего в опорных населённых пунктах, от его общего количества, проживающего в регионе — количество опорных населённых пунктов (диаметр кружка) (городских (жёлтый цвет) и сельских (зелёный цвет))» в 2022 г. (рис. 1).

Проведенный анализ указанных субъектов РФ позволяет сделать следующие выводы.

Прежде всего при всей сложности определения господствующих трендов в начальной фазе формирования опорных населённых пунктов следует заметить определённые тенденции:

– наибольшее количество опорных населённых пунктов и населения, проживающего в них, находится, как правило, на слабо агломерированных территориях (например, Курганская область);

Таблица 1

Table 1

Сравнительный анализ регионов Уральского федерального округа по показателям, характеризующим состояние городских агломераций и показателям, отражающим стартовое положение опорных населённых пунктов

Comparative analysis of the regions of the Ural Federal District according to indicators characterizing the state of urban agglomerations and indicators reflecting the starting position of the main settlements

Регионы УрФО	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
Количество муниципальных образований	26	94	276	316
Первый критерий — соотношение количества разных групп населённых пунктов (опорных и входящих в агломерации)				
Количество муниципальных образований, входящих в городские агломерации	0	12	3	16
Количество опорных населённых пунктов	22	49	19	9
Второй критерий — удельный вес населения, проживающего в разных группах населённых пунктов (опорных и входящих в агломерации)				
Удельный вес населения, проживающего в агломерациях, от его общего количества, %	0	51,0	63,9	73,8
Удельный вес населения, проживающего в ОНП, от его общего количества, %	20,0	17,0	11,0	3,0

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных <https://www.economy.gov.ru/>, <http://publication.pravo.gov.ru/>, <https://rosstat.gov.ru/>, <https://66.rosstat.gov.ru/>, <https://72.rosstat.gov.ru/>, <https://74.rosstat.gov.ru/>, <https://ru.wikipedia.org>

Рис. 1. Позиционирование регионов УрФО по критерию соотношения населения, живущего в городских агломерациях, и населения, живущего в опорных населённых пунктах в 2022 году

Fig. 1. Positioning of the regions of the Ural Federal District according to the criterion of the ratio of the population living in urban agglomerations and the population living in the main settlements in 2022

Примечание: составлено авторами

– во всех регионах, кроме Курганской области, население проживает на агломерированных территориях, а не в опорных населённых пунктах.

– основной тип опорных населённых пунктов представляют сельские населённые пункты во всех регионах, кроме Свердловской области, где большинство опорных населённых пунктов являются городскими.

Далее, технология позиционирования позволяет провести системную типологию регионов.

Первый тип — Челябинская область — регион, для которого характерна высокая степень развитости городских агломерационных процессов, небольшое количество опорных населённых пунктов (9 ОНП), низкий удельный вес населения, проживающего в этих муниципалитетах (3%).

Второй тип — Тюменская область — имеет 19 опорных населённых пунктов, в которых проживает 11% населения области, 63,9% населения проживает в городских агломерациях.

Третий тип — Свердловская область, где присутствует наибольшее количество опорных населённых пунктов (49), (большинство из которых — городские населённые пункты), в которых проживает 17% населения области.

И, наконец, четвертый тип представлен Курганской областью, отличающейся низкой агломерационной развитостью территории, в силу чего здесь оформлено 22 опорных населённых пункта из 26 муниципальных образований, в которых проживает 20% населения области.

Заключение

Проведенное исследование посвящено рассмотрению направлений, в соответствии с которыми осуществляется в настоящее время подготовка обновленной стратегии пространственного развития Российской Федерации. Проведенный анализ позволяет сделать следующие теоретические и практические выводы.

Первое. Любая стратегия, в том числе стратегия пространственного развития РФ, предполагает обязательный мониторинг её выполнения, в ходе которого происходит отслеживание происходящих в пространстве социально-экономических изменений и актуализация целей. В настоящее время Правительством РФ осуществляется приоритизация задач и направлений действующей стратегии пространственного развития, в процессе которого предлагаются акцент на следующие направления пространственного развития: совершенствование пространственного социально-экономического развития отдельных регионов страны, на которые в наибольшей степени повлияло изменение геополитических и геоэкономических условий; ускоренное развитие опорных населённых пунктов с целью усиления связанности низко агломерированных территорий; совершенствование инструментов территориального планирования.

Второе. В статье особое внимание уделено рассмотрению теории опорных населённых пунктов: необходимости их формирования; сущности и выполняемым функциям; основным факторам и ограничениям развития.

Третье. Предлагается определенная система показателей, по которым можно оценить стартовую позицию опорных населенных пунктов, а также провести сравнительный анализ регионов УрФО по состоянию расселения населения в агломерационном пространстве и на территории опорных населенных пунктов.

Четвертое. Анализ начального этапа постро-

ения опорных населенных пунктов в регионах Уральского федерального округа показал, что существует весьма мозаичная картина их формирования по областям Уральского макрорегиона, что свидетельствует о недостаточном определении их функционального предназначения, отсутствии единой концепции построения каркаса опорных населенных пунктов.

Список источников

1. Антонюк В. С., Бенц Д. С. Крупнейшие городские агломерации Уральского федерального округа: сравнительный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 31–43. DOI 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43
2. Антонюк В. С., Эрлих Г. В., Мурзина Е. В. Комплексное инвестиционное планирование монофункциональных городов. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2015. 134 с.
3. Бунеева Р. И., Бунеева М. В., Анисимов К. В. Экономика России в условиях санкций: состояние и перспективы развития // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2024. № 3(106). С. 34–43. DOI 10.21295/2223-5639-2024-3-34-43
4. Выдашенко Л. А., Выдашенко П. А. Новые тенденции и перспективы развития международного транспортного коридора «Север-Юг» // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 2. С. 239–246. DOI 10.33619/2414-2948/87/28
5. Государственное и муниципальное управление: приоритеты и механизмы пространственного развития России / М. Ю. Андронов, В. С. Антонюк, Н. О. Герасимова [и др.]. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2024. 322 с.
6. Дроздова М. А., Покровская М. А. Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС — Китай в транспортно-логистической сфере // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 1(47). С. 71–80. DOI 10.22394/2073-2929-2024-01-71-80
7. Жуковская Е. Е. Интеграция исторических территорий Новороссии в единое государственное пространство Российской Федерации // Власть. 2023. Т. 31, № 5. С. 46–57. DOI 10.31171/vlast.v31i5.9777
8. Зверева В. В. Перераспределение транспортных потоков на Азиатский регион // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 2. С. 294–300. DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-2-294-300
9. Король Р. Г. Развитие терминально-логистической инфраструктуры арктических и северо-восточных регионов Дальнего Востока // Вестник транспорта Поволжья. 2022. № 6 (96). С. 84–92.
10. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 95–111. DOI 10.31171/vlast.v30i2.8939
11. Муниципальная экономика / Е. Г. Анимица, П. Е. Анимица, И. А. Антипин [и др.]. Екатеринбург : Уральский государственный экономики, 2021. 494 с.
12. Оленевич В. А., Горшков В. В., Брытков В. С. Современное состояние и проблемы развития транспортно-логистической системы России // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2024. № 1 (81). С. 103–112. DOI 10.26731/1813-9108.2024.1(81).103-112
13. О’Салливан А. Экономика города : пер. с англ. 4-е изд. М. : Инфра-М, 2002. 706 с.
14. Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике / Е. Г. Анимица, В. С. Антонюк, Т. А. Балина [и др.]; Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2022. 346 с.
15. Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры : колл. монография / под ред. Я. П. Силина / Мин-во образования и науки РФ, УрГЭУ. Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного университета, 2017. 327 с.
16. Секушина И. А. Роль малых и средних городов в системе расселения страны // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4, № 5. С. 24–35.
17. Тургель И. Д., Власова Н. Ю. Территориальное планирование развития городов в РФ: основные этапы формирования // Муниципалитет: экономика и управление. 2016. № 1 (14). С. 5–15.

18. Managing urban agglomeration processes in Russia in the context of agglomerative and socio-economic development / A. K. Tiwari, V. S. Antoniuk, A. S. Lapo, E. R. Vansovich // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, No. 7. P. e28654. DOI 10.1016/j.heliyon.2024.e28654.

References

1. Antonyuk VS, Benz DS. The largest urban agglomerations of the Urals Federal District: a comparative analysis. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(12(482)):31-43. DOI 10.47475/1994-2796-2023-482-12-31-43 (In Russ.).
2. Antoniuk VS, Erlich GV, Murzina EV. Integrated investment planning of monofunctional cities. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, South Ural State University, Department of “Economic Theory, World and Regional Economics”. Chelyabinsk; 2015. 134 p. (In Russ.).
3. Buneeva RI, Buneeva MV, Anisimov KV. Russian economy under sanctions: status and prospects of development. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava = Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2024;3(106):34-43. DOI 10.21295/2223-5639-2024-3-34-43 (In Russ.).
4. Vydashenko LA, Vydashenko PA. New trends and prospects of development of the international transport corridor “North-South”. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of science and practice*. 2023;9(2):239-246. DOI 10.33619/2414-2948/87/28 (In Russ.).
5. State and municipal management: priorities and mechanisms of spatial development of Russia. M. Y. Andronov, V. S. Antonyuk, N. O. Gerasimova [et al.]. Chelyabinsk; 2024. 322 p. (In Russ.).
6. Drozdova MA, Pokrovskaya MA. Actual issues of international legal regulation of cooperation EAEU — China in transport and logistics. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2024;8(1(47)):71-80. DOI 10.22394/2073-2929-2024-01-71-80 (In Russ.).
7. Zhukovskaya EE. Integration of historical territories of Novorossiia into a single state space of the Russian Federation. *Vlast' = Vlast*. 2023;31(5):46-57. DOI 10.31171/vlast.v31i5.9777. (In Russ.).
8. Zvereva V. Redistribution of transportation flows to the Asian region. *Russian Economic Bulletin*. 2024;7(2):294-300. DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-2-294-300 (In Russ.).
9. Korol RG. Development of terminal-logistic infrastructure of the Arctic and northeastern regions of the Far East. *Vestnik transporta Povolzh'ya = Vestnik Transport Povolzh'ye*. 2022;6(96):84-92. (In Russ.).
10. Markwart E, Kiseleva NN, Sosnin DP. System of reference settlements as a mechanism for managing spatial development: theoretical and practical aspects. *Vlast' = Vlast*. 2022;30(2):95-111. DOI 10.31171/vlast.v30i2.8939 (In Russ.).
11. Municipal economy. E. G. Animitsa, P. E. Animitsa, I. A. Antipin [et al.]. Yekaterinburg, Ural State Economics; 2021. 494 p. (In Russ.).
12. Olentsevich VA, Gorshkov VV, Brytkov V.S. Modern state and problems of development of transport-logistic system of Russi. *Sovremennye tekhnologii. Sistemnyj analiz. Modelirovanie = Modern technologies. System analysis. Modeling*. 2024;1(81):103-112. DOI 10.26731/1813-9108.2024.1(81).103-112 (In Russ.).
13. O'Sullivan A. Urban Economics. 4th ed. Moscow; 2002. 706 p. (In Russ.).
14. Development of paradigm ideas in the domestic regional economy. E. G. Animitsa, V. S. Antoniuk, T. A. Balina [et al.]; Ural State University of Economics. Yekaterinburg; 2022. 346 p. (In Russ.).
15. Regional economy: challenges, priorities, strategic guidelines. Ed. by Y. P. Silin. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, UrSE U. Yekaterinburg; 2017. 327 p. (In Russ.).
16. Sekushina IA. The role of small and medium-sized cities in the country's settlement system. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovanij = Journal of Economic Research*. 2018;4(5):24-35. (In Russ.).
17. Turgel ID, Vlasova NY. Territorial planning of urban development in the Russian Federation: the main stages of formation. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: Economics and Management*. 2016;1(14):5-15. (In Russ.).
18. Managing urban agglomeration processes in Russia in the context of agglomerative and socio-economic development. A. K. Tiwari, V. S. Antoniuk, A. S. Lapo, E. R. Vansovich. *Heliyon*. 2024;10(7):e28654. DOI 10.1016/j.heliyon.2024.e28654.

Информация об авторах

В. С. Антонюк — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Н. А. Сигатова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Э. Р. Вансович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Information about the authors

V. S. Antonyuk — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Regional Economy, State and Municipal Administration.

N. A. Sigatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Regional Economics, State and Municipal Management.

E. R. Vansovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Regional Economics, State and Municipal Management.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 314.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-29-38

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Ирина Павловна Лаптева¹, Елена Николаевна Гришина²

¹ Вятский государственный университет, Киров, Россия, irinalapteva2607@mail.ru, 0000-0003-2624-0275

² Вятский государственный агротехнологический университет, Киров, Россия, grishina_e1955@mail.ru, 0000-0002-7911-6027

Аннотация. Статистические исследования продолжительности жизни населения дают возможность не только оценить современные проблемы, связанные с улучшением демографической ситуации в стране и регионах, но и помогают обосновать возможные направления их решения в будущем. Информационной базой для проведения исследования явились данные Росстата, труды отечественных и зарубежных исследователей и ученых по данной проблематике. Для получения комплексной оценки продолжительности жизни населения в статье рассмотрена динамика системы показателей демографической ситуации в стране и регионах. Представлены результаты статистического исследования основных тенденций и закономерностей изменения демографической ситуации в России и Приволжском федеральном округе. Выявлены такие факторы, способствующие увеличению продолжительности жизни населения, как рост уровня рождаемости и среднедушевых доходов, снижение уровня смертности. В статье представлена авторская методика оценки эффективности использования регионами своего ресурсного потенциала.

Ключевые слова: демографическая ситуация, ожидаемая продолжительность жизни, уровень жизни населения

Для цитирования: Лаптева И. П., Гришина Е. Н. Проблемы и перспективы роста ожидаемой продолжительности жизни населения России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 29–38. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-29-38.

Original article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF GROWTH IN LIFE EXPECTANCY OF THE RUSSIAN POPULATION

Irina P. Lapteva¹, Elena N. Grishina²

¹ Vyatka State University, Kirov, Russia, ip_lapteva@vyatsu.ru, 0000-0003-2624-0275

² Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia, grishina_e1955@mail.ru, 0000-0002-7911-6027

Abstract. Statistical studies of the life expectancy of the population provide an opportunity not only to assess the current problems associated with improving the demographic situation in the country and regions, but also help to justify possible ways to solve them in the future. The information base for the study was Rosstat data, the works of domestic and foreign researchers and scientists on this issue. To obtain a comprehensive assessment of the life expectancy of the population, the article examines the dynamics of the system of indicators of the demographic situation in the country and regions. The results of a statistical study of the main trends and patterns of demographic change in Russia and the Volga Federal District are presented. The factors contributing to an increase in life expectancy of the population, such as an increase in the birth rate and per capita income, and a decrease in the mortality rate, have been identified. The article presents the author's methodology for evaluating the effectiveness of the regions' use of their resource potential.

Keywords: demographic situation, life expectancy, standard of living of the population

For citation: Lapteva IP, Grishina EN. Problems and Prospects of Growth in Life Expectancy of the Russian Population. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):29-38. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-29-38.

Введение

В настоящее время одним из основных интегральных показателей, используемых при оценке демографической ситуации в стране, является ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), т. е. число лет, которое в среднем предстоит прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность останется на уровне того года, для которого вычислялся показатель [4]. Расчет ведется в таблицах смертности, в которых для каждого возраста от 0 до 100 лет рассчитываются: вероятность умереть, число доживающих до данного возраста и продолжительность предстоящей жизни.

Поиск резервов роста продолжительности жизни населения России приобретает особую актуальность в современных условиях реализации национального проекта «Демография», в соответствии с которым ожидаемая продолжительность жизни населения страны к 2030 г. должна возрасти до 78 лет¹. По оперативным данным Росстата в 2023 г. по сравнению с 2022 г. она возросла на 0,7 лет и составила 73,4 года, превысив уровень допандемийного периода. При условии сохранения таких ежегодных темпов роста прогнозный уровень ОПЖ в 2030 г. может быть достигнут.

Материалы и методы исследования

Проблемам роста продолжительности жизни населения посвящены работы как отечественных, так и зарубежных авторов. При этом среди ученых нет единого мнения о составе факторов, оказывающих влияние на ОПЖ. Так, по мнению А. А. Федотова приоритетными для России в настоящее время являются показатели экономического благосостояния населения [11]. В то же время А. Г. Вишневский относит продолжительность жизни к числу биологических процессов, независимых от внешних социальных обстоятельств [7]. С другой стороны, Б. С. Хорев связывает изменение продолжительности жизни населения с демографическим переходом, вызванным кризисом 90-х гг. в России [12]. По мнению Е. Н. Синдяшкиной продолжительность жизни является показателем, позволяющим оценить состояние здоровья населения [8].

Актуальность исследования демографической ситуации в стране и регионах, по мнению

В. Г. Доброхлеб, обусловлена необходимостью увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении и продолжительности здоровой жизни [5].

Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) определяется как разность между общей продолжительностью жизни и числом лет, прожитых в нездоровом состоянии [8]. Идея расчета показателя, учитывающего одновременно продолжительность жизни и состояние здоровья, была предложена в 1964 г. Б. Сандерсом [14]. Теоретические основы и методологические подходы к расчету ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения, были разработаны Д. Салливаном в 1971 г. [15].

В настоящее время, по мнению Е. Н. Синдяшкиной, существуют два основных подхода к оценке состояния здоровья при расчете ОПЗЖ. Первый подход используется Всемирной организацией здравоохранения. Он базируется на официальной статистике заболеваемости и выявленных закономерностях ухудшения здоровья после перенесенных заболеваний. Проблемы использования данной методики связаны с условностью критериев степени потери здоровья, а также с тем, что во многих странах недостаточно статистических данных для выполнения необходимых расчетов. Но несмотря на отмеченные недостатки, данный метод является основным, признанным в международной статистике инструментом оценки ОПЗЖ и широко используется ВОЗ для разработки рекомендаций по увеличению продолжительности здоровой жизни населения в различных странах. На наш взгляд, заслуживает внимания предложение ряда авторов (А. А. Созиновой, Н. К. Савельевой и др.) использовать для оценки ОПЗЖ математической модели, позволяющей в рамках выборочного наблюдения учитывать тенденции изменения состояния здоровья населения России [1; 9].

Второй подход, практикуемый Росстатом и Евростатом, основывается на использовании таблиц смертности и результатов выборочного обследования мнения граждан, оценивших свое здоровье по рекомендуемой шкале.

Основным недостатком такого подхода является то, что его расчет в целом основан на субъективных самооценках населением своего здоровья. Кроме того, измерение ОПЗЖ в ряде стран, включая Россию, регулярно не проводилось, что, по нашему мнению, затрудняет использования данного показателя при анализе его динамики.

Проводимые статистические исследования свидетельствуют о нестабильности демографической

¹ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>.

ситуации в стране и регионах [2, 3]. Рост продолжительности жизни населения является важнейшим индикатором повышения ее качества [10]. В свою очередь факторы, формирующие уровень ОПЖ, мы предлагаем подразделять на следующие пять блоков:

1) экономические: ВВП на душу населения, среднедушевые доходы; уровень безработицы, коэффициент Джини, индекс потребительских цен и др.;

2) демографические: рождаемость, смертность, демографическая нагрузка населения трудоспособного возраста, индекс жизненности Покровского, миграционный прирост, структура населения по полу и возрасту и др.;

3) социальные: уровень образования, обеспеченность жильем, условия проживания, потребление продуктов питания на душу населения, доля курильщиков во взрослом возрасте, посещаемость учреждений культуры и др.;

4) медицинские: уровень заболеваемости, число врачей и больничных коек в расчете на 10 000 чел. населения и др.;

5) экологические: расходы на охрану окружающей среды, выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, сброс загрязняющих сточных вод и др.

Для статистической оценки степени влияния представленных факторов на продолжительность жизни населения могут быть использованы ме-

тоды статистических группировок, дисперсионного и корреляционно-регрессионного анализа и другие.

Результаты исследования

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении по отдельным странам мира в 2021 г. представлена в табл. 1. На максимально высоком уровне данный показатель находится в таких странах как Япония, Сингапур, Австралия, Италия. Самый низкий уровень ОПЖ наблюдается в Нигере и Сенегале.

Следует отметить то, что во всех странах, представленных в табл. 1, ОПЖ у женщин находится на более высоком уровне, чем у мужчин. Максимальное отклонение, равное 9 годам имеет место в России. По показателю ОПЖ как среди мужчин, так и среди женщин лидирует Япония. Отклонение России от Японии составляет 13,8 лет, в том числе у мужчин уровень ОПЖ ниже на 16 лет, у женщин — на 13,1 года. Наличие такого существенного гендерного различия по показателю ОПЖ у мужчин и женщин необходимо учитывать при оценке демографической ситуации в стране.

Следует отметить то, что во всех странах, представленных в табл. 1, ОПЖ у женщин находится на более высоком уровне, чем у мужчин. Максимальное отклонение, равное 9 годам имеет место в России. По показателю ОПЖ как среди мужчин,

Таблица 1
Table 1

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении по отдельным странам мира, лет
Life expectancy of men and women at birth in selected countries of the world, years

Страна	ОПЖ при рождении			Отклонение, ± (стлб 4 — стлб 3)
	общая	мужчины	женщины	
1	2	3	4	5
Япония	84,5	81,5	87,6	6,1
Сингапур	83,4	81,1	85,9	4,8
Австралия	83,3	81,3	85,4	4,1
Италия	82,9	80,6	85,1	4,5
Франция	82,5	79,3	85,5	6,2
Канада	81,7	79,5	84,0	4,5
Германия	80,8	78,4	83,8	5,4
Китай	78,1	75,3	81,1	5,8
США	76,4	73,5	79,3	5,8
Нигер	61,6	60,4	62,8	2,4
Сенегал	67,1	64,8	69,3	4,5
Россия	70,1	65,5	74,5	9,0

Источник: Список стран по ожидаемой продолжительности жизни URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (Дата обращения 12.02,2024 г).

так и среди женщин лидирует Япония. Отклонение России от Японии составляет 13,8 лет, в том числе у мужчин уровень ОПЖ ниже на 16 лет, у женщин — на 13,1 года.

Наличие такого существенного гендерного различия по показателю ОПЖ у мужчин и женщин необходимо учитывать при оценке демографической ситуации в стране.

Для оценки динамики демографической ситуации в России нами была рассмотрена система показателей, представленных в табл. 2.

Ожидаемая продолжительность жизни населения России возросла в 2022 г. по сравнению с 2000 годом на 7,4 года, или на 11,3%. В результате более высокого темпа роста продолжительности жизни у мужчин, чем у женщин, наблюдается уменьшения величины гендерного разрыва с 13,2 года в 2000 г. до 10,2 года в 2022 г.

С ростом продолжительности жизни в стране происходит увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного с 20,4% в 2000 г. до 24,5% в 2022 г. Доля лиц трудоспособного возраста за этот период соответственно сократилась на 3,2 процентных пункта. Результатом такой динамики, а также низкого уровня рождаемости, явился рост на 14% демографической нагрузки на население трудоспособного возраста. Естественная убыль населения России лишь частично

компенсируется его миграцией. В конечном итоге общая численность населения под воздействием факторов, формирующих демографическую ситуацию, изменилась не существенно (рис. 1).

На демографическую ситуацию в стране определяющее влияние оказывает ОПЖ населения в отдельных регионах. С использованием инструментов программного пакета Excel был проанализирован ряд распределения 85 субъектов по данному показателю в 2022 году. Интервальный ряд распределения регионов России представлен в табл. 3 и на рис. 1.

Ожидаемая продолжительность жизни населения РФ в 2022 г. в среднем составила 72 года при среднем отклонении от данного уровня 2,4 года, или 3,3%. Большая часть регионов (31,8%) находится в группе, ОПЖ в которой составляет от 70 до 72 лет. Максимальный уровень показателя зафиксирован в Республике Ингушетия (78,3 года), минимальный — в Чукотском автономном округе (66,2 года).

Различие между отдельными Федеральными округами РФ подтверждают показатели, представленные в табл. 3. Максимальный уровень ОПЖ как у мужчин, так и у женщин, наблюдается в Северо-Кавказском округе. Это единственный регион, в котором имеет место естественный прирост населения.

Таблица 2
Table 2

Показатели демографической ситуации в РФ
Indicators of the demographic situation in the Russian Federation

Показатель	2000	2010	2020	2021	2022	2022 г. в % к 2000 г.
Численность населения (на конец года), млн чел.	146,3	142,9	147,5	147,0	146,4	100,1
Доля населения в возрасте, %:						
– моложе трудоспособного	19,4	16,2	18,6	18,6	18,5	x
– трудоспособном	60,2	61,6	56,2	57,4	57,0	x
– старше трудоспособного	20,4	22,2	25,2	24,0	24,5	x
На 1000 чел. населения трудоспособного возраста приходится лиц моложе и старше трудоспособного	662	626	778	741	755	114,0
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,3	68,9	71,5	70,1	72,7	111,3
в т. ч. мужчины	59,1	63,1	66,5	65,5	67,6	114,4
женщины	72,3	74,9	76,4	74,5	77,8	107,6
На 1000 чел. населения приходится:						
– родившихся	8,7	12,5	9,8	9,6	8,9	102,3
– умерших	15,3	14,2	14,6	16,7	12,9	84,3
– миграционный прирост	2,5	1,9	1,3	3,9	0,4	16,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <http://www.gks> (дата обращения: 22.02.2024).

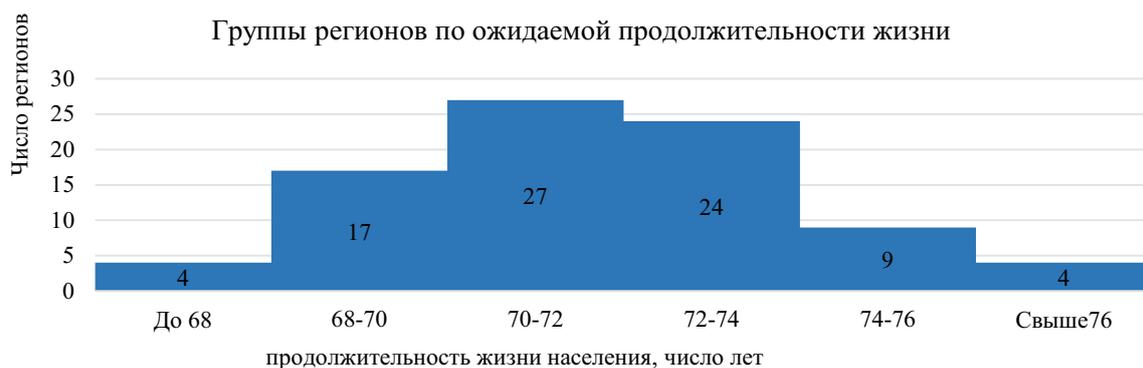

Рис. 1. Группы регионов по ожидаемой продолжительности жизни населения России

Fig. 1. Groups of regions by life expectancy of the Russian population

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Таблица 3

Table 3

Основные показатели демографической ситуации в Федеральных округах РФ в 2022 г.
The main indicators of the demographic situation in the Federal Districts of the Russia in 2022

Федеральный округ	Число регионов	ОПЖ при рождении, число лет			Индекс жизненности Покровского	Коэффициент миграционного прироста (убыли), %	Доля населения в возрасте старше трудоспособного, %
		Оба пола	мужчины	женщины			
Центральный	18	73,9	69,1	78,6	0,624	+3,5	26,5
Северо-Западный	11	73,1	68,0	77,8	0,609	+2,2	25,6
Южный	8	72,6	67,7	77,6	0,617	+0,7	24,9
Северо-Кавказский	7	75,8	72,1	79,4	1,637	-1,8	17,2
Приволжский	14	72,4	66,8	77,9	0,605	-1,1	25,7
Уральский	6	72,4	66,8	77,8	0,813	+0,1	22,9
Сибирский	10	70,4	64,8	76,0	0,659	-2,0	23,5
Дальневосточный	11	69,5	64,1	75,3	0,761	-4,7	21,1
Российская Федерация	85	72,7	67,6	77,8	0,687	+0,4	24,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Индекс жизненности Покровского показывает, что количество родившихся превысило количество умерших в 1,637 раза. Кроме того, данный регион характеризуется минимальной долей населения пенсионного возраста в его общей численности, что способствует снижению демографической нагрузки трудоспособного населения. Противоположная ситуация имеет место в Приволжском Федеральном округе (ПФО), в котором при максимально высоком уровне смертности, наблюдается более высокий по сравнению со средним по стране уровень демографической нагрузки населения.

С целью получения статистической оценки влияния демографической ситуации в регионах ПФО на продолжительность жизни населения был использован метод аналитической группировки (табл. 4).

Максимально высокий уровень ОПЖ в 2022 г. наблюдается в четырех регионах третьей груп-

пы, среди которых лидером по продолжительности жизни населения является Республика Татарстан. Этому способствовал более низкий уровень смертности, минимально низкий уровень бедности (5%) и максимально высокий уровень среднедушевых доходов населения (44 932 руб.). Среди регионов первой группы низкий уровень среднедушевых доходов и более высокая доля населения с доходами ниже границы бедности наблюдается в Кировской, Оренбургской и Ульяновской областях. Значение индекса жизненности Покровского во всех регионах ПФО свидетельствует о естественной убыли населения. Особенно значительным (более чем в 2 раза) является превышение числа умерших по сравнению с числом родившихся в Республике Мордовия и в Пензенской области.

При формировании регрессионной модели, отражающей взаимосвязь между отдельными

Таблица 4

Table 4

Основные демографические показатели по группам субъектов ПФО
The main demographic indicators by groups of subjects of the Volga Federal District

Группа регионов по ОПЖ, лет	Число регионов ПФО	В среднем по группам				
		ОПЖ, лет	Индекс жизненности Покровского	Число больничных коек на 10 000 чел. населения	Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб.	Доля населения с доходами ниже границы бедности, %
До 71,7	5	71,3	0,554	84,9	35,4	11,6
71,8–72,5	5	72,2	0,596	79,1	30,4	13,3
Свыше 72,5	4	73,5	0,633	78,1	33,6	10,8
В среднем по ПФО		72,2	0,592	80,9	33,1	12,0

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

признаками, существует необходимость предварительной оценки тесноты взаимосвязи между ними.

По данным табл. 5 наиболее тесно ОПЖ взаимосвязана с коэффициентом смертности и уровнем бедности населения. Взаимосвязь продолжительности жизни населения с индексом жизненности Покровского и с числом больничных коек является умеренной.

Учитывая мультиколлинеарность отдельных факторов, а также тесноту их связи с результативным признаком, в регрессионную модель были включены: уровень бедности населения (x_1) и коэффициент смертности (x_2). Величина коэффициента множественной корреляции, равная 0,7, свидетельствует о наличии тесной связи между данными признаками. Коэффициент множественной детерминации 49%, т. е. вариация результативного признака на 49% определяется влиянием факторов, включенных в модель.

Фактическое значение критерия Фишера составило 9,17, превысив при уровне значимости 5% его табличное значение, равное 4,75. Это позволило включить данные факторы для построения регрессионной модели связи. Для выражения

степени зависимости ОПЖ (Y) от факторных признаков использовано уравнение множественной регрессии:

$$Y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2.$$

В результате решения системы уравнений было получено уравнение регрессии следующего вида:

$$Y = 78,625 - 0,088x_1 - 0,36x_2.$$

В результате статистической оценки адекватности полученной модели при уровне значимости 5% сделан вывод о возможности ее использования для выявления заложенных в факторах резервов увеличения продолжительности жизни населения ПФО.

Подставляя в уравнение регрессии фактические значения уровня бедности населения (x_1) и коэффициента смертности (x_2) для каждого региона можно определить теоретическое (расчетное) значение ожидаемой продолжительности жизни населения. Общее отклонение фактического значения результативного признака (y) от среднего по совокупности (\bar{y}) делится на две составные части:

$$y - \bar{y} = (y - y^m) + (y^m - \bar{y}),$$

Таблица 5

Table 5

Коэффициенты парной корреляционной связи между ОПЖ и отдельными факторами
The coefficients of the paired correlation between the OPJ and individual factors

Переменная	Демографические факторы				
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
ОПЖ, лет (Y)	0,34	0,26	-0,47	-0,36	-0,62
Индекс жизненности Покровского (X_1)	1	0,50	-0,41	-0,52	-0,90
ВРП на душу населения, тыс. руб. (X_2)		1	-0,75	-0,57	-0,35
Уровень бедности населения, % (X_3)			1	0,31	0,27
Число больничных коек на 10 000 чел. населения, (X_4)				1	0,67
Коэффициент смертности (X_5)					1

Источник: составлено авторами.

где $(y - \bar{y})$ — отклонение фактического значения ОПЖ от расчетного (теоретического) за счет влияния факторов, не включенных в модель;

$(y^m - \bar{y})$ — отклонение расчетного (теоретического) значения ОПЖ от среднего по совокупности за счет размера факторов.

Отклонение расчетного (теоретического) значения ОПЖ от среднего по совокупности за счет размера факторов можно разложить по отдельным факторам с учетом коэффициентов регрессии и отклонений каждого фактора от его среднего значения:

$$y^m - \bar{y} = \sum a_i(x_i - \bar{x}_i),$$

где a_i — коэффициент регрессии уравнения связи i -го факторного признака;

x_i — фактическое значение i -го факторного признака.

\bar{x}_i — среднее значение i -го факторного признака.

В табл. 6 представлен результат расчетов, проведенных по регионам ПФО. По уровню продолжительности жизни в регионе лидирует Республика Татарстан. Такой результат был достигнут как благодаря достаточному размеру факторов, включенных в модель, так и в результате положительного влияния неучтенных факторов. По сравнению с другими регионами в Татарстане наблюдаются минимальные значения показателей смертности и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума.

В то же время в Нижегородской, Оренбургской и Ульяновской областях отрицательное влияние

Таблица 6
Table 6

Влияние факторов на ОПЖ населения ПФО
The influence of factors on the life expectancy of the population of the Volga Federal District

Регион ПФО	ОПЖ, лет		Общее отклонение от $\bar{y} = 72,21$ лет ($y - \bar{y}$)	в том числе за счет				
	фактическая (y)	теоретическая (y^m)		использования неучтенных факторов		размера факторов		
				$y - y^m$	$(y / y^m) \cdot 100$	$y^m - \bar{y}$	т. ч. за счет факторов	
							$a_1(x_i - \bar{x}_1)$	$\dot{u}_2(x_i - \bar{x}_2)$
Республика Башкортостан	72,98	73,14	+0,77	-0,16	99,8	+0,93	+0,15	+0,78
Республика Марий Эл	71,90	72,26	-0,31	-0,36	99,5	+0,05	-0,39	+0,44
Республика Мордовия	73,16	71,75	+0,95	+1,41	102,0	-0,46	-0,28	-0,18
Республика Татарстан	74,92	73,86	+2,71	+1,06	101,4	+1,65	+0,59	+1,06
Удмуртская Республика	72,13	72,86	-0,08	-0,73	99,0	+0,65	+0,13	+0,52
Чувашская Республика	72,49	72,19	+0,28	+0,30	100,4	-0,02	-0,27	+0,25
Пермский край	70,90	72,25	-1,31	-1,35	98,1	+0,04	+0,02	+0,02
Кировская область	71,31	71,12	-0,90	+0,19	100,3	-1,09	-0,06	-1,03
Нижегородская область	71,49	71,94	-0,72	-0,45	99,4	-0,27	+0,33	-0,60
Оренбургская область	71,24	72,45	-0,97	-0,91	98,7	-0,06	-0,12	+0,06
Пензенская область	72,07	71,59	-0,14	+0,48	100,7	-0,62	+0,02	-0,64
Самарская область	72,14	72,19	-0,07	-0,05	99,9	-0,02	+0,08	-0,10
Саратовская область	72,85	71,94	+0,64	+0,91	101,3	-0,27	-0,13	-0,14
Ульяновская область	71,34	71,67	-0,87	-0,33	99,5	-0,54	-0,09	-0,45

Источник: составлено авторами.

на продолжительность жизни оказывают как учтенные, так и не включенные в модель факторы.

В остальных регионах влияние факторов неоднозначно. Так, в Республиках Башкортостан и Марий Эл размер факторов в целом способствует росту продолжительности жизни, но при этом отрицательное влияние оказывают неучтенные факторы. В Республике Мордовия и Саратовской областях имеет место недостаточный размер факторов, но под влиянием неучтенных факторов ОПЖ населения этих регионов соответственно выше на 2 % и на 1,3 %.

Актуальным для Кировской области является снижение смертности. По данным Росстата в настоящее время она находится на максимально высоком в ПФО уровне. При достижении среднего по округу уровня смертности, продолжительность жизни населения области увеличится на 1,03 года.

Заключение

Продолжительность жизни населения является основным индикатором демографической ситуации в стране и регионах.

Для получения комплексной оценки проблем и перспектив роста продолжительности жизни населения, во-первых, обоснована необходимость использования системы статистических показателей, подразделяемых на пять блоков: экономические (ВВП на душу населения, среднедушевые доходы; уровень безработицы, индекс потребительских цен и др.); демографические (рождаемость, смертность, демографическая нагрузка населения трудоспособного возраста, индекс жизненности Покровского, миграционный прирост, структура населения по полу и возрасту и др.); социальные (уровень образования, обеспеченность жильем, условия проживания, потребление продуктов питания на душу населения,

посещаемость учреждений культуры и др.); медицинские (уровень заболеваемости, число врачей и больничных коек в расчете на 10 000 чел. населения и др.); экологические (расходы на охрану окружающей среды, выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, сброс загрязняющих сточных вод и др.).

Во-вторых, для выявления основных тенденций изменения демографической ситуации в стране рекомендовано проведение анализа продолжительности жизни населения и в России, и в отдельных ее регионах. Большая часть регионов (31,8 %) находится в группе, ОПЖ в которой составляет от 70 до 72 лет. Максимальный уровень показателя зафиксирован в Республике Ингушетия (78,3 года), минимальный — в Чукотском автономном округе (66,2 года). Максимальный уровень ОПЖ как у мужчин, так и у женщин, наблюдается в Северо-Кавказском округе. Это единственный регион, в котором имеет место естественный прирост населения.

В-третьих, на примере Приволжского федерального округа (ПФО) рассмотрена возможность оценки степени влияния совокупности объективных, субъективных и случайных факторов на ожидаемую продолжительность жизни населения. Рассмотренная методика базируется на использовании корреляционно-регрессионного анализа и может применяться для выявления резервов увеличения ОПЖ.

Институциональные преобразования следует направить, прежде всего, на сокращение уровня смертности, рост уровня рождаемости и среднедушевых доходов населения, сохранение и укрепление здоровья населения и на этой основе — на улучшение демографической ситуации в России.

Список источников

1. Гришина Е. Н., Трусова Л. Н. Развитие системы здравоохранения и ожидаемая продолжительность жизни // Символ науки. 2017. № 1. С. 43–45.
2. Гришина Е. Н., Лаптева И. П. Тенденции и детерминанты демографических процессов в России // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 3. С. 61–69.
3. Долганова Я. А., Данильчик Е. Д. Уровень развития человеческого потенциала в регионах Приволжского федерального округа // Экономика и социум: современные модели развития. 2024. Т. 14, № 2. С. 225–244.
4. Елисеева И. И. Демография и статистика населения: учебник для вузов / под редакцией И. И. Елисеевой, М. А. Клупта. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 405 с.
5. Доброхлеб В. Г. Ожидаемая продолжительность жизни в современной России как составляющая качественного потенциала населения // Социальное пространство. 2022. Т. 8, № 3. С. 1–4.
6. Любелский Н. М., Мусин Э. Р. Демографические вызовы и их последствия для России // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 11. С. 3011–3042.

7. Миронов Б. Н., Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее // Советская этнография. 1984. № 1. С. 162–164.
8. Синдяшкіна Е. Н. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте десятилетия здорового старения ООН. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 1. С. 40–53.
9. Созинова А. А., Савельева Н. К., Чупраков Д. В. Новые подходы к оценке ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения в Российской Федерации: математические модели и реальность // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 12. С. 5171–5192.
10. Ткаченко Ю. Г. Уровень продолжительности жизни как индикатор повышения качества жизни населения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-2. С. 181–189.
11. Федотов А. А. Продолжительность жизни: анализ состояния и поиск воздействующих факторов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 131–137.
12. Хорев Б. С., Хорева О. Б. О демографическом кризисе в России // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125, № 2. С. 53.
13. Штунь В. А. Моделирование ожидаемой продолжительности жизни в мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 70–77.
14. Sanders B. S. Measuring Community Health Levels // American Journal of Public Health. 1964. Vol. 54, no. 7. P. 1063–1070.
15. Sullivan D. F. A Single Index of Mortality and Morbidity // HSMHA Health Reports. 1971. Vol. 8, no. 4. P. 347–354.

References

1. Grishina EN, Trusova LN. Development of the healthcare system and life expectancy. *Simvol nauki = A symbol of science*. 2017;(1):43-45. (In Russ.).
2. Grishina EN, Lapteva IP. Trends and determinants of demographic processes in Russia. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economy. Profession. Business*. 2021;(3):61-69. (In Russ.).
3. Dolganova YA, Danilchik ED. Level of human development in the regions of the Volga Federal District. *Ekonomika i socium: sovremennye modeli razvitiya = Economics and society: contemporary models of development*. 2024;14(2):225-244. (In Russ.).
4. Eliseeva II. Demography and population statistics: textbook for universities. Moscow; 2020. 405 p. (In Russ.).
5. Dobrokhleb VG. Life expectancy in modern Russia as a component of the qualitative potential of the population. *Socialnoe prostranstvo = Social space*. 2022;8(3):1-4. (In Russ.).
6. Lyubelskiy NM, Musin ER. Demographic challenges and their consequences for Russia. *Creative Economy*. 2024;18(11):3011-3042. (In Russ.).
7. Mironov BN, Vishnevsky AG. Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography*. 1984;(1):162-164. (In Russ.).
8. Sindyashkina EN. Healthy life expectancy in the context of the UN Decade of Healthy Aging. *Analiz i prognoz = Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS*. 2022;(1):40-53. (In Russ.).
9. Sozinova AA, Saveleva NK, Chuprakov DV. New approaches to estimating healthy life expectancy in the Russian Federation: mathematical models and reality. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2022; 16(12):5171-5192. (In Russ.).
10. Tkachenko YuG. The level of life expectancy as an indicator of improving the quality of life of the population. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(10-2):181-189. (In Russ.).
11. Fedotov AA. Life expectancy: analysis of the state and search for influencing factors. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021; (7(58)):131-137. (In Russ.).
12. Khorev BS, Khoreva OB. On the demographic crisis in Russia. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Izvestiya Russian Geographical Society*. 1993;(125(2)):53. (In Russ.).
13. Shtun VA. Modeling of life expectancy in the world. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458)):70-77. (In Russ.).
14. Sanders BS. Measuring Community Health Levels. *American Journal of Public Health*. 1964;54(7): 1063-1070.
15. Sullivan DF. A Single Index of Mortality and Morbidity. *HSMHA Health Reports*. 1971;86(4):347–354.

Информация об авторах

И. П. Лаптева — кандидат экономических наук, доцент.

Е. Н. Гришина — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

I. P. Lapteva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

E. N. Grishina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.13

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-39-46

ОЦЕНКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Дана оценка неравномерности пространства Челябинской области по показателям плотности населения, работников организаций, инвестиций в основной капитал, объема отгруженных товаров и услуг собственного производства и оборота розничной торговли. Выборкой исследования выступили сорок муниципальных образований Челябинской области — 26 муниципальных районов, 13 городских округов и один муниципальный округ. Источником исходных данных является база данных муниципальных образований Росстата. Из выборки исключены три муниципальных территории — три ЗАТО — Снежинский, Озёрский и Трёхгорный городские округа вследствие недостаточности данных за исследуемый период, который составил пять лет (с 2019 по 2023 г.). Методом исследования стал сравнительный анализ, конкретным показателем — коэффициент Джини, рассчитанный по формуле Брауна. По итогам исследования выявлен высокий уровень неоднородности пространства по всем пяти показателям плотности. Самый высокий уровень неравномерности характерен для плотности производства, торговли и инвестиционных ресурсов. Значения коэффициента Джини, полученные по данным трем индикаторам, варьируются в диапазоне 0,888–0,929. Для плотности населения и трудовых ресурсов характерен несколько более низкий уровень неравномерности: от 0,755 до 0,790. Динамика пяти последних лет показала устойчивый рост неравномерности экономического пространства региона в части плотности населения и трудовых ресурсов.

Ключевые слова: пространственное развитие, неравномерность экономического пространства, коэффициент Джини, внутрирегиональная дифференциация, Челябинская область

Для цитирования: Бенц Д. С. Оценка неравномерности экономического пространства Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 39–46. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-39-46.

Original article

ASSESSMENT OF THE UNEVEN ECONOMIC SPACE OF THE CHELYABINSK REGION

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Abstract. The author assesses the unevenness of the space of the Chelyabinsk region in terms of the density of the population, employees of organizations, investments in fixed assets, the volume of shipped goods and services of own production and retail turnover. The sample of the study is forty municipalities of the Chelyabinsk region. These are 26 municipal districts, 13 urban districts and 1 municipal district. The source of the initial data is the database of Rosstat municipalities. Three municipal territories (Snezhinsky, Ozyorsky and Trekhgornyy urban districts) are excluded from the sample. The author excluded these municipalities due to insufficient data for the study period, which was five years (from 2019 to 2023). The author used the Gini coefficient, calculated using the Brown formula. The author showed a high level of space heterogeneity across all five density measures. The highest level of unevenness is characteristic of the density of production, trade and investment resources. The values of the Gini coefficient obtained from these three indicators vary in the range of 0.888–0.929. The density of the population and labor resources is characterized by a slightly lower level of unevenness: from 0.755 to 0.790. The dynamics of the last five years has shown a steady increase in the unevenness of the economic space of the region in terms of population density and labor resources.

Keywords: spatial development, uneven economic space, Gini coefficient, intra-regional differentiation, Chelyabinsk region

For citation: Benz DS. Assessment of the Uneven Economic Space of the Chelyabinsk Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):39-46. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-39-46.

Введение

Автор продолжает серию публикаций, посвященных пространственному развитию Челябинской области. Оценку пространственного развития территории можно проводить с точки зрения оценки плотности пространства, концентрации населения, ресурсов и производства, неравномерности его освоения, связанности отдельных территорий исследуемого пространства. В данном исследовании речь пойдет о неравномерности освоения пространства региона.

Цель исследования — предложить подход к оценке неравномерности пространственного развития территории с использованием коэффициента Джини и апробировать данный подход на примере Челябинской области.

Межрегиональной дифференциации посвящено существенно больше исследований, нежели внутрирегиональной. Поиск научных статей на платформе <https://www.elibrary.ru>, в заголовке которых определяется термин «внутрирегиональная дифференциация», сформированный по разделу «Экономика. Экономические науки», дал результат, равный 24 статьям за последние 10 лет (период с 2015 по 2024 г.). Аналогичный поиск по термину «межрегиональная дифференциация» за тот же период вывел 96 публикаций.

То же соотношение актуально и для публикаций, оперирующих терминами «пространственное развитие», «неравномерность пространства», «связанность территорий» и проч. Муниципальному уровню посвящено куда меньше исследований, нежели региональному.

Авторы констатируют различия в трендах межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации. На начало 2000-х гг. в большинстве регионов России внутрирегиональное неравенство не было столь высоким. Далее к 2013 г. коэффициент фондов для большей части регионов вырос почти вдвое. К 2017 г. внутрирегиональная дифференциация большего числа регионов несколько ослабла, но не вернулась на уровень значения 2000 г. [1].

За период 1992–2019 гг. коэффициент Джини, оцененный по всей российской территории, вырос с 0,289 до 0,413 [2]. Самый высокий уровень неравенства заработных плат характерен именно для муниципального уровня [3]. Е. И. Шевчук,

П. Л. Кириллов, А. Н. Петросян построили кривые Лоренца по уровню среднедушевых и заработных плат организации и пришли к выводу: чем более низовой уровень исследуется, тем выше уровень неоднородности [4].

Большинство авторов, исследующих вопросы внутрирегиональной дифференциации, для оценки таковой прибегают к коэффициенту фондов [5; 6], размаху вариации [5; 7–12], размаху асимметрии [5; 7; 10; 12], коэффициенту вариации [5; 7; 8; 10; 12; 13], индексу Тейла [7; 10; 11; 13] и иным показателям, в том числе производным от перечисленных [14].

Новизна данного исследования состоит в попытке расширить сферу использования коэффициента Джини и оценить при помощи такового неравномерность пространства региона по ряду ключевых социально-экономических показателей.

Методы и материалы

Одним из самых популярных методов измерения неравенства в научной среде является расчет коэффициента Джини и связанные с ним кривые Лоренца. Данная кривая была предложена Максом Отто Лоренцем в начале XX в. как кривая, позволяющая оценить неравенство в доходах населения. На основе кривой Лоренца формируется коэффициент Джини. Исторически сложилось так, что этот коэффициент применяется в отношении оценки неравномерности доходов населения.

В данном исследовании мы предлагаем расширить сферу применения коэффициента Джини и, опираясь на другие индикаторы, дать оценку неравномерности экономического пространства исследуемого региона.

Классически кривая Лоренца изображается в правой нижней части первого квадранта плоскости координат, то есть расположена ниже линии в 45 градусов, разделяющей этот квадрант на два равных треугольника. Линия под 45 градусов означает равенство значений, располагаемых на оси абсцисс и оси ординат (далее — линия равенства).

Цель данного исследования оценить неравномерность пространства. Значит, базовым показателем будет выступать площадь исследуемого пространства. Наблюдаемыми объектами в нашем исследовании являются муниципальные образования Челябинской области, а именно муниципаль-

ные районы, муниципальные округа и городские округа. На сегодня территория региона включает 43 муниципальных образования указанного уровня.

По оси абсцисс будем откладывать кумулятивную долю площади исследуемых муниципальных образований (далее — МО); по оси ординат — кумулятивную долю исследуемых индикаторов (рис. 1). Среди исследуемых индикаторов опираемся на плотность следующих величин:

- 1) среднегодовой численности постоянного населения, чел./га;
- 2) среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) по всем видам экономической деятельности, чел./га;
- 3) объема инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), тыс. руб./га;
- 4) объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб./га;
- 5) оборота розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб./га.

Алгебраически коэффициент Джини вычисляется как отношение площади, образованной линией равенства и кривой Лоренца, к $\frac{1}{2}$ площади всего квадранта (треугольнику, роль гипотенузы в котором играет линия равновесия).

Заштрихованная площадь, обозначенная на рис. 1 как G, равна коэффициенту Джини. Чем больше эта площадь, тем выше уровень неравен-

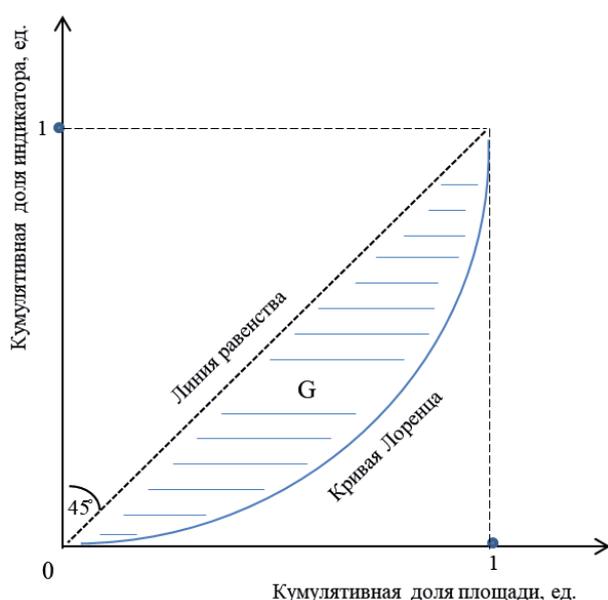

Рис. 1. Кривая Лоренца в целях исследования
 Fig. 1. Lorenz curve for research purposes
 Источник: составлено автором

ства (в нашем исследовании, неравномерности). Если кривая Лоренца совпадает с линией равновесия, что означает нулевую площадь G, это свидетельствует о равномерном распределении населения, ресурсов, производства и торговли по изучаемой территории.

Есть несколько способов расчета коэффициента Джини. В данном исследовании будет применяться формула Брауна:

$$G = \left| 1 - \sum_{m=2}^n (S_m - S_{m-1}) \cdot (I_m + I_{m-1}) \right|,$$

где S_m — площадь МО;

I_m — индикатор (плотность исследуемого показателя), характерный для соответствующего МО.

Предварительно МО должны быть проранжированы по степени возрастания исследуемой плотности.

Коэффициент Джини будем рассчитывать по каждому из пяти предложенных индикаторов, за пять лет. Исследуемый период: 2019–2023 гг.

Учитывая доступность данных, публикуемых Росстатом, за указанные пять лет, из 43 муниципальных образований в исследование попадают лишь 40, вследствие недостаточности данных по закрытым территориальным образованиям (ЗАТО). Это 26 муниципальных районов, 13 городских округов и один муниципальный округ¹.

Недостатком коэффициента Джини является то, что он не позволяет декомпонировать изучаемый объект — определить вклад конкретной территории в уровень неравномерности [15], но такая задача в данном исследовании и не ставится. Ключевое достоинство коэффициента — это возможность оценить общий уровень неравномерности по предложенным индикатором, а также сопоставить полученные значения как между собой в статике, так и провести анализ по каждому изучаемому индикатору в динамике. Ограничение коэффициента единицей делает его удобным инструментом для достижения поставленной цели.

Результаты исследования

Оценка коэффициента Джини, рассчитанного по численности населения, позволяет сделать вывод о высоком уровне неоднородности исследуемого пространства. По данным на 2019 г. этот показатель был равен 0,773. И в дальнейшем за все исследуемые пять лет этот уровень стабильно повышается, причем максимально резкий рост

¹ Коркинский муниципальный округ (2023 г.). В исследовании за период 2019–2022 гг. он учтен как Коркинский муниципальный район.

произошел именно за последний год (рис. 4). В 2023 г. коэффициент Джини составил уже 0,790.

На рис. 2 представлены две кривые Лоренца: для 2019 и 2023 гг. Видно, что площадь фигуры, которую образует линия равенства сверху и кривая Лоренца снизу, выросла.

Растущая динамика коэффициента Джини, рассчитанного по плотности численности населения, свидетельствует о возрастающей концентрации населения. Это говорит о стремлении жителей перемещаться на постоянное место жительства в города-центры с более высокой плотностью населения. Но стоит отметить, что плотность населения региона за рассматриваемые пять лет не выросла. Если в 2019 г. плотность населения региона составляла 0,378 жителя на гектар площади, то в 2023 г. этот показатель составил 0,376. Такой расчет получен путем деления численности населения всего региона на площадь территории всего региона¹. Ровно те же значения будут получены при расчете соотношения средних величин. Если же оценить среднее значение плотности населения среди сорока исследуемых территорий, то оно уже будет расти — с 1,922 чел./га в 2019 г. до 2,095 чел./га в 2023 г. Такого рода рас-

¹ Данные рассчитаны автором путем деления суммы жителей сорока муниципальных образований (без ЗАТО) на площадь территории этих же сорока муниципальных образований.

четы позволяют сделать вывод о том, что укрупнение территорий до регионального уровня может исказить сложившиеся тенденции. Фактически в нашем случае это означает следующее: при падении плотности населения концентрация, наоборот, растет. Об этом говорит как среднее значение плотности населения, так и величина коэффициента Джини.

Аналогичная тенденция характерна и для коэффициента Джини по плотности численности работников организаций, иными словами по плотности трудовых ресурсов (рис. 3, 4). Кривые Лоренца, построенные для 2019 и 2023 гг., опять же символизируют возросший уровень неравномерности (рис. 3).

Плотность трудовых ресурсов всего региона за исследуемые пять лет несколько сократилась: с 0,055 до 0,052 чел./га. Однако, средняя плотность трудовых ресурсов, оцененная как среднее значение плотности среди сорока муниципальных образований, опять же, наоборот выросла: с 0,293 до 0,306 чел./га. В контексте сравнения пограничных лет (2019/2023) здесь тенденция ровно аналогичная плотности населения. Однако, в контексте динамики, стоит отметить некий параболический тренд (рис. 4). К 2021 г. коэффициент Джини упал (до 0,751) — тогда как далее начал расти и к 2023 году уже превысил уровень 2019 г.

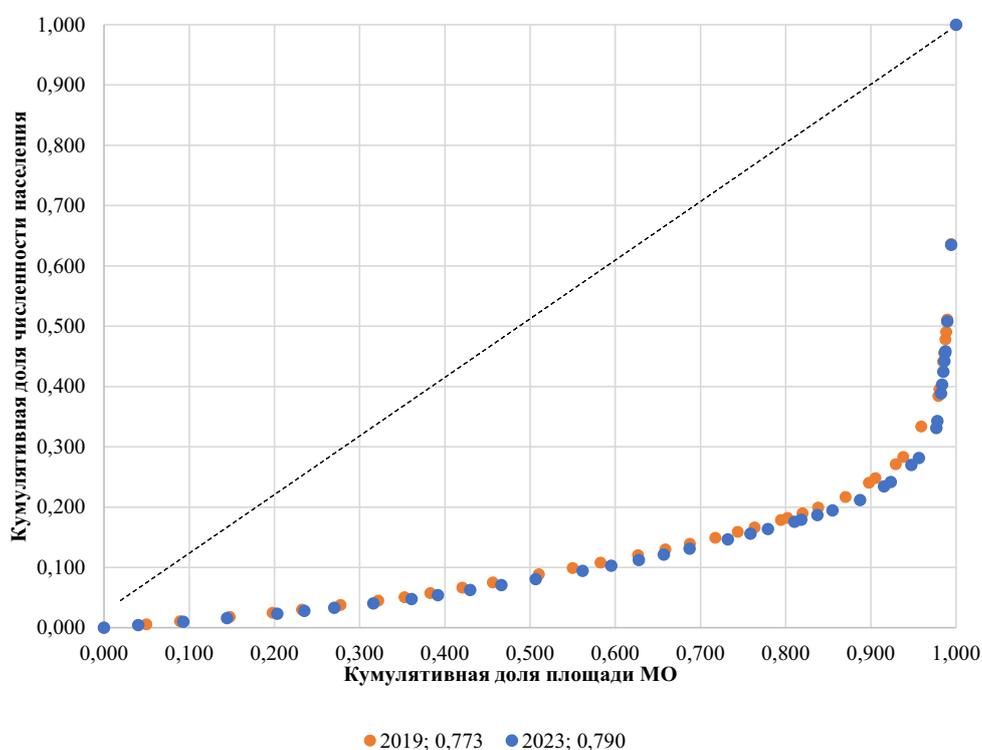

Рис. 2. Кривые Лоренца по численности постоянного населения
Fig. 2. Lorenz curves for the permanent population
Источник: составлено автором

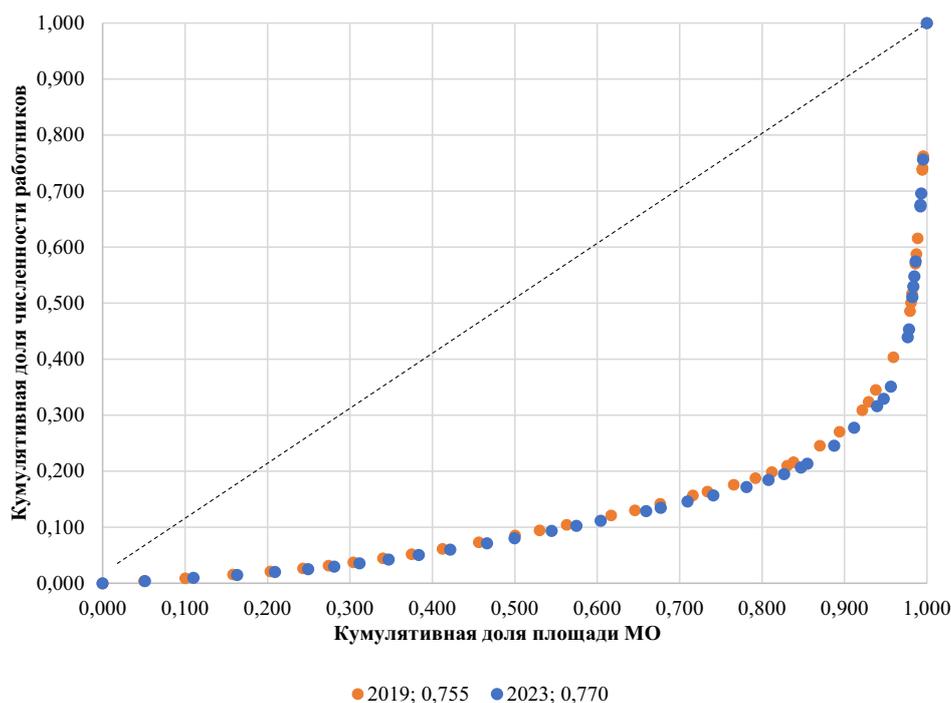

Рис. 3. Кривые Лоренца по численности работников организаций

Fig. 3. Lorentz curves for the number of employees of organizations

Источник: составлено автором

Если же сравнивать в статике на каждый исследуемый год коэффициенты Джини по плотности населения и плотности трудовых ресурсов, то неравномерность распределения численности занятого населения по территории региона несколько ниже неравномерности распределения численности постоянно проживающего населения.

Остальные три показателя коэффициента Джини, во-первых, демонстрируют куда более высокий уровень неравномерности, чем два уже упомянутых, во-вторых, либо не имеют явно выраженного тренда — в контексте пяти рассматриваемых лет (что характерно для коэффициентов Джини по плотности инвестиций и плотности отгруженных товаров), либо даже при наличии некоторого снижающегося тренда демонстрируют очень невысокую волатильность (что характерно для коэффициента Джини по плотности оборота розничной торговли) (рис. 4).

Неравномерность распределения инвестиционных ресурсов оказалась куда выше неравномерности распределения трудовых ресурсов. Здесь нужно отметить, что удачным в целях нашего анализа мог бы оказаться коэффициент Джини, оцененный по показателю «основные фонды», нежели «инвестиции в основной капитал». Все же инвестиции — это поток, а основные фонды — это запас, который, на взгляд автора, лучше бы продемонстрировал распределение капитальных ресурсов

по территориям муниципальных образований региона. Однако, дать такую оценку не представляется возможным ввиду отсутствия такой муниципальной статистики.

Если три рассматриваемых показателя можно отнести к категории ресурсных (даже население можно оценить как потенциальный ресурс), то оставшиеся два показателя — «плотность объема отгруженных товаров» и «плотность оборота розничной торговли» — фактически являются результирующими признаками. Чем выше объемы ресурсов, тем, вероятно, выше должны быть и объемы производства и торговли. Но относительно неравномерности распределения плотности таких по территории региона — здесь мы видим куда более высокий уровень неравномерности. Причем даже если в сравнении с неравномерностью распределения жителей по территории, можно получить разные результаты, то и в сравнении с трудовыми ресурсами мы получили различный уровень неравномерности. Неравномерность распределения трудовых ресурсов не сопоставима с неравномерностью распределения производства и торговли, последняя существенно выше. В итоге напрашивается вывод, что концентрация инвестиционных ресурсов на одной территории в большей степени предопределяет более высокую концентрацию как производства, так и торговли, чем концентрация трудовых ресурсов.

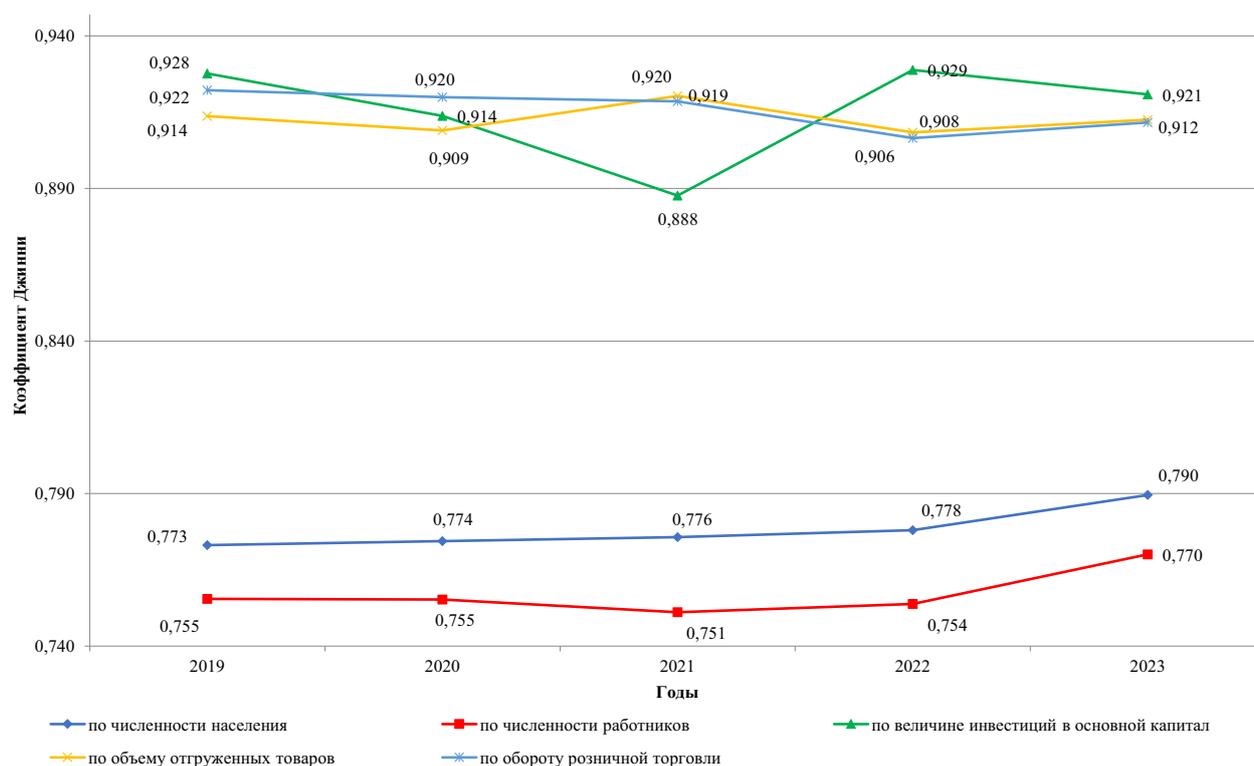

Рис. 4. Динамика коэффициента Джини

Fig. 4. Dynamics of the Gini coefficient

Источник: составлено автором

Заключение

По проведенным расчетам можно сделать следующие выводы:

1. Неравномерность экономического пространства Челябинской области можно назвать высокой. Аналогичного рода исследований, где бы использовался коэффициент Джини по плотности изучаемых показателей, автором не найдено, а потому невозможно сопоставить полученные результаты с результатами других авторов. Но даже если принять во внимание, что неравномерность заработной плат — а именно по данному показателю другие авторы предпринимали попытки оценить неравномерность российского или же регионального пространства — характеризуется значениями в диапазоне от 0,25 до 0,65, то полученные в данном исследовании значения коэффициента Джини говорят о куда более высоком уровне неравномерности.

2. В отношении ресурсной неравномерности можно констатировать более высокий уровень

неравномерности распределения капитальных ресурсов, нежели трудовых. Причем концентрация (оцененная как среднее значение соответствующей плотности среди сорока муниципальных образований) как трудовых, так и капитальных ресурсов за рассматриваемые пять лет возросла. Но темпы роста за рассматриваемые пять лет разнятся: если средняя плотность трудовых ресурсов выросла с 0,29 до 0,31 чел./га (на 4,3%), то средняя плотность инвестиционных ресурсов выросла с 76,82 до 134,27 тыс. руб./га (на 174,78%).

3. Что касается неравномерности производства и торговли, то уровень таковой оказался куда выше уровня неравномерности трудовых ресурсов, и сопоставимым по сравнению с уровнем инвестиционных ресурсов.

4. Анализ динамики показал однозначный рост неравномерности численности населения и неравномерности трудовых ресурсов. Напротив, неравномерность оборота розничной торговли несколько сократилась — но очень незначительно.

Список источников

1. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7
2. Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // *Управленец*. 2020. Т. 11, № 6. С. 28–43. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3

3. Трейвиш А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15, № 4. С. 13–35. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
4. Шевчук Е. И., Кириллов П. Л., Петросян А. Н. Проблема генерализации данных в исследованиях пространственной неоднородности социально-экономических явлений на разных масштабных уровнях // *Региональные исследования*. 2019. № 3 (65). С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-1
5. Бенц Д. С. О внутрирегиональной дифференциации Челябинской области по уровню заработной платы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 6 (464). С. 74–85. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10608
6. Гафарова Е. А., Кантор О. Г. Моделирование внутрирегиональной дифференциации в оплате труда (на примере бюджетной сферы республики Башкортостан) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2017. Т. 33, № 3. С. 364–391. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.302.
7. Куманеева М. К., Слесаренко Е. В., Шевелева О. Б. Пространственная социально-экономическая дифференциация: проблемы регулирования внутрирегиональных диспропорций // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10, № 4. С. 965–986. doi: 10.18334/epp.10.4.100857
8. Афанасьева Е. Е., Корева О. В., Тихий В. И. Политика внутрирегионального выравнивания как составная часть региональной политики и инструмент снижения социально-экономической асимметрии внутри субъектов Федерации // *Вестник Евразийской науки*. 2019 № 5. <https://esj.today/PDF/07ECVN519.pdf>.
9. Кабашова Е. В. Методика оценки внутрирегиональной дифференциации заработной платы // *Управленческий учет*. 2021. № 12-2. С. 384–393.
10. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Дифференциация территорий и механизм её снижения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11, № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
11. Афанасьев В. Н., Беньковская Л. В. Статистические методы дифференциации муниципальных образований // *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика*. 2022. Т. 18, № 4 (71). С. 8–18.
12. Тулькубаев И. Ф. Дифференциация социально-экономического развития: внутрирегиональный аспект // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2022. Т. 8, № 2. С. 227–235.
13. Самусенко С. А., Бухарова Е. Б. Внутрирегиональное социальное и экономическое пространственное неравенство в ресурсных экономиках // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 7. С. 1012–1023. DOI: 10.17516/1997-1370-0905
14. Коваленко Е. Г. Концептуальная модель муниципальной стратегии с акцентом на пространственное развитие // *Вестник НГИЭИ*. 2020. № 6 (109). С. 75–87.
15. Глущенко К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // *Вопросы статистики*. 2016. № 2. С. 71–80.

References

1. Zubarevich NV. Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost` = Social sciences and contemporary world*. 2019;(4):57-70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990005814-7
2. Antipin IA, Vlasova NYu, Ivanova OYu. (2020). Strategic priorities for managing spatial inequalities in the socio-economic development of the Russian regions. *Upravlenets = The Manager*. 2020;11(6):28-43. (In Russ.). DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3
3. Treyvish AI. Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2019;15(4):13-35. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
4. Shevchuk EI, Kirillov PL, Petrosian AN. Data generalization for spatial socio-economic disparities on different research scales. *Regional'nye issledovaniya = Regional research*. 2019;3(65):4-15. (In Russ.). DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-1
5. Benz DS. On the intra-regional differentiation of the Chelyabinsk region in terms of wages. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):74-85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10608

6. Gafarova EA, Kantor OG. Modeling interregional differentiation in wages (case of Republic of Bashkortostan's budget sector). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2017;33(3):364-391. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.302.
7. Kumaneeva MK, Slesarenko EV, Sheveleva OB. Spatial socio-economic differentiation: problems of intraregional imbalances regulation. *Ekonomika, predprinimatelstvo i parvo = Journal of Economics, entrepreneurship and law*. 2020;10(4):965-986. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.10.4.100857
8. Afanasieva EE, Koreva OV, Tikhii VI. Intraregional alignment policy as a part of regional policy and a tool to reduce socio-economic asymmetry within the subjects of the Russian Federation. *Vestnik Evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2019; [online] 5(11) (in Russ.). Available at: <https://esj.today/PDF/07ECVN519.pdf>
9. Kabashova E V. Methodology for assessing intraregional differentiation of wages. *Upravlencheskij uchet = Management Accounting*. 2021;(12-2):384-393. (In Russ.)
10. Voroshilov NV, Gubanova ES. Territorial Differentiation and Mechanism for its Reduction. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(6):57-72. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
11. Afanasyev VN, Benkovskaya LV. Statistical methods of differentiation of municipalities. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: E`konomika = Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics*. 2022;4(71):8-18. (In Russ.).
12. Tulkubaev IF. Differentiation of socio-economic development: intra-regional aspect. *Geopolitika i e`kogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. 2022;8(2):227-235. (In Russ.).
13. Samusenko SA, Bukharova EB. Intraregional social and economic spatial inequality in resource-abundant economies. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*. 2022;15(7):1012-1023. (In Russ.). DOI: 10.17516/1997-1370-0905
14. Kovalenko EG. The conceptual model of municipal strategy with an emphasis on spatial development. *Bulletin NGIEI*. 2020;109(6):75-87. (In Russ.).
15. Gluschenko KP. On the issue of application of the Gini coefficient and other inequality indices. *Voprosy statistiki*. 2016;(2):71-80. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 47–56.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):47-56

Научная статья

УДК 657.37

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-47-56

ESG-ОТЧЁТНОСТЬ В ПОВЕСТКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

Жанна Михайловна Корзоватых

Государственный университет управления, Москва, Россия, korzovatykh@yandex.ru, 0000-0002-8270-2115

Аннотация. В современном мире, где крупные компании ориентированы на международные рынки, информация, отраженная в финансовой отчетности, перестает быть единственным инструментом для оценки их деятельности. Сегодня инвесторы, стейкхолдеры и общество в целом стремятся получить более полное представление о том, как компании управляют своими ресурсами, взаимодействуют с окружающей средой, решают социальные вопросы и реализуют принципы корпоративного управления. Это привело к появлению концепции устойчивого развития, предполагающей гармоничное развитие компании с учетом экологической безопасности, социальной и корпоративной ответственности. Цель статьи заключается в выявлении ключевых направлений развития нефинансовой отчетности российскими компаниями. В ходе исследования была проанализирована нормативно-законодательная база, регулирующая вопросы по раскрытию в отчетности нефинансовых показателей деятельности компаний. Выявлены основные препятствия, с которыми сталкиваются российские компании, раскрывающие информацию о ESG-факторах в своей отчетности, требующие комплексного решения. Методы, используемые в исследовании, включают сравнительный анализ, монографический, абстрактно-логический и другие, что позволило выявить проблему и выработать рекомендации по ее решению. В результате исследования выявлено, что, несмотря на трудности с внедрением этого инструмента в России, его перспективы выглядят многообещающими. В будущем нефинансовая отчетность может стать важной частью корпоративной культуры и способствовать устойчивому развитию российского бизнеса.

Ключевые слова: нефинансовая отчетность, ESG, ESG-рейтинг, ESG-факторы, устойчивое развитие, социальная ответственность, экологическая ответственность

Для цитирования: Корзоватых Ж. М. ESG-отчётность в повестке устойчивого развития экономических субъектов // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 47–56. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-47-56.

Original article

ESG-REPORTING IN THE AGENDA OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMIC ENTITIES

Zhanna M. Korzovatykh

State University of Management, Moscow, Russia, korzovatykh@yandex.ru, 0000-0002-8270-2115

Abstract. In today's world, where large companies are focused on international markets, the information reflected in financial statements is no longer the only tool for evaluating their activities. Today, investors, stakeholders and society as a whole are striving to gain a better understanding of how companies manage their resources, interact with the environment, solve social issues and implement corporate governance principles. This led to the emergence of the concept of sustainable development, which assumes the harmonious development of the company, taking into account environmental safety, social and corporate responsibility. The purpose of the article is to identify the

key areas of development of non-financial reporting by Russian companies. The study analyzed the regulatory and legislative framework governing the disclosure of non-financial performance indicators of companies in the financial statements. The main obstacles faced by Russian companies that disclose information about ESG factors in their reporting, requiring a comprehensive solution, have been identified. The methods used in the study include comparative analysis, monographic, abstract-logical and others, which made it possible to identify the problem and develop recommendations for its solution. The study revealed that despite the difficulties with the implementation of this tool in Russia, its prospects look promising. In the future, non-financial reporting may become an important part of corporate culture and contribute to the sustainable development of Russian business.

Keywords: non-financial reporting, ESG, ESG rating, ESG factors, sustainable development, social responsibility, environmental responsibility

For citation: Korzovatykh ZhM. ESG-Reporting in the Agenda of Sustainable Development of Economic Entities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):47-56. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-47-56.

Введение

На протяжении многих десятилетий бухгалтерская (финансовая) отчетность является основным способом коммуникации и передачи информации системы учетно-аналитического обеспечения заинтересованным лицам. Это мощный инструмент, позволяющий стейкхолдерам получать полное представление о деятельности экономического субъекта, своего рода «язык бизнеса», на котором организация раскрывает свои финансовые показатели, результаты деятельности [1]. Однако, в условиях динамично меняющегося мира заинтересованные пользователи для получения полноценной информации о возможностях деятельности экономического субъекта в долгосрочной перспективе не могут пользоваться только данными, представленными в бухгалтерской (финансовой) отчетности, так как эти сведения носят ретроспективный характер. Ракурс внимания потенциальных инвесторов и стейкхолдеров направлен не только на изучение финансового положения экономических субъектов, но и на взаимодействие бизнеса с внешней средой и обществом, влияние на жизнедеятельность регионов, социальных групп и категорий людей, сообществ, природной среды, качество жизни будущих поколений. Данная информация находит отражение в нефинансовой отчетности, характеризующей экологическую безопасность, социальную ответственность, а также перспективы и возможности экономического субъекта в сфере устойчивого развития [2]. Принципы ESG, лежащие в основе формирования нефинансовой отчетности, сдвигают акцент внимания заинтересованных сторон на следующие составляющие: Environment (Экологичность, направленная на сохранение и улучшение состояния окружающей среды), Social (Социальная политика), Governance (Уровень корпоративного управления), что в данный момент

являются ключевыми критериями определения устойчивости экономических субъектов и их ответственности за результаты деятельности.

Стремление экономического субъекта к информационной прозрачности и созданию благоприятного инвестиционного климата, повышению конкурентоспособности как ключевых элементов доверия инвесторов, характеризуют его степень зрелости. Формирование «ответственной» отчетности становится не просто трендом, а необходимым инструментом для каждого экономического субъекта, стремящемуся к устойчивому развитию [3]. Отражение в отчетности данных по взаимодействию экономического субъекта с окружающей природной средой и социумом непосредственно связано с повышением деловой репутации компании, стимулированием инвестиционной привлекательности, улучшением конкурентоспособности и прозрачности деятельности экономического субъекта [4]. Публикация такой отчетности позволяет стейкхолдерам — инвесторам, клиентам, сотрудникам, общественным организациям и государству — получить максимально полную картину о деятельности компании и ее влиянии на окружающую среду и общество. Цель статьи заключается в выявлении ключевых направлений развития нефинансовой отчетности российскими компаниями, как основного инструмента решения задач, связанных с повышением деловой репутации компании и привлечения инвесторов.

Материалы и методы исследования

Проведенное исследование, посвященное проблемам раскрытия ESG-факторов в отчетности, потребовало комплексного применения широкого спектра научных методов познания. В основе работы лежали методы группировки и сравнения, анализа и синтеза, обобщения и систематизации, позволяющие классифицировать и анализиро-

вать собранные данные, выявить закономерности и структурировать полученную информацию.

В качестве фактологической основы исследования использовались нормативные акты, регламентирующие составление нефинансовой отчётности в зарубежной и российской практике, официальные статистические и аналитические материалы по определению ESG-рейтингов.

В процессе написания статьи также были использованы традиционные методы изучения проблемы: сравнительного анализа, монографический, абстрактно-логический и другие, позволяющие реализации цели исследования. Методологической основой исследования стали труды ведущих экономистов и аналитиков, занимающихся вопросами нефинансовой отчётности. В целом примененный комплекс методов научного познания позволил провести исследование проблем, с которыми сталкиваются российские компании при формировании нефинансовой отчётности, выявить тенденции развития данного направления.

Результаты исследования и их обсуждения

Нефинансовая отчётность становится инструментом, транслирующим достигнутые на сегодняшний день промежуточные результаты в соответствии с установленной бизнес-стратегией устойчивого развития соблюдая ESG-критерии, без нанесения возможного ущерба будущим поколениям. Это демонстрирует многогранность оценки деятельности, основанной на совокуп-

ности взаимосвязанных принципов, обеспечивающих открытость управления экономическим субъектом, заботу об окружающей среде, учету интересов общества, а также социальной и корпоративной ответственности.

ESG-раскрытие при составлении отчетности нашло отклик у экономических субъектов во всем мире. На сегодняшний день в международной базе отчетов, отражающих ESG-факторы, опубликованных на www.corporateregister.com зарегистрировано более 220 143 отчетов от более 30 тысяч организаций¹. Количество международных компаний, публикующих отчетность, содержащую нефинансовую составляющую, плавно и поступательно растет из года в год, при этом содержание и структура отчетности становится все более прозрачной и зрелой (рис. 1).

С 2001 г. Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) ведется Национальный реестр отчетности, раскрывающий аналитические возможности влияния ESG-факторов на деятельность экономических субъектов. Раскрытие ESG-факторов экономическими субъектами осуществляется на добровольной основе, и в основном, компаниями крупного бизнеса. По состоянию на август 2024 г. в реестре зарегистрировано 1 550 отчетов 272 экономических субъектов, включая 629 отчетов об устойчивом

¹ Официальный сайт Corporate Register. Реестр корпоративной отчетности. URL: <https://corporateregister.com/> (дата обращения 08.08.2024)

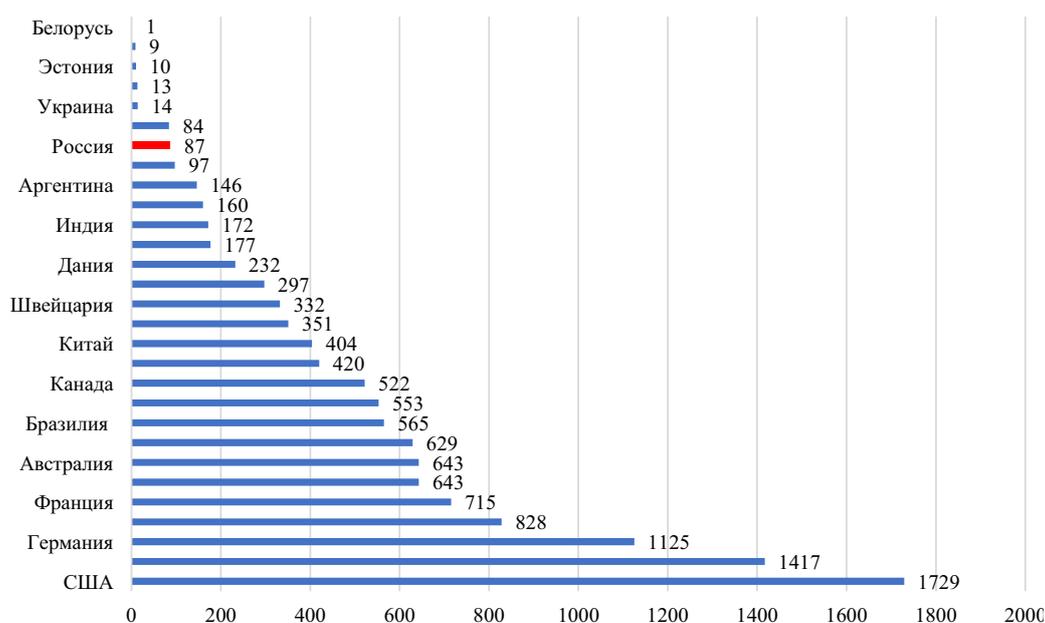

Рис. 1. Количество компаний, публикующих нефинансовые отчеты, в разрезе стран

Fig. 1. Number of companies publishing non-financial reports by country

Источник: Официальный сайт Corporate Register. Реестр корпоративной отчетности.

URL: <https://corporateregister.com/> (дата обращения 08.08.2024)

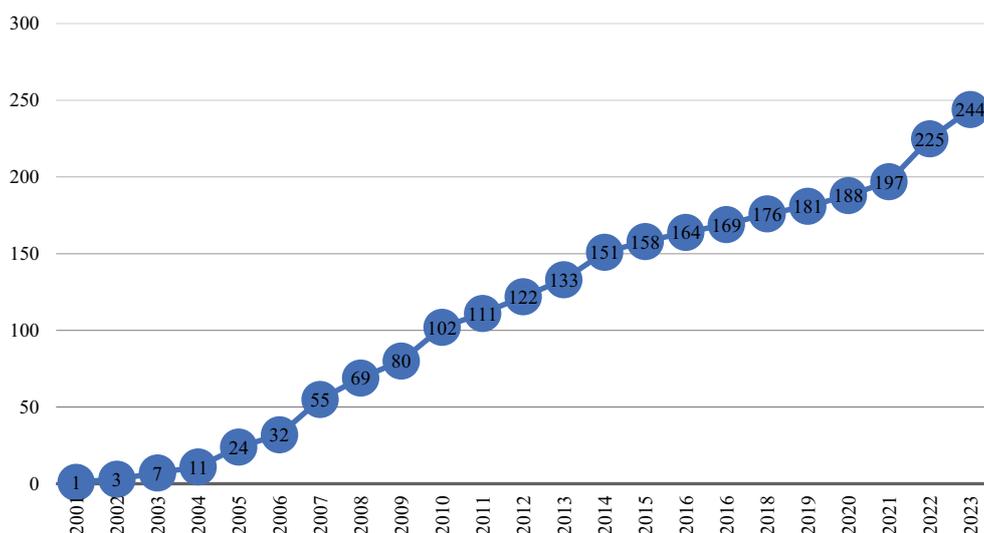

Рис. 2. Количество экономических субъектов, формирующих нефинансовую отчетность в России (нарастающим итогом)

Fig. 2. The number of economic entities forming non-financial reporting in Russia (cumulative)

Источник: Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей.

Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения 10.08.2024)

развитии, 116 экологических, 392 социальных и 413 интегрированных отчетов¹. Число организаций, формирующих нефинансовую отчетность представлено на рис. 2, что свидетельствует о следовании компаний ESG-повестке, а также увеличении интереса в ответственном инвестировании.

Отраслевая принадлежность экономических субъектов, предоставляющих корпоративные нефинансовые отчеты, представлена на рис. 3, где наблюдается, ситуация, когда лидирующие места занимают не только компании, которые традиционно рассматриваются как наиболее агрессивные по отношению к окружающей среде [5] и для которых характерны тяжелые условия труда (энергетики (58 экономических субъектов), которые предоставили 368 отчетов, металлургической и горнодобывающей промышленности (30 экономических субъектов) — 218 отчетов, нефтегазовой сферы (23 экономических субъекта) — 208 отчетов), но и компании из сферы финансов и страхования (33 экономических субъекта) — 164 отчета.

В мире, где экологические, социальные проблемы и вопросы корпоративного управления (ESG) становятся все более актуальными, возникает необходимость нормативного регулирования вопросов, связанных с формированием нефинансо-

¹ Официальный сайт года Российским союзом промышленников и предпринимателей. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения 10.08.2024)

вой отчетности. Стандарты, которые лежат в основе формирования отчетности находят отражение в раскрытии аналитических данных об устойчивом развитии, экологических и социальных составляющих деятельности экономических субъектов. Наиболее распространенными стандартами являются документы Глобальной инициативы по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI), которые отличаются своей универсальностью и возможностью применения большому количеству экономических субъектов. Согласно исследованию KPMG о формировании нефинансовой отчетности большинство крупнейших компаний мира (96% из 250) в 2022 г. отчитывались о своих показателях и их влиянии на устойчивое развитие, из которых 73% использовали стандарты GRI [6]. Эта тенденция подтверждается и аналитическими исследованиями Международной федерации бухгалтеров и Ассоциации международных сертифицированных профессиональных бухгалтеров. По результатам исследования было выявлено, что 74% респондентов при составлении ESG-отчетности регламентируются стандартами GPI [7]. По данным Corporateregister.com около 62% российских компаний используют Стандарты GRI для разработки нефинансовой отчетности². Результаты исследования Российского института директоров, Стандарты GRI используют

² Официальный сайт GRI. GRI — Standarts. URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/register-your-report/> (дата обращения 01.08.2024)

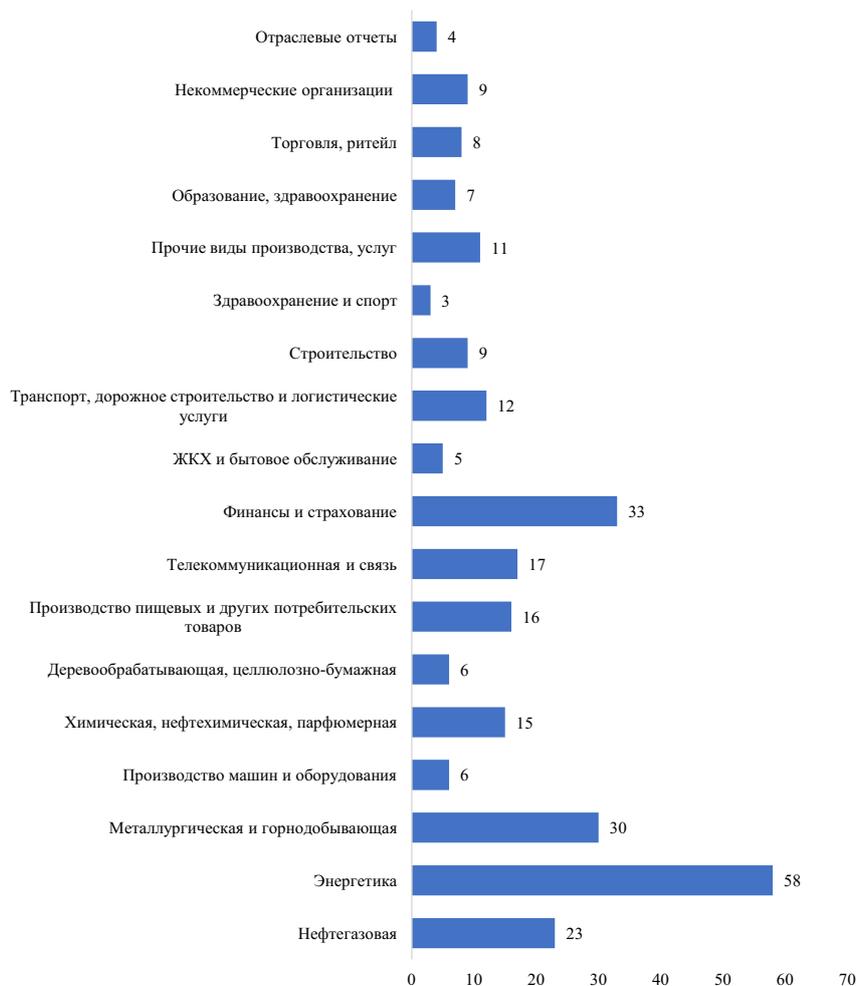

Рис. 3. Отраслевая принадлежность экономических субъектов, предоставляющих корпоративные нефинансовые отчеты в России

Fig. 3. Industry affiliation of economic entities providing corporate non-financial reports in Russia

Источник: Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/register/ (дата обращения 10.08.2024)

52 % экономических субъектов, публикующих нефинансовую отчетность¹. Остальные экономические субъекты при формировании нефинансовой отчетности регламентируются стандартами TCFD (Task Force on Climate-Related Financial Disclosures), которые сфокусированы на климатической составляющей, отраслевыми стандартами SASB (Sustainability Accounting Standards Board) направленными на раскрытие информации о рисках и возможностях, связанными с устойчивым развитием и их влиянии на ключевые финансовые показатели экономических субъектов или специализированными стандартами CDR (Carbon

¹ Официальный сайт Российский институт директоров. Исследование ESG вопросы в практике российских публичных компаний. URL: https://rid.ru/wp-content/uploads/2022/04/2022_Исследование-ESG-2021_презентация.pdf (дата обращения 01.08.2024)

Disclosure Project), регламентирующим порядок раскрытия информации о выбросах парниковых газов [8]. Основным отличием применяемых стандартов при определении влияния ESG-факторов на деятельность экономических субъектов является их направленность и область применения.

Согласно данным аналитического исследования SBS Consulting² большинство экономических субъектов (более 88 %) при составлении нефинансовой отчетности регламентируются требованиями нескольких стандартов, опираясь на стратегическое целеполагание, поставленное самой организацией, при этом 48 % экономических субъектов используют требования всех четырех стандартов.

² Официальный сайт sbs Consulting. Оценка компаний по степени раскрытия ESG-информации. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/314/314b820ec2b5b5183483823091197dd4.pdf> (дата обращения 01.08.2024)

Директива CSRD революционизирует подход к отчетности компаний об устойчивом развитии. Она требует от компаний не просто описания их действий в области охраны окружающей среды, социальной ответственности и корпоративного управления (ESG), но и проведения глубокого анализа влияния этих факторов на их финансовые показатели и риски. В основе CSRD лежит концепция двойной материальности: компании должны раскрывать информацию не только о своем влиянии на окружающую среду и общество, но и о том, как эти факторы влияют на их бизнес-среду. Чтобы обеспечить единые требования к раскрытию информации об устойчивом развитии, был разработан ряд международных стандартов. Одним из ключевых документов стал МСФО S1, который устанавливает общие принципы и требования к отчетности ESG. Дополнительно к нему был разработан специализированный стандарт, МСФО S2, посвященный раскрытию информации о климатических рисках и возможностях. Компаниям, подпадающим под действие CSRD, необходимо тщательно изучить все эти стандарты и разработать стратегию формирования отчетности об устойчивом развитии. Такая стратегия должна быть интегрирована в общую бизнес-стратегию компании и учитывать специфику ее деятельности.

В Европейском союзе, где CSRD является обязательной для крупных компаний, дополнительно были разработаны Европейские стандарты отчетности в области устойчивого развития (ESRS). ESRS включают в себя подробные требования по раскрытию информации по различным аспектам ESG, таким как климат, биоразнообразие, социальная ответственность, управление и т. д. [9]. С 2025 г. вступает в действие Директива о комплексной проверке корпоративного устойчивого развития (CSDD), направленная на нивелирование негативных воздействий по всей цепочке создания стоимости, предусматривающая экологическую и социальную экспертизу [10].

В 2017 г. началась работа по формированию нормативно-законодательной базы по формированию нефинансовой отчетности в России. Ключевым шагом стало принятие Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации¹. Концепция, опи-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 N 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации» // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.07.2023).

раясь на международные стандарты GRI (Global Reporting Initiative), не является их переводным изложением, а представляет собой оригинальный нормативный акт, адаптированный к российским реалиям. В ней прописаны ключевые моменты, касающиеся необходимости развития ESG-отчетности, установлены принципы раскрытия и состав нефинансовой отчетности. Важным элементом концепции является регламентация сроков и порядка верификации надежности отчетности, раскрываемой ESG-факторы. Это позволяет обеспечить достоверность и прозрачность представленных в отчетности, нефинансовой аналитики ESG-факторов, влияющих на деятельность экономического субъекта.

Для широкомасштабной реализации ESG-повестки в России были разработаны и введены в действие следующие документы: Федеральные законы², распоряжения Правительства³, письма Банка России⁴, приказ Минэкономразвития⁵.

² Федеральные законы от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»; от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации».

³ Распоряжения Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»; от 22.10.2021 № 2979-р «Об утверждении перечня парниковых газов, в отношении которых осуществляется государственный учет выбросов парниковых газов и ведение кадастра парниковых газов»; от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года».

⁴ Информационные письма Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ»; от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования»; от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» (вместе с «Рекомендациями по учету советом директоров (наблюдательным советом) публичного акционерного общества факторов, связанных с окружающей средой, социальных факторов и факторов корпоративного управления (ESG-факторов), а также вопросов устойчивого развития»).

⁵ Приказ Минэкономразвития России от 01.11.2023 № 764 «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии».

Наличие действующих нормативных актов в области устойчивого развития и их исполнении свидетельствует о сложностях в их реализации и не проработанности законодательной базы по многим ключевым вопросам, в том числе касающихся ответственности за предоставление недостоверной информации. На сегодняшний день назрел вопрос о выведении отчетности, отражающей нефинансовую информацию о деятельности экономических субъектов в отдельное правовое поле. Носящие рекомендательный характер требования по объему добровольно раскрываемым показателям приводят к затруднению трактования и интерпретации данных, предоставленных экономическими субъектами, сложностям в проведении сравнительного анализа по кастомизированным показателям, оценке достигнутых результатов по ESG-факторам. Невысокий уровень раскрытия нефинансовой аналитики в отчетности является следствием добровольности применения стандартов ESG-отчетности [11]. Большинство показателей отчетности об устойчивом развитии отражают общие немонетарные сведения о затратах, намерениях, однако не представлены показатели, характеризующие результаты влияния ESG-факторов. В связи с чем, трудно понять в какой промежуток времени будут достигнуты заявленные компанией результаты и будут ли вообще достигнуты результаты от прилагаемых компанией усилий. Также не прослеживается отраслевая принадлежность экономических субъектов, и как следствие, отсутствует понимание на какие показатели компании, функционирующей в той или иной отрасли экономики, должно быть уделено особое внимание. Данные вопросы могут быть сняты с повестки дня при создании четко проработанной нормативно-законодательной базы в области устойчивого развития, обеспечив заинтересованных пользователей и стейкхолдеров прозрачной, надежной и достоверной информацией по реализации ESC-инициатив.

Устойчивое развитие отражает стратегию, направленную на изменение бизнес-процессов вследствие интеграции принципов ESG, при этом внимание акцентируется на создание и поддержание благоприятной среды для бизнеса и в перспективе обеспечение основы для дальнейшего роста. Оно включает в себя ключевые составляющие, каждая из которых влияет на построение бизнес-модели компании. При этом невозможно выделить приоритетный критерий устойчивого развития, так как важна совокупность всех со-

ставляющих: экономической, позволяющей эффективно управлять имеющимися ресурсами, расширять инвестиции в инновации; социальной, направленной на обеспечение и сохранение безопасности в сфере охраны труда, поддержку образования, инвестирование социальных программ; экологической, связанной с управлением воздействий на окружающую среду, внедрением практик управления экологическими рисками, интеграцией экологически устойчивых методов в свою деятельность [12].

Российские компании, добровольно формирующие нефинансовую отчетность, в настоящее время сталкиваются с проблемами, связанными:

- с разнообразием форм нефинансовых отчетов, что затрудняет проведение анализа и сопоставления данных с другими экономическими субъектами. Сложности возникают, если компании формируют нефинансовую отчетность регламентируясь разными стандартами, однако раскрытие нефинансовой аналитики по одним стандартам не гарантирует сопоставимость данных, так как стандарты устанавливают основные элементы отчетных показателей, а компании самостоятельно определяют необходимость их раскрытия [13];

- качеством информации, представленной в нефинансовой отчетности. Связано это с отсутствием единых стандартов, которыми должны руководствоваться экономические субъекты при формировании нефинансовой аналитики ESG-факторов, влияющих на деятельность экономического субъекта. В настоящее время представляемая экономическими субъектами информация является неполной и расплывчатой, а сами компании не раскрывают полные сведения о проблемных ситуациях, а наоборот, акцентируют внимание исключительно на положительных результатах деятельности, что затрудняет анализ проблем по каждому ESG-фактору;

- неразвитостью информационно-аналитического программного обеспечения, необходимого для аккумулирования и систематизации широкого спектра информации, включаемую в нефинансовую отчетность. На данный момент российские компании часто используют разрозненные системы для сбора данных, что делает процесс составления нефинансовой отчетности неэффективным и трудоемким;

- недостатком в высококвалифицированных кадрах, обладающих компетенциями в составлении нефинансовой отчетности. Это связано с отсутствием системы специальной подготовки в российских учебных заведениях;

– наличие слабых мест в системе управленческого учета, данные которой могут быть использованы при формировании нефинансовой отчетности;

– отсутствию методов проверки и порядка верификации нефинансовой отчетности, что создает определенные трудности при определении достоверности данных нефинансовой отчетности и обеспечении ее надежности [14].

Растущий спрос на ESG-раскрытие информации, представленной в нефинансовых отчетах, свидетельствует об информационной открытости, прозрачности и социальной ответственности компаний. Для решения вопросов доступности информации, необходимо устранить препятствия, с которыми сталкиваются компании, раскрывающие информацию о ESG-факторах. Причем решение этих вопросов должно осуществляться комплексно. Создание четко проработанной нормативно-законодательной базы в области формирования нефинансовой отчетности и ее верификации, обеспечивая заинтересованных пользователей и стейкхолдеров прозрачной, надежной и достоверной информацией по реализации ESG-инициатив. Разработка специализированных платформ и программных продуктов, предназначенных для формирования нефинансовой отчетности, является важным шагом в направлении ее широкого внедрения. Создание платформы для обмена информацией о деятельности экономических субъектов, в том числе нефинансовой аналитикой, содержащей информацию о состоянии окружающей среды, социальной ответственности и устойчивом развитии. Необходимость такой платформы обусловлена единством системы сбора, обработки и распространения информации об экономических субъектах, практикующих составление нефинансовой отчетности заинтересованным пользователям. Компании, работающие с платформой, должны будут предоставлять отчетность, составленную по требованиям, установленным едиными стандартами. Для повышения доверия к ESG-информации о деятельности компании и к самому институту «ответственной» отчетности, публикуемая нефинансовая аналитика должна быть верифицирована общественными или профессиональными сообществами [15]. Однако сложность возникает и в том, что на сегодняшний день не разработаны методы проверки нефинансовой отчетности, что делает процесс общественного или профессионального завере-

ния данных более сложным и менее эффективным. При чем, многие показатели в нефинансовой отчетности не поддаются количественному измерению, а следовательно, и верификации. Это создает определенные трудности при проведении достоверности и обеспечению надежности нефинансовой аналитики по раскрытию ESG-факторов на деятельность экономических субъектов. Поэтому, необходимость нормативного регулирования верификации нефинансовой отчетности позволит обеспечивать достоверность и надежность данных, как источника объективной информации для стейкхолдеров.

Заключение

Развитие нефинансовой отчетности в России — это сложный процесс, который требует координации усилий всех заинтересованных сторон: государства, бизнеса, общественных организаций, академических кругов. Раскрытие данных по ESG-факторам позволяет инвесторам, стейкхолдерам и обществу в целом получить полное представление о том, как компании управляют своими ресурсами, взаимодействуют с окружающей средой, решают социальные вопросы, реализуют принципы корпоративного управления. Такой подход к раскрытию информации о деятельности компании, с одной стороны, обеспечивает заинтересованных пользователей более глубоким пониманием способности компании генерировать финансовые потоки и создавать ценность в перспективе, делая упор на устойчивое развитие, раскрывая ее бизнес-стратегию в отношении социальных, экологических и управленческих аспектов деятельности, с другой стороны, формирует фундамент для построения эффективной системы управления, ориентированной на создание долгосрочной стоимости, выявления и раскрытия потенциальных возможностей для бизнеса и управление бизнес-рисками, что позволяет выявлять области, требующие пристального внимания, и определять новые финансовые инструменты создания стоимости, которые ранее могли оставаться незамеченными.

В результате исследования выявлено, что несмотря на трудности с внедрением этого инструмента в России, его перспективы выглядят многообещающими. В будущем нефинансовая отчетность может стать важной частью корпоративной культуры и способствовать устойчивому развитию российского бизнеса.

Список источников

1. Контрольно-аналитические, учетные технологии и экономическая безопасность в бизнесе: Монография / М. В. Карп, Т. М. Рогуленко, О. А. Агеева [и др.]. М. : Русайнс, 2024. 244 с.
2. Одинцова Т. М. Бухгалтерский учет и корпоративная отчетность: возможности и перспективы развития в ESG-повестке // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2023. № 4. С. 10–22.
3. Корзоватых Ж. М. ESG-повестка как элемент экономической безопасности бизнеса // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 г. Донецк : Донецкий национальный университет, 2024. С. 71–73.
4. Филясова Ю. А. Принцип перфекционизма в репрезентации корпоративных достижений (на материале годовых отчетов промышленных компаний) // Управление. 2023. № 11(3). С. 97–108.
5. Афанасьев М. П., Шаш Н. Н. Новое в раскрытии финансовой информации, связанной с устойчивым развитием в концепции ESG (версия МСФО) // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5 (200). С. 184–195. DOI 10.47711/0868-6351-200-184-195.
6. ESG: три буквы, которые меняют мир: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / И. В. Ведерин [и др.] ; под науч. ред. К. И. Головщинского. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 138 с.
7. Одинцова Т. М. Модели ESG-отчетности в повестке устойчивого развития // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России : материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Сыктывкар, 21–22 декабря 2023 года. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2024. С. 170–177.
8. Барков А. В., Баркова Л. А., Гришина Я. С. Социально-предпринимательский опыт как основа совершенствования модели устойчивого бизнеса и управления: европейский и российский подходы к социализации корпоративного законодательства // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности / Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2023. С. 284–299.
9. Малиновская Н. В. Цифровизация публичной отчетности: проблемы и пути их решения // Международный бухгалтерский учет. 2023. Т. 26, № 4 (502). С. 362–377. DOI 10.24891/ia.26.4.362.
10. Алексеева, И. В., Хлынова А. С. Методические аспекты формирования нефинансовой отчетности субъектами малого предпринимательства // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2022. № 3. С. 10–22.
11. Корзоватых Ж. М. Тенденции развития нефинансовой отчетности экономических субъектов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2, № 5 (137). С. 108–115.
12. Анюшенкова О. Н., Мкртчян В. Х. Environmental, Social, Governance (ESG) и бизнес: современные тенденции и вызовы // Самоуправление. 2023. № 6(139). С. 22–23.
13. Алексеева И. В., Селюта А. Ю. Современная практика развития нефинансовой отчетности коммерческих организаций // Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 апреля 2022 г. Ростов-на/Д. : АзовПринт, 2022. С. 88–92.
14. Морозова Е. В. Раскрытие корпоративной ESG-информации // Учет. Анализ. Аудит. 2024. № 11(1). С. 39–49.
15. Анисимова Е. В. Аудит нефинансовой отчетности в фокусе устойчивого развития российских компаний // Исследование проблем экономики и финансов. 2023. № 4. DOI 10.31279/2782-6414-2023-4-4.

References

1. Control and analytical, accounting technologies and economic security in business. M. V. Karp, T. M. Rogulenko, O. A. Ageeva. Moscow, Rusains Limited Liability Company; 2024. 244 p. (In Russ.).
2. Odintsova TM. Accounting and corporate reporting: opportunities and prospects for development in the ESG agenda. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov) = Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)*. 2023;(4):10-22. (In Russ.).
3. Korzovatykh ZhM. ESG-agenda as an element of economic security of business. In: *Doneckie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti = Donetsk Readings 2024: education,*

science, innovation, culture and modern challenges. Proceedings of the IX International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024. Donetsk, Donetsk National University; 2024. Pp. 71–73. (In Russ.).

4. Filyasova YuA. The principle of perfectionism in the representation of corporate achievements (based on the material of annual reports of industrial companies). *Upravlenie = Management*. 2023;11(3):97-108. (In Russ.).

5. Afanasyev MP. New in the disclosure of financial information related to sustainable development in the ESG concept (IFRS version). *Problemy prognozirovaniya*. 2023;5(200):184-195. (In Russ.).

6. ESG: three letters that change the world: dokl. to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of economic and Social development, Moscow, 2022. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 138 p. (In Russ.).

7. Odintsova TM. Models of ESG reporting in the agenda of sustainable development. In: Sotsial'no-ekonomicheskie, demograficheskie i istoricheskie issledovaniia na Severe Rossii = Socio-economic, demographic and historical research in the North of Russia. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), Syktyvkar, December 21–22, 2023. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2024. Pp. 170–177. (In Russ.).

8. Barkov AV. Socio-entrepreneurial experience as a basis for improving the model of sustainable business and management: European and Russian approaches to the socialization of corporate legislation. In: Semyjnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatelnosti. Moscow; 2023. Pp. 284–299. (In Russ.).

9. Malinovskaya NV. Digitalization of public reporting: problems and ways to solve them. *Mezhdunarodnyy buhgalterskij uchet*. 2023;26(4(502)):362-377. (In Russ.).

10. Alekseeva IV, Khlynova AS. Methodological aspects of the formation of non-financial reporting by small business entities *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov) = Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)*. 2022;(3):10-22. (In Russ.).

11. Korzovatykh ZhM. Trends in the development of non-financial reporting of economic entities. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia = Economics and management: problems, solutions*. 2023;2(5(137)):108-115. (In Russ.).

12. Anyushenkova ON, Mkrtychyan VH. Environmental, Social, Governance (ESG) and business: modern trends and challenges. *Samoupravlenie = Self-government*. 2023;6(139):22-23. (In Russ.).

13. Alekseeva IV, Selyuta AYu. Modern practice of development of non-financial reporting of commercial organizations. In: Statistika v sovremennom mire: metody, modeli, instrumenty = Statistics in the modern world: methods, models, tools. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, April 21, 2022. Rostov-on-Don, AzovPrint; 2022. Pp. 88–92. (In Russ.).

14. Morozova EV. Disclosure of corporate ESG information. *Accounting. Analysis. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2024;11(1):39-49. (In Russ.).

15. Anisimova EV. Audit of non-financial reporting in the focus of sustainable development of Russian companies. *Issledovanie problem ekonomiki i finansov*. 2023;4. DOI 10.31279/2782-6414-2023-4-4. (In Russ.).

Информация об авторе

Ж. М. Корзоватых — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, аудита и налогообложения.

Information about the author

Zh. M. Korzovatykh — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Accounting, Audit and Taxation.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 27.11.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 004.89:65.012.4

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-57-66

ЦИФРОВОЙ МОНИТОРИНГ АВТОПАРКА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ

Максим Владиславович Власов¹, Артем Андреевич Сидоров^{2✉}

¹ Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, mvlassov@mail.ru, 0000-0002-3763-327X, Researcher ID: K-5206-2017

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, sidorovich1986@mail.ru

Аннотация. Цифровизация становится важным трендом в логистике, обеспечивая прозрачность процессов и определяя эффективность управления бизнесом. Вместе с тем цифровые продукты обычно разрабатывают для крупных компаний, принимая за константу масштабность и объем, и они редко подходят для малых предприятий, играющих ключевую роль в цепи поставок «на последнем километре». Целью данной статьи является описание концептуальной основы и представление практической модели, разработанной на ее базе, которая позволяет повысить эффективность мониторинга автопарка, оптимизировать маршруты, улучшить управление запасами с учетом потребностей малого бизнеса. Методологической рамкой исследования выступает концепция цифрового управления, которая, применительно к автотранспортным предприятиям, открывает возможности создания логистических систем для управления потоковыми процессами на основе технологии IoT, анализ данных в реальном времени и автоматизированных решений. Научная ценность статьи заключается в ее вкладе в теоретическое и практическое обоснование подходов к использованию цифровых технологий в управлении автопарками, концептуализации процесса их цифрового мониторинга. Основным практическим результатом работы является модель цифрового мониторинга автопарка, которая в данный момент проходит апробацию в автотранспортной компании ООО «ТахоГрупп» (Екатеринбург) и может быть использована в управлении малыми и средними предприятиями.

Ключевые слова: логистика, управление предприятием, малый бизнес, транспортная компания, цифровизация

Для цитирования: Власов М. В., Сидоров А. А. Цифровой мониторинг автопарка: концептуализация и разработка модели // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 57–66. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-57-66.

Original article

DIGITAL TRANSPORT COMPANY MONITORING: CONCEPTUALIZATION AND MODEL DEVELOPMENT

Maksim V. Vlasov¹, Artem A. Sidorov^{2✉}

¹ Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, mvlassov@mail.ru, 0000-0002-3763-327X, Researcher ID: K5206-2017

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, sidorovich1986@mail.ru

Abstract. Digitalization is becoming an important trend in logistics, ensuring process transparency and determining the efficiency of business management. At the same time, digital products are usually developed for large companies, taking scale and volume as a constant, and are rarely suitable for small businesses that play a key role in the supply chain “at the last kilometer”. The purpose of this article is to describe the conceptual framework and present a practical model developed on its basis, which allows to increase the efficiency of fleet monitoring, optimize routes, improve inventory management taking into account the needs of small businesses. The methodological framework of the study is the concept of digital management, which, when applied to motor transport enterprises, opens up

opportunities for creating logistics systems for managing flow processes based on IoT technology, real-time data analysis and automated solutions. The main practical result of the work is a model of digital fleet monitoring, which is currently being tested in the motor transport company OOO TakhoGroup (Yekaterinburg) and can be used in the management of small and medium enterprises.

Keywords: logistics, enterprise management, small business, transport company, digitalization

For citation: Vlasov MV, Sidorov AA. Digital Transport Company Monitoring: Conceptualization and Model Development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):57-66. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-57-66.

Введение

Развитие цифровых технологий радикально изменяет экономические процессы во многих отраслях, и логистика не является исключением. Для малого бизнеса, который играет ключевую роль в российской экономике, эффективная логистика и перевозка грузов являются критическими факторами конкурентоспособности [1–3]. Однако традиционные методы управления цепочками поставок, планированием маршрутов и взаимодействием с транспортными компаниями зачастую оказываются неэффективными для небольших предприятий из-за высокой стоимости и сложности. Цифровые сервисы, обеспечивающие автоматизацию и оптимизацию логистических процессов, становятся не только необходимостью, но и стратегическим инструментом для малого бизнеса в России.

Россия, с ее протяженной территорией и разнообразной инфраструктурой, представляет собой уникальную среду для логистики. Малый бизнес сталкивается с дополнительными вызовами, среди которых особый вес имеют нехватка качественной транспортной инфраструктуры в отдаленных регионах, длительные расстояния и сложные погодные условия, что увеличивает затраты на транспорт и время доставки, а также нестабильные экономические условия. Цифровые сервисы могут существенно смягчить эти проблемы за счёт их адаптивности и гибкости [4; 5]. В частности, использование инструментов цифрового мониторинга позволяет оптимально распределять ресурсы, выбирать наиболее эффективные маршруты и своевременно реагировать на изменения внешней среды.

Цифровой мониторинг автопарка становится ключевым компонентом современных логистических и транспортных систем, способствуя повышению эффективности управления, снижению эксплуатационных затрат и улучшению безопасности транспортных средств. В мировой практике существует несколько сервисов для мониторинга автопарка, однако большинство из них не пользуются популярностью в нашей стране. Это связано

как со стоимостью пакетов, так и с необходимыми компетенциями его использования. В данной статье предлагается модель цифрового мониторинга автопарка, которая интегрирует необходимые показатели для оценки состояния автопарка и контроля основных процессов на базе программы 1С, обеспечивая комплексное управление автопарком. Модель направлена на улучшение контроля состояния транспортных средств, управления маршрутами и оптимизации затрат на техническое обслуживание. Важным преимуществом нашей модели является невысокая стоимость и простота, что дает возможность ее использования без специальных знаний в области IT.

Актуальные вызовы для малого логистического бизнеса в России

Логистические компании в России развиваются сегодня в условиях крайней нестабильности, что осложняет их деятельность и угрожает конкурентоспособности. Одной из ключевых проблем является экономическая ситуация, связанная с внешнеполитической обстановкой и санкциями. Рост цен на топливо, оборудование, транспорт и услуги увеличивает себестоимость перевозок и других логистических операций [6]. Санкции ограничили доступ к современным технологиям и запасным частям для транспорта, что вынуждает компании работать в условиях дефицита ресурсов и сложностей с техобслуживанием. Эта проблема усугубляется признаками кадрового дефицита на рынке труда [7]. Кроме того, российское законодательство в области транспорта и логистики достаточно сложное и обременительное, особенно в части налогового исполнения. Малые предприятия сталкиваются с административными барьерами в виде лицензий, проверок, требований по экологии и безопасности, что увеличивает затраты времени и ресурсов на соответствие всем нормам. Малые логистические компании испытывают сложности с доступом к кредитам и инвестициям, которые необходимы для развития бизнеса [8]. Банки предпочитают работать с более крупными клиентами, так как оценивают их как менее ри-

сковых. В результате малые компании не могут расширять свой автопарк, модернизировать оборудование или внедрять новые технологии.

В этих условиях малому бизнесу приходится конкурировать с крупными компаниями, располагающими масштабной инфраструктурой и доступом к большим финансовым ресурсам и предлагающими более низкие цены за счет объема операций [9]. Инновации в логистике, которые могли бы повысить эффективность управления и снизить влияние человеческого фактора на операционные процессы, такие как автоматизация складов, использование IT-платформ для управления цепями поставок, мониторинг транспорта в реальном времени, требуют значительных инвестиций. Для малых компаний такие расходы часто непосильны, что приводит к технологическому отставанию, снижает их эффективность и увеличивает время выполнения заказов, что негативно сказывается на конкурентоспособности.

Традиционные методы планирования и контроля маршрутов и взаимодействия с транспортными операторами требуют значительных трудозатрат. Малый бизнес часто полагается на устаревшие методы организации перевозок, включая телефонные звонки и ручные расчеты, что увеличивает риск ошибок и приводит к задержкам в доставке. В отличие от крупных корпораций, малые предприятия не имеют возможности использования сложных ERP-систем или систем управления транспортом (TMS), которые могли бы автоматизировать и оптимизировать логистические процессы. Это создает дополнительное бремя, так как приходится полагаться на индивидуальные решения и ад-хок практики¹, что снижает общую эффективность. Для преодоления этих проблем малым логистическим компаниям необходимо активно адаптироваться к изменениям и внедрять инновации: кооперацию с другими компаниями для создания сетевых решений, использование доступных цифровых инструментов для оптимизации работы, а также развитие нишевых услуг, в которых крупные игроки могут не быть столь эффективными.

Использование цифровых логистических платформ и агрегаторов позволило бы малым предпри-

¹ Ад хок — (ad hoc — с этой целью, для этой цели) латинский термин, употребляемый в международном праве в отношении органов, создаваемых для выполнения определённых (обычно временных) функций. В данном случае мы имеем в виду интуитивные практики управления, осуществляемые в ручном режиме без осмысленной стратегии развития.

ятиям избежать зависимостей от отдельных операторов и сократить расходы на перевозку. Доступ к системам трекинга, которые дают возможность отслеживать местоположение грузов в реальном времени и сокращают вероятность потерянных или задержанных грузов, предоставляет важную информацию о состоянии транспорта и могут предсказывать возможные задержки или проблемы.

Важно, что цифровые решения могут автоматизировать планирование маршрутов и оптимизировать логистические операции, контролировать работу водителей. Это необходимо для сокращения времени доставки, снижения затрат на топливо и более эффективного использования транспортных ресурсов. Оптимизация маршрутов особенно важна в условиях нестабильной транспортной инфраструктуры и сложной географии России. Одним из ключевых преимуществ цифровых сервисов является возможность использования данных для анализа и прогнозирования логистических потребностей. Системы на основе данных могут помочь малым предприятиям прогнозировать спрос на транспортные услуги, предотвращать перегрузку складов и оптимизировать объемы заказов. Это снижает риск излишних или дефицитных поставок, улучшая общую рентабельность бизнеса.

Обзор существующих цифровых инструментов для мониторинга автопарка

Разработка моделей цифрового мониторинга, которая может быть использована для управления транспортными средствами в режиме реального времени, является актуальной научно-исследовательской задачей, что отражено в международном дискурсе [10; 11]. Профильные исследования охватывают широкий спектр тем, включая управление автопарками, информационные технологии и программное обеспечение, экономическую эффективность и устойчивое развитие [12–14]. Существует несколько цифровых инструментов для мониторинга автопарка, которые помогают компаниям управлять своими транспортными средствами, оптимизировать расходы и повышать безопасность. Эти системы включают телематику, трекинг в реальном времени, управление техобслуживанием, анализ данных и многое другое. Проанализируем некоторые из платформ (табл. 1).

Таким образом, большинство цифровых решений целесообразны лишь в масштабах крупного бизнеса. Российские технологии единичны и имеют значимый недостаток — облачную систему хранения, когда доступ к архивам прекращается вместе с подпиской. Кроме того, на практике

Цифровые инструменты в логистике
Digital tools in logistics

Название	Описание	Функции	Особенности
Wialon	Одна из ведущих платформ для мониторинга автопарков, работающая в более чем 150 странах.	Трекинг в реальном времени, анализ маршрутов, контроль за расходом топлива, управление водителями и автомобилями, геозоны, отчеты по эксплуатации автопарка.	Обширные аналитические функции, гибкая настройка, интеграция с другими системами.
Frotcom	Модульная система управления автопарком, которая предлагает решения для компаний всех размеров.	GPS-трекинг, мониторинг расхода топлива, управление поездками и маршрутами, контроль за состоянием автомобилей, отчеты и аналитика.	Сильный акцент на улучшение эффективности работы водителей и экономии ресурсов.
Geotab	Канадская компания, предлагающая решения для мониторинга автопарка на основе телематики.	Отслеживание транспортных средств в реальном времени, анализ данных о поведении водителей, диагностика состояния автомобиля, анализ топлива и отчеты по безопасности.	Мощные аналитические инструменты для оценки эффективности автопарка и прогнозирования технического обслуживания.
Samsara	Платформа управления автопарком с возможностью интеграции с другими бизнес-системами.	GPS-трекинг, анализ маршрутов, управление топливом, цифровые журналы водителей, видеомониторинг для повышения безопасности, аналитика в реальном времени.	Возможности видеонаблюдения в транспорте для повышения безопасности водителей.
KeepTruckin	Платформа управления автопарком, ориентированная на трекинг, управление водителями и соответствие стандартам безопасности.	Трекинг в реальном времени, ELD (электронные журналы водителей), управление маршрутами, отчетность по безопасности и производительности.	Популярна в США и Канаде из-за интеграции с местными стандартами ELD (электронные логики водителей).
Verizon Connect	Программа, разработанная одним из крупнейших провайдеров телекоммуникационных услуг — Verizon.	GPS-трекинг, анализ поведения водителей, контроль за состоянием транспортных средств, прогнозирование техобслуживания, мониторинг в реальном времени.	Интеграция с другими услугами Verizon и мощная аналитика для крупных автопарков.
Quartix	Простая в использовании система мониторинга автопарков, ориентированная на малый и средний бизнес.	GPS-трекинг, анализ маршрутов и поездок, отчеты по расходу топлива, мониторинг скорости и стиля вождения.	Доступные решения с акцентом на удобство использования и минимальные настройки.
Fleet Complete	Глобальная платформа для мониторинга автопарков, которая также поддерживает управление мобильными сотрудниками.	Трекинг в реальном времени, мониторинг эффективности транспортных средств, анализ топлива, управление техническим обслуживанием.	Интеграция с мобильными устройствами для управления персоналом в полевых условиях.
Omnitracs	Платформа управления автопарком, которая предлагает решения для транспортных компаний всех масштабов.	GPS-трекинг, электронные журналы водителей, анализ безопасности и производительности водителей, отчеты по топливу и эффективности.	Поддержка крупномасштабных автопарков с большим количеством транспорта.
Teletrac Navman	Одна из ведущих платформ для мониторинга автопарков, ориентированная на крупные предприятия.	Трекинг в реальном времени, управление расходами на топливо, техническое обслуживание, управление водителями, анализ данных по безопасности и производительности.	Сильные функции анализа данных и гибкость для крупных автопарков.
Умная логистика	Российский облачный программный комплекс управления логистикой для грузовладельцев, экспедиторов, перевозчиков.	Создание заявок, управление взаиморасчетами с контрагентами, блок HR и расчет зарплаты, онлайн-мониторинг местоположения груза.	Сервис упорядочивает учет и взаимодействие заказчиков и исполнителей логистических услуг с помощью сервисов умная логистика транс и умная логистика карго.

Источник: составлено авторами на основе анализа литературы (см. Список литературы).

некоторые опции предлагаемых систем не используются, тогда как другие важные функции отсутствуют. Это наблюдение подтолкнуло нас к идее разработки собственной мониторинговой системы, адекватной нуждам компании (модель разрабатывалась с учетом требований ООО «ТахоГрупп», Екатеринбург).

Модель мониторинга автопарка, адаптированная к условиям российского малого бизнеса

Для создания данной модели был проведен анализ актуальной научной и практической литературы, изучены популярные аналоги. Кроме того, мы опирались на собственные данные, собранные на предыдущих этапах работы (в частности, изучение опыта использования цифровых продуктов в малом логистическом бизнесе предпринимателей Свердловской области [15]). Мы пришли к выводу, что передовые технологии почти не применяются малыми компаниями в связи с их технологической сложностью, высокой стоимостью и необходимостью перестраивать процессы, часто осуществляемые в компаниях в ручном режиме. В качестве альтернативы мы разработали собственную модель, которая может быть реализована на базе ИС. Модель включает в себя необходимые и достаточные опции для решения задач малых автотранспортных предприятий и при этом легко может встроиться в существующие процессы за счет привычного интерфейса, который не требует дополнительных усилий и ресурсов на переобучение персонала.

Цифровая платформа для мониторинга автопарка — это комплексная система, объединяющая различные цифровые технологии для обеспечения полного контроля и управления транспортными средствами. Основная задача такой платформы — оптимизация логистических процессов, повышение безопасности и сокращение операционных затрат за счет сбора и анализа данных о состоянии автопарка в режиме реального времени. В качестве базового концепта мы используем принципы цифрового управления, которые, применительно к автотранспортным предприятиям, открывают возможности создания логистических систем для управления потоковыми процессами на основе технологии IoT, анализ данных в реальном времени и автоматизированных решений. Рассмотрим предложенную идею в разрезе ее концепции (рис. 1), инфраструктурных потребностей (рис. 2) и практической модели.

Концептуальная основа модели цифрового мониторинга автопарка строится на многослойной структуре, которая включает инфраструктурный, коммуникационный, аналитический, уровень обработки данных, принятия решений и управления. Эти уровни функционируют как взаимосвязанные элементы единой системы, обеспечивающей комплексный подход к управлению логистическими процессами.

На инфраструктурном уровне (рис. 2) сосредоточены физические компоненты, такие как датчики, GPS-трекеры и сети IoT-устройств, которые собирают первичные данные о транспортных

Рис. 1. Концептуальная основа модели цифрового мониторинга

Fig. 1. The conceptual basis of the digital monitoring model

Источник: составлено авторами

Рис. 2. Инфраструктурный уровень модели цифрового мониторинга
 Fig. 2. Infrastructure level of the digital monitoring model

Источник: составлено авторами

средствах и их состоянии. Этот уровень является основой всей системы, создавая платформу для точного и непрерывного сбора информации. Практическая значимость инфраструктурного уровня модели цифрового мониторинга заключается в создании базы для эффективного сбора, передачи и первичной обработки данных о состоянии и функционировании объектов управления, таких как транспортные средства автопарка. Инфраструктурный уровень позволяет собирать объективные данные о местоположении, скорости, топливopотреблении, состоянии оборудования и других ключевых параметрах транспортных средств. Это минимизирует человеческий фактор и исключает ошибки, которые могут возникнуть при ручном вводе данных. Благодаря оснащению транспорта сенсорами и системами мониторинга, появляется возможность раннего выявления технических неисправностей и предотвращения аварий. Например, датчики температуры двигателя или уровня масла сигнализируют о необходимости технического обслуживания до возникновения серьезных проблем. Современные инфраструктурные решения, такие как IoT-устройства, позволяют масштабировать систему в зависимости от размера автопарка и изменяющихся потребностей бизнеса, что делает её долгосрочным вложением. Собранные данные становятся входными параметрами для следующих уровней модели. Без надежной инфраструктуры качественный анализ, прогнозирование и автоматизация процессов невозможны.

Передача собранных данных происходит через коммуникационный уровень, который обеспечивает надежность и скорость обмена информацией с помощью мобильных сетей, спутниковой связи и других технологий. Он играет ключевую роль в объединении инфраструктуры с уровнями анализа и управления.

Обработка данных включает фильтрацию, структурирование и первичный анализ, превращая необработанные данные в полезную информацию. Этот этап подготавливает данные для аналитического уровня, где применяются методы машинного обучения и прогнозирования для выявления закономерностей, определения проблемных зон и оптимизации процессов. Аналитический уровень создает ценность данных, позволяя выявлять возможности повышения эффективности автопарка.

Уровень принятия решений предоставляет пользователям доступ к структурированной информации через дашборды, отчеты и уведомления, обеспечивая поддержку в выборе оптимальных действий. Последний уровень, управление, направлен на реализацию решений, автоматизацию процессов и непосредственное управление транспортными средствами, повышая оперативность и точность управления.

Такая многослойная концепция важна для управления логистикой, так как она обеспечивает прозрачность, оперативность и точность на всех этапах эксплуатации автопарка. Благодаря интеграции всех уровней, система позволяет мини-

мизировать издержки, прогнозировать проблемы и внедрять улучшения в режиме реального времени. Она адаптируется к меняющимся требованиям и масштабируется в зависимости от роста объемов данных, что делает её особенно ценной в условиях глобальных логистических операций.

Практическая модель цифрового мониторинга автопарка может включать в себя четыре модуля: Логистика, Бухгалтерия, Автопарк и сводная аналитика. Модуль «Логистика» включает в себя ключевые итерации по процессу грузоперевозок и расчетов. В данном модуле отображаются следующие данные: дата погрузки, дата разгрузки, маршрут, километраж по маршруту, количество точек разгрузки, затраченный ГСМ на маршрут. Оплата водителям формируется по формуле: километраж по маршруту, умноженный на цену одного километра, плюс количество точек обслуживания по маршруту, умноженное на цену одной точки. По итогам каждой поездки мы видим ее рентабельность в % соотношении. Так же данный модуль позволяет формировать отчеты рентабельности как по каждому автомобилю, так и по всему парку, отдельному водителю или клиенту.

Модуль «Бухгалтерия» автоматически рассчитывает зарплату водителя, основываясь на данных из модуля Логистика. Так же блок бухгалтерия следит за списанием ГСМ, согласно нормативам расхода топлива.

Модуль «Автопарк» включает в себя: данные о ремонте, техническом обслуживании, и запчастях, которые списываются на автомобиль, затраты на работу сервиса. В модуль заносятся также сведения датчиков состояния и телематических устройств. По итогам месяца мы видим какой автомобиль ломается чаще, выясняем причину и принимаем управленческое решение (стиль работы водителя, износ автомобиля и т.д).

Сводная аналитика позволяет интегрировать в единый отчет данные из разных модулей.

Ключевые преимущества данной модели заключаются в прозрачности процессов и возможности их контроля в реальном времени, что позволяет оперативно реагировать на отклонения, аварии или изменения в маршрутах. Очевидным следствием этого является оптимизация маршрутов, своевременное планирование технического обслуживания и контроль за расходом топлива, а значит, снижение операционных расходов. Учитывая сложность погодных условий и качество дорожной инфраструктуры, системы мониторинга поведения водителей, камеры и датчики,

а также сама психологическая настройка на безопасное вождение, обеспечивают контроль за соблюдением правил дорожного движения и помогают предотвратить аварии. Важно также, что использование цифровой платформы автоматизирует рутинные процессы — от управления маршрутами до технического обслуживания, освобождая время для более стратегических задач. Быстрый доступ к данным о местоположении грузов, сроках доставки и текущем состоянии автопарка повышает точность выполнения заказов и улучшает уровень обслуживания клиентов.

Заключение

Статья представляет собой вклад в развитие интеллектуальных транспортных систем и предлагает перспективные решения для повышения конкурентоспособности и устойчивости транспортной отрасли в условиях цифровой экономики, а также способствует расширению теоретических представлений об особенностях разработки цифровых двойников в промышленности. Предложенная модель мониторинга автопарка включает несколько ключевых компонентов, которые взаимосвязаны между собой и обеспечивают комплексный подход к управлению автопарком: уровень сбора данных, коммуникационный уровень, уровень хранения и обработки данных, аналитический уровень и уровень принятия решений и управления. Каждый уровень реализуется в трех модулях: логистика, бухгалтерия, автопарк, что позволяет охватить все основные процессы компании. Предполагается, что данные всех модулей могут быть интегрированы в сводный отчет — основной управленческий инструмент, который показывает эффективность использования того или иного транспортного средства с учетом стоимости его обслуживания и прибыли от поездок. Кроме того, на основе ретроспективных данных можно строить модели для прогнозирования поломок, расчета остаточного ресурса компонентов транспортных средств или выявления опасного поведения водителей. Финальный этап модели заключается в принятии решений на основе результатов анализа данных. Автоматические системы управления могут предложить оптимальные действия для улучшения эксплуатации автопарка, такие как планирование маршрутов, назначение техобслуживания или перераспределение ресурсов.

Модель цифровой платформы для мониторинга автопарка логистической компании — это высокотехнологичное решение, которое интегрирует

передовые технологии IoT, AI и автоматические вычисления для повышения эффективности логистики и управления автопарком. Она позволяет компаниям более эффективно использовать транспортные ресурсы, снижать затраты, улучшать безопасность и повышать конкурентоспособность. Модель цифрового мониторинга автопарка представляет собой эффективное решение для управления транспортными активами в условиях цифровой трансформации. Использование

IoT, анализа данных в реальном времени и ИИ позволяет не только снизить затраты на эксплуатацию автопарка, но и повысить безопасность, улучшить контроль за состоянием транспортных средств и оптимизировать их использование. Дальнейшие исследования могут быть направлены на совершенствование алгоритмов прогнозирования поломок и разработку адаптивных систем управления автопарком.

Список источников

1. Атрохов Н. А., Тураева О. П. Цифровизация грузовых автомобильных перевозок // Евразийское научное объединение. 2019. № 7-1 (53). С. 29–32.
2. Давыдова О. А., Лазарева Н. А., Фурсова Е. А. Цифровая среда экономики транспорта: от смарт-контрактов до беспилотных логистических коридоров // Финансовая экономика. 2022. № 4. С. 105–109.
3. Власов А. В., Чеботарев В. Е. Блокчейн как технология обеспечения цифровой трансформации транспорта: экономико-правовые аспекты // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). С. 66–72.
4. Абдюшева Д. Р., Меренков А. О., Степанов А. А. Условия построения маркетинговой системы «цифрового» транспорта и логистики в управлении конкурентоспособностью // Управление. 2018. Т. 6, № 3. С. 60–65.
5. Куприяновский В. П., Дунаев О. Н., Федорова Н. О., Намиот Д. Е., Куприяновская Ю. В. Интеллектуальная мобильность в цифровой экономике // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5, № 2. С. 46–63.
6. Гулый И. М., Бадецкий А. П., Ковалев К. Е. Методологические аспекты оценки цифровой трансформации транспортно-логистических систем // Russian Journal of Logistics & Transport Management. 2019. Т. 4, № 2. С. 48–56.
7. Тягунов А. М. Цифровая трансформация в сфере транспорта // Наука и технологии железных дорог. 2021. Т. 5, № 2 (18). С. 13–21.
8. Власов М. В. Цифровая экономика как основное направление повышения уровня экономической безопасности региона (на примере субъектов Центрального федерального округа РФ) // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2020. Т. 15, № 2. С. 271–287. doi: 10.17072/1994-9960-2020-2-271-287
9. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок: аналитический обзор / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев, Н. Н. Лычкина и др.; под общ. и науч. ред. В. И. Сергеева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 190 с
10. Chen H., Zhao K., Zhang Z., Zhang H. Lu L. Evaluating Transit-Oriented Development Performance: An Integrated Approach Using Multisource Big Data and Interpretable Machine Learning // Journal of Advanced Transportation. 2024. 7450495. <https://doi.org/10.1155/atr/7450495>
11. Crainic G., Florian M. Optimization Models for Transportation Systems Planning // In Applications of Combinatorial Optimization, V. Th. Paschos (Ed.). 2013. <https://doi.org/10.1002/9781118600283.ch6>
12. Huang R., Grigolon A., Madureira M., Brussel M. Measuring Transit-Oriented Development (TOD) Network Complementarity Based on TOD Node Typology // Journal of Transport and Land Use. 2018. Vol. 11, no. 1. P. 305–324. <https://doi.org/10.5198/jtlu.2018.1110>.
13. Le-Anh T., De Koster R.). A Review of Design and Control of Automated Guided Vehicle Systems // European Journal of Operational Research. 2006. Vol. 171, no. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2005.01.036>.
14. Sricharan R., Karthikeyan E., Kaamesh K., Gnana Swathika O. V., Berlin Hency V. IoT-Based Vehicle Monitoring System // IoT and Analytics in Renewable Energy Systems (Vol. 2). 2023. P. 148–216
15. Сидоров А. А. Анализ перспектив внедрения цифровых технологии в логистике (на примере малого бизнеса свердловской области) // Весенние дни науки : сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2023. С. 694–696.

References

1. Atrokhov NA, Turaeva OP. Digitalization of road freight transportation. *Evrasijskoe Nauchnoe Ob`edinenie = Eurasian Scientific Association*. 2019;7-1(53):29-32. (In Russ.).
2. Davydova OA, Lazareva NA, Fursova EA. Digital environment of the transport economy: from smart contracts to unmanned logistics corridors. *Finansovaya e`konomika = Financial Economics*. 2022;(4):105-109. (In Russ.).
3. Vlasov AV, Chebotarev VE. Blockchain as a technology for ensuring the digital transformation of transport: economic and legal aspects. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2019;2(55):66-72. (In Russ.).
4. Abdyusheva DR, Merenkov AO, Stepanov AA. Conditions for building a marketing system of “digital” transport and logistics in competitiveness management. *Upravlenie = Management*. 2018;6(3):60-65. (In Russ.).
5. Kupriyanovsky VP, Dunaev ON, Fedorova NO, Namiot DE, Kupriyanovskaya Yu V. Intelligent mobility in the digital economy. *International Journal of Open Information Technologies = International Journal of Open Information Technologies*. 2017;5(2):46-63. (In Russ.).
6. Gulyy IM, Badetsky AP, Kovalev KE. Methodological aspects of assessing the digital transformation of transport and logistics systems. *Russian Journal of Logistics & Transport Management*. 2019;4(2):48-56. (In Russ.).
7. Tyagunov AM. Digital transformation in the field of transport. *Nauka i texnologii zhelezny`x dorog = Science and technology of railways*. 2021;5(18):13-21. (In Russ.).
8. Vlasov MV. Digital economy as the main direction for increasing the level of economic security of the region (on the example of the subjects of the Central Federal District of the Russian Federation). *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. E`konomika = Bulletin of Perm University. Series “Economics”*. 2020;15(2):271-287. (In Russ.).
9. Digital technologies in logistics and supply chain management: an analytical review. Dybskaya VV, Sergeev VI, Lychkina NN, et al.; under the general and scientific editorship of VI Sergeev. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics; 2020. (In Russ.).
10. Chen H, Zhao K, Zhang Z, Zhang H, Lu L. Evaluating Transit-Oriented Development Performance: An Integrated Approach Using Multisource Big Data and Interpretable Machine Learning. *J Adv Transp*. 2024;7450495. doi:10.1155/atp/7450495.
11. Crainic G, Florian M. Optimization Models for Transportation Systems Planning. In *Applications of Combinatorial Optimization*, V. Th. Paschos (Ed.). 2013. doi:10.1002/9781118600283.ch6.
12. Huang R, Grigolon A, Madureira M, Brussel M. Measuring Transit-Oriented Development (TOD) Network Complementarity Based on TOD Node Typology. *J Transp Land Use*. 2018;11(1):305-324. doi:10.5198/jtlu.2018.1110.
13. Le-Anh T, De Koster R. A Review of Design and Control of Automated Guided Vehicle Systems. *Eur J Oper Res*. 2006;171(1):1-23. doi:10.1016/j.ejor.2005.01.036.
14. Sricharan R, Karthikeyan E, Kaamesh K, Gnana Swathika OV, Berlin Hency V. IoT-Based Vehicle Monitoring System. In: *IoT and Analytics in Renewable Energy Systems (Volume 2)*. 2023;148-216.
15. Sidorov AA. Analysis of the prospects for the implementation of digital technology in logistics (on the example of small businesses in the Sverdlovsk region). In: *Spring Days of Science. Collection of reports of the international conference of students and young scientists*. Yekaterinburg; 2023. Pp. 694–696. (In Russ.).

Информация об авторах

М. В. Власов — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра экономической теории.

А. А. Сидоров — магистрант Института экономики и управления.

Information about the authors

M. V. Vlasov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Center for Economic Theory.

A. A. Sidorov — Master’s Student of the Institute of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 658.14/17

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-67-74

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Роман Олегович Малиновский^{1✉}, Александр Юрьевич Анисимов²

¹ Университет «Синергия», Москва, Россия, rmalinovsky88@inbox.ru, 0000-0002-1049-8717

² Университет «Синергия», Москва, Россия, anisimov_au@mail.ru, 0000-0002-8113-4523

Аннотация. Система антикризисного управления должна обеспечивать предприятию высокий уровень устойчивости в кризисной ситуации. Значительные изменения внешней среды предприятий пищевой промышленности требуют разработки новых методических подходов, которые позволяют учитывать стадию жизненного цикла при разработке антикризисной стратегии предприятия. Целью исследования является разработка результативного методического подхода к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности, который учитывает фазу жизненного цикла предприятия и вид кризиса, вызывающего необходимость использования антикризисных мер. Методами исследования выступают: компаративный анализ, бенчмаркинг, PEST-анализ, матричный метод. Результатом исследования является апробированный методический подход к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности. Авторы делают вывод, что эффективный методический подход к совершенствованию системы антикризисного управления может быть построен на основе матрицы механизмов антикризисного управления.

Ключевые слова: антикризисное управление, предприятие пищевой промышленности, реализация антикризисной стратегии, методический подход, жизненный цикл предприятия, кризис, виды кризисов

Для цитирования: Малиновский Р. О., Анисимов А. Ю. Формирование методического подхода к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 67–74. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-67-74.

Original article

FORMATION OF A METHODOLOGICAL APPROACH TO IMPROVING THE ANTI-CRISIS MANAGEMENT SYSTEM OF FOOD INDUSTRY ENTERPRISES

Roman O. Malinovsky^{1✉}, Alexander Yu. Anisimov²

¹ Synergy University, Moscow, Russia, rmalinovsky88@inbox.ru, 0000-0002-1049-8717

² Synergy University, Moscow, Russia, anisimov_au@mail.ru, 0000-0002-8113-4523

Abstract. The anti-crisis management system should provide the company with a high level of stability in a crisis situation. Significant changes in the external environment of food industry enterprises require the development of new methodological approaches that allow taking into account the stage of the life cycle when developing an anti-crisis strategy of an enterprise. The purpose of the study is to develop an effective methodological approach to improving the anti-crisis management system of food industry enterprises, which takes into account the phase of the enterprise's life cycle and the type of crisis that causes the need to use anti-crisis measures. The research methods are: comparative analysis, benchmarking, matrix method. The result of the study is an approved methodological approach to improving the anti-crisis management system of food industry enterprises. The authors conclude that an effective methodological approach to improving the crisis management system can be built on the basis of a matrix of crisis management mechanisms.

Keywords: anti-crisis management, food industry enterprise, anti-crisis strategy implementation, methodological approach, enterprise life cycle, crisis, types of crises

For citation: Malinovsky RO, Anisimov AYU. Formation of a Methodological Approach to Improving the Anti-Crisis Management System of Food Industry Enterprises. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):67-74. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-67-74.

Введение

Кризис, вызванный пандемией коронавируса Covid-19 [8; 10], а затем новые кризисы, связанные с увеличением геополитической напряженности, усилили негативные процессы и факторы, влияющие на российские предприятия пищевой промышленности на протяжении 2020–2022 гг. В целом исследования показывают, что отрасли, связанные с производством пищевых продуктов, быстрее других справились с последствиями кризиса и даже нашла точки роста, например, в рамках политики импортозамещения. Однако определяющим фактором для каждого конкретного предприятия в отрасли стала индивидуальная антикризисная стратегия, позволяющая учесть все негативные факторы пандемии и новых вызовов, связанных с антироссийскими санкциями и усложнением геополитической обстановки в 2022 г. Используемые предприятиями пищевой промышленности системы антикризисного управления достаточно разнообразны и базируются на современных приемах и принципах антикризисного управления. Однако вопросы, связанные с разработкой методических подходов к совершенствованию систем антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности, остаются актуальными. Это обусловливается полной перестройкой социально-экономических процессов, вызванной глобальными изменениями мировой экономической системы [12; 14]. При этом зарубежные компании используют схожие приемы выхода из кризиса и их опыт может быть адаптирован для российской практики, особенно интересен опыт Польши и Таиланда. Таким образом, постепенно были выявлены проблемы устаревания существующих методических подходов, которые направлены на совершенствование систем антикризисного управления предприятиями поэтому в данный момент требуется проведение научно-практических исследований, которые позволят снять дискуссионные вопросы в этой сфере, что делает выбранную тему актуальной. Целью исследования является разработка результативного методического подхода к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности, который учитывает фазу жизненного цикла предприятия и вид кризиса, вызывающего необходимость использования антикризисных мер. Задачами исследования выступают: изучить движущие силы в пищевой

промышленности России, оценить существующие методики совершенствования систем антикризисного управления, разработать матрицу механизмов антикризисного управления.

Методы исследования

Исследование проводилось при помощи таких общенаучных методов, как компаративный анализ, который был применен для выявления общих тенденций в разработке методических подходов к совершенствованию системы антикризисной стратегии. Бенчмаркинг был использован для оценки лучших практик совершенствования систем антикризисного управления в отрасли. Для оценки социальных и технологических аспектов, влияющих на российскую пищевую промышленность, был проведен опрос среди представителей предприятий пищевой промышленности. По данным Росстата в 2024 г. в России действует 91 предприятие пищевой промышленности [18]. Опрос был проведен среди 9 предприятий (10%). Респондентам было предложено выделить факторы социального и технологического характера, оказывающие сильное воздействие на пищевую промышленность в среднесрочной перспективе. Опрос был реализован по электронной почте. PEST-анализ был применен для выявления движущих сил в пищевой промышленности. Матричный подход был использован для формирования матрицы механизмов антикризисного управления, учитывающую стадию жизненного цикла.

Обзор литературы

Проблемы совершенствования системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности, в особенности, их методические аспекты являются центральными темами исследований множества ученых, как российских, так и зарубежных. Если выделять отечественные работы по данной тематике, то особого внимания заслуживают труды следующих авторов: А. А. Байгуловой [3], А. А. Бояркиной [3], С. Е. Кована [2], В. А. Степановой [3], А. Н. Ряховской [2] и др. Главной мысль, объединяющей работы данных авторов является формирование системы показателей для оценки уровня антикризисного управления предприятий. Авторский коллектив А. А. Байгулова, А. А. Бояркина, В. А. Степанова в своих работах исследуют подходы к антикризисному управлению предприятием, с точки зре-

ния их достоинств и недостатков. Авторы делают вывод, что необходимо унифицировать систему показателей для оценки уровня антикризисного управления предприятий. По мнению А. Н. Ряховской и С. Е. Кована, антикризисное управление является основой формирования механизма устойчивого развития бизнеса, поскольку позволяет, как разработать меры преодоления кризиса, так и способы его предотвращения. Авторы делают вывод, что системы антикризисного управления предприятиями должны постоянно совершенствоваться и адаптироваться к отраслевым аспектам.

Изучая зарубежных авторов, которые обращались к проблемам методического обеспечения антикризисного управления, можно выделить работы: J. Juergensen [10], J. Guimón [10], M. Kavalić [11], R. Narula [10], M. Nikolić [11], S. Stanisavljev [11] и др. Указанные авторы делают акцент на кризисных ситуациях и применимости тех или иных систем антикризисного управления в этих ситуациях. M. Kavalić, M. Nikolić S. и Stanisavljev рассматривают проблемы антикризисного управления с точки зрения формирования такой системы финансовых показателей, которые позволяли бы оценить приближение банкротства для предприятий в странах с переходной экономикой. Авторы делают вывод, что общая макроэкономическая ситуация оказывает влияние на выбор конкретных показателей для финансовой оценки. Авторы J. Juergensen и R. Narula изучают последствия кризиса, вызванного пандемией коронавируса и ответные меры политики предприятий пищевой промышленности. Авторы делают вывод, что в целом европейские предприятия пищевой промышленности не были готовы к глобальному кризису из-за явных недостатков системы антикризисного управления.

Стратегические аспекты антикризисного управления, раскрывающие методы матричного анализа для целей риск-менеджмента показаны в работах таких авторов как: Е. А. Буранова [4], Е. П. Грабская [1], Н. А. Долганова [5], Н. М. Таганова [5] и др. По мнению Е. П. Грабской, многие проблемы антикризисного управления необходимо решать на стратегическом уровне. Данный автор указывает на некоторые аспекты применения матричного анализа для целей антикризисного управления и демонстрирует достоинства этого метода. Авторский коллектив Н. А. Долганова и Н. М. Таганова исследуют антикризисные стратегии и пути их совершенствования. Что касается работ Е. А. Бурановой, то они посвящены, в основном, вопросам развития концептуальной модели

процесса реабилитационного институционального антикризисного управления предприятиями.

В целом спектр научных исследований антикризисного управления довольно широк, однако на данный момент не сформирован единый методический подход к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности, что требует стимулирование научных исследований в этом направлении.

Результаты исследования

Состояние пищевой промышленности России требует оценки, как с точки зрения жизненного цикла, так и с точки зрения кризисных факторов. Анализ факторов внешней среды, которые влияют на предприятия пищевой промышленности на макроуровне, осуществлен при помощи PEST-анализа [15].

По методике PEST-анализа были исследованы четыре макрообласти: политические факторы, экономические аспекты, социальные и технологические факторы. Компаративный анализ источников [2, с. 59; 4; 5], позволил сделать вывод, что в политической плоскости на пищевую промышленность наибольшее оказывают напряженная внешнеполитическая обстановка, которая меняет конъюнктуру рынка пищевых продуктов в отрицательном аспекте. Кроме того, необходимо выделить антироссийские санкции, которые повлияли на изменение логистических цепочек, доступности сырья и т. п. Дальнейший анализ источников [4; 8; 14], позволил выделить среди экономических факторов следующие: рост спроса на пищевую продукцию отечественного производства на 5,9%¹, и рост инфляции на 7,42%², что повлияло на ценовую политику большинства предприятий пищевой промышленности, а, следовательно, изменила структуру потребления со стороны покупателей.

Для оценки социальных и технологических аспектов, влияющих на российскую пищевую промышленность, был проведен опрос среди представителей предприятий пищевой промышленности. По данным Росстата³ в 2024 г. в России действует 91 предприятие пищевой промышленности. Опрос был проведен среди 9 предприятий

¹ INFOLine «Производство продуктов питания и напитков РФ 2024 года». URL: <https://infoline.spb.ru/shop/issledovaniya-rynkov/page.php?ID=281467>

² Росстат: инфляция в России в 2023 и 2024 году. URL: <https://iz.ru/1637003/dmitrii-migunov/more-spokoistviia-inflatciia-v-rossii-nachala-zamedliatsia>

³ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

(10%). По результатам опроса 42% респондентов указали на рост интенсивности миграции населения, 39% на повышение общего уровня квалификации работников отрасли, остальные факторы набрали в совокупности 19% ответов и были признаны несущественными. В рамках технологических факторов 51% респондентов указали высокие требования к экологичности компонентов и 28% — технологические усовершенствования и/или внедрение современных технологий обслуживания. Таким образом, были получены следующие результаты PEST-анализа (табл. 1).

Результаты проведения PEST-анализа, позволяют дать полную характеристику движущих сил в пищевой промышленности России. Характер политической ситуации в России на сегодняшний день достаточно нестабилен, данное положение усугубляется антироссийскими санкциями. Последствия кризиса, вызванного пандемией коронавируса, еще сказываются на положении отрасли,

однако рост спроса на продукцию пищевой промышленности в определенной мере компенсирует негативное влияние кризиса. Что касается социальных факторов, то они действуют положительно, с одной стороны, наблюдается приток рабочей силы для отрасли, с другой — на рынке труда достаточно квалифицированных специалистов, которые необходимы для должностей со специфическими навыками. Это приводит к тому, что нет необходимости повышать заработные платы для привлечения необходимых специалистов. Технологические факторы влияют разнонаправлено. С одной стороны, увеличение требования в сфере экологии повышает закупочную цену ингредиентов, а с другой — внедрение различных, в том числе цифровых, технологий оптимизирует производственные бизнес-процессы, что является положительной тенденцией. Данные табл. 1 позволяют определить, что наиболее влиятельной группой факторов, оказывающей значительное

Таблица 1
Table 1

Результаты PEST-анализа
PEST analysis results

Фактор	Характер воздействия на отрасль	Влияние факторов на организацию
Политические и правовые факторы		
P1. Напряженная внешнеполитическая обстановка	Ведет к дестабилизации экономики, снижению темпов развития отрасли, закрытия доступа к внешним рынкам, ухудшению условий функционирования предприятий.	– (отрицательный)
P2. Антироссийские санкции.	Санкции предусматривают ограничения финансирования, а также работ, товаров и услуг, которые могут быть использованы определенными лицами на территории Российской Федерации.	– (отрицательный)
Экономические факторы		
E1. Рост спроса на пищевую продукцию	Увеличение емкости рынка, рост продаж.	+ (положительный)
E2 Рост инфляции	Общее негативное влияние на состояние отрасли, снижение ее доходности.	– (отрицательный)
Социокультурные факторы		
S1. Рост интенсивности миграции населения.	Частично снижает проблему нехватки рабочей силы за счет притока работников из других регионов.	+ (положительный)
S2. Повышение общего уровня квалификации работников отрасли.	Доступ к высоко квалифицированным кадрам.	+ (положительный)
Технологические факторы		
T1. Высокие требования к экологичности компонентов	Повышение закупочной цены ингредиентов	– (отрицательный)
T2. Технологические усовершенствования, внедрение современных технологий обслуживания	С внедрением технологических инноваций растет возможность более эффективно производить продукцию, что в перспективе способно приносить значительные доходы и способствовать развитию отрасли.	+ (положительный)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

влияние на отрасль, является экономической. Таким образом, в долгосрочной перспективе можно выделить следующие движущие силы отрасли: антироссийские санкции; рост спроса на продукцию; рост инфляции.

Обзор существующих методических подходов к совершенствованию системы антикризисного управления предприятиями позволил выявить следующие закономерности [7; 9; 13]. Большинство методических подходов к совершенствованию системы антикризисного управления предполагает разработку следующих элементов:

- 1) цели антикризисного управления;
- 2) этапы антикризисного управления;
- 3) методы антикризисного управления;
- 4) механизм антикризисного управления.

Таким образом, суть современной системы антикризисного управления заключается в формировании главной антикризисной цели (и её декомпозиции на более мелкие цели), которая, заключается в обеспечении устойчивости развития предприятия. При этом достижение данной цели осуществляется по этапам, которые, в самом общем виде включают: разработку плана антикризисных действий, мониторинг внешней среды и оценку рисков. Методы реализации антикризисного управления могут быть разными и их выбор зависит в основном от субъективной оценки их достоинств и недостатков. Следует подчеркнуть, что если первые три элемента являются составляющими того или иного методического подхода, то механизм антикризисного управления, как правило, представляет собой алгоритм реализации этого методического подхода.

Варианты предлагаемых методических подходов к совершенствованию системы антикризисного управления в основном сводятся к различной классификации целей и пересмотре этапов антикризисного управления в зависимости от отраслевой специфики, в том числе в сфере пищевой промышленности, или внешних условий, а также к выбору методов антикризисного управления, которые соответствовали бы целям и могли реализовать выбранные этапы [2–4]. В свою очередь, варианты совершенствования системы антикризисного управления через разработку эффективного механизма антикризисного управления в целом ограничиваются поиском набора основных инструментов реализации антикризисной стратегии [5; 6; 11].

Как уже отмечалось выше, проблема в области разработки результативного методического подхода к совершенствованию системы антикри-

зисного управления предприятием пищевой промышленности заключается не только и не столько в необходимости учитывать отраслевую специфику, сколько в соотношении механизма реализации антикризисного управления с этапом жизненного цикла предприятия. Кроме того, стратегически важным фактором в формировании методического подхода к совершенствованию системы антикризисного управления является учет видов кризисов, которые вызывают необходимость антикризисных мер на предприятии. Следовательно, цели, этапы и методы антикризисного управления можно считать переменными параметрами, которые зависят от двух критериев:

- 1) этап жизненного цикла;
- 2) вид кризиса.

С учетом этих выводов, была предложена матрица механизмов антикризисного управления, которая основана на методическом подходе, учитывающем выделенные критерии, а именно: этап жизненного цикла, вид кризиса (табл. 2).

Данные табл. 2 демонстрируют, что на каждой стадии жизненного цикла цели и методы системы антикризисного управления значительно различаются. Кроме того, различия наблюдаются по видам кризиса. Таким образом, методический подход заключается в определении цели и методов системы антикризисного управления в зависимости от этих двух параметров. Далее необходимо разрабатывать тактические антикризисные мероприятия, исходя из актуальной цели и в рамках релевантного набора методов. Данный метод необходимо сочетать с инструментами стратегического анализа, например, с матричными методами, такими как матрица Бостонской консалтинговой группы (БКГ) [1]. Такой методический прием позволит формировать эффективные антикризисные стратегии, позволяющие быстро возвращать предприятия к нормальному функционированию. Результатом реализации данного методического подхода является перечень тактических антикризисных мероприятий, которые содержат, в том числе способы их реализации и необходимые ресурсы.

Выводы

Таким образом, главными характеристиками движущих сил в пищевой промышленности России можно считать антироссийские санкции; рост спроса на продукцию; рост инфляции, что показывает доминирование отрицательных факторов во внешней среде пищевой промышленности. В свою очередь это определяет направления совершенствования систем антикризисного

Матрица механизмов антикризисного управления
Matrix of crisis management mechanisms

Вид кризиса	Фаза жизненного цикла предприятия			
	Становление	Рост	Зрелость	Упадок
Внутренний	Главная цель: адаптировать внутренние переменные под цели бизнеса. Методы: управление мотивацией, организационные изменения, инвестиции	Главная цель: увеличить отдачу от активов Методы: оптимизация управления активами, проектное управление.	Главная цель: поддерживать уровень конкурентоспособности Методы: управление мотивацией, управление ассортиментом, организационные изменения	Главная цель: поддержание лояльности персонала и клиентов Методы: управление корпоративной культурой; управление затратами; ребрендинг
Внешний	Главная цель: закрепитесь на целевом рынке. Методы: агрессивный маркетинг, организационные изменения, оценка эффективности.	Главная цель: увеличить долю рынка Методы: цифровизация бизнес-процессов, реинжиниринг бизнеса.	Главная цель: обеспечить максимум прибыли Методы: реинжиниринг бизнеса	Главная цель: вернуться в стадию роста Методы: реинжиниринг бизнеса, изменение организационной структуры, цифровизация бизнес-процессов

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

управления. Кроме того, проведенное исследование позволило на основе оценки существующих методик совершенствования систем антикризисного управления сделать следующие выводы. Во-первых, проблема в области разработки результативного методического подхода к совершенствованию системы антикризисного управления предприятием пищевой промышленности заключается не только и не столько в необходимости учитывать отраслевую специфику, сколько в соотношении механизма реализации антикризисного управления с этапом жизненного цикла предприятия. Во-вторых, цели, этапы и методы антикризисного управления можно считать переменными параметрами, которые зависят от двух критериев: этап жизненного цикла; вид кризиса.

На основании полученных выводов была разработана матрица механизмов антикризисного управления, которая демонстрирует, что на каждой стадии жизненного цикла цели и методы системы антикризисного управления значительно различаются. Кроме того, различия наблюдаются по видам кризиса. Формирование нового методического подхода к совершенствованию систе-

мы антикризисного управления предприятиями пищевой промышленности основано на главных тенденциях развития российской пищевой промышленности. Оценка макрофакторов позволила включить в предлагаемый методический подход отраслевой аспект, что позволит разрабатывать на его основе эффективные антикризисные стратегии, которые нацелены на решение стратегических проблем предприятий пищевой промышленности.

Следует подчеркнуть, что достоинством предлагаемого методического подхода, к совершенствованию системы антикризисного управления предприятием пищевой промышленности, является учет стадии жизненного цикла при выборе методов антикризисного управления, а также возможность учета вида кризиса, который в данный момент воздействует на предприятие. Использование предлагаемой матрицы механизмов антикризисного управления необходимо сочетать с инструментами стратегического анализа, например, с матрицей БКГ, для определения стадии жизненного цикла предприятия.

Список источников

1. Анисимов А. Ю., Грабская Е. П. Использование матричного метода при конструировании финансовых стратегий компании / А. Ю. Анисимов // Теория и практика стратегирования : сборник избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2021 г. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 189–196.
2. Антикризисное управление как основа формирования механизма устойчивого развития бизнеса: монография / под ред. А. Н. Ряховской, С. Е. Кована. М. : Инфра-М, 2021. 169 с.

3. Байгулова А. А., Бояркина А. А., Степанова В. А. Основные подходы к антикризисному управлению предприятием // *Успехи современной науки*. 2017. Т. 3, № 1. С. 11–13.
4. Буранова Е. А. Концептуальная модель процесса реабилитационного институционального антикризисного управления предприятиями // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13, № 1. С. 948–965.
5. Долганова Н. А., Таганова Н. М. Анализ актуальных механизмов антикризисного управления предприятием // *Инновационная наука*. 2019. № 4. С. 105–109.
6. Дударева А. Б. Совершенствование системы антикризисного управления предприятием // *Вестник сельского развития и социальной политики*. 2018. № 2 (18). С. 37–40.
7. Жмачинский В. И., Иванов М. В., Ильющенко И. Г. Особенности антикризисного управления в современных условиях // *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*. 2019. № 2. С. 15–23.
8. Лапшина А. М., Анохина М. Е. Стратегии трансформации бизнеса в условиях пандемии Covid-19 // *Стратегии бизнеса*. 2020. № 9. С. 242–245.
9. Одаренко Т. Е., Сапожник М. В. Антикризисное управление предприятием: сущность и преодоление // *Таврический научный обозреватель*. 2017. № 2 (19). С. 88–91.
10. Juergensen J., Guimón J., Narula R. European SMEs amidst the COVID-19 crisis: assessing impact and policy responses // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2020. Vol. 47, iss. 3, no 10. Pp. 499–510.
11. Kavalić M., Nikolić M., Stanisavljev, S., D. Dordević M., Pečujlija, M., T. Stojanović Knowledge management and financial performance in transitional economies: The case of Serbian enterprises // *Journal of Business Economics and Management*. 2021. № 22(6). Pp. 1436–1455. DOI: /10.3846/jbem.2021.15540
12. Saraswati E. Materiality analysis and CSR in micro, small, and medium enterprises // *International Symposia in Economic Theory and Econometrics*. 2021. Vol. 29B. Pp. 23–37. DOI: 10.1108/S1571-03862021000029B024
13. Sharma A., Jadi D. M., Ward D Evaluating financial performance of insurance companies using rating transition matrices // *Journal of Economic Asymmetries*. 2018. Vol. 18. Pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.jeca.2018.e00102
14. Waliszewski K., Warchlewska, A. Comparative analysis of Poland and selected countries in terms of household financial behaviour during the Covid-19 pandemic // *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. 2021. № 16 (3). pp. 577–615. DOI: 10.24136/eq.2021.021
15. Wichitsathian S. Working capital management and its impacts on profitability: The case of small and medium food enterprises in Nakhon Ratchasima, Thailand // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2019. Vol. 12 (2). Pp. 113–120. DOI: 10.1504/IJEPEE.2019.099733

References

1. Anisimov AYu, Grabskaya EP. The use of the matrix method in the design of financial strategies of the company. In: *Theory and practice of strategizing: A collection of selected scientific articles and materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 18, 2021*. Moscow; 2021. P. 189–196. (In Russ.).
2. Anti-crisis management as the basis for the formation of a mechanism for sustainable business development: monograph. Edited by A. N. Ryakhovskaya, S. E. Kovan. Moscow; 2021. 169 p. (In Russ.).
3. Baigulova AA, Boyarkina AA, Stepanova VA. Basic approaches to anti-crisis management of an enterprise. *Uspexi sovremennoj nauki = Successes of modern science*. 2017;3(1):11-13. (In Russ.).
4. Buranova EA. Conceptual model of the rehabilitation process of institutional anti-crisis management of enterprises. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current issues of economics and law*. 2019;13(1):948-965. (In Russ.).
5. Dolganova NA, Taganova NM. Analysis of actual mechanisms of anti-crisis management of the enterprise. *Innovacionnaya nauka = Innovative science*. 2019;(4):105-109. (In Russ.).
6. Dudareva AB. Improvement of the anti-crisis management system of the enterprise. *Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki = Bulletin of Rural Development and Social Policy*. 2018;2(18):37-40. (In Russ.).
7. Zhmachinsky VI, Ivanov MV, Ilyushchenko IG. Features of anti-crisis management in modern conditions. *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the AGTU. Series: Economics*. 2019;(2):15-23. (In Russ.).
8. Lapshina AM, Anokhina ME. Strategies for business transformation in the context of the Covid-19 pandemic. *Strategii biznesa = Business strategies*. 2020;(9):242-245. (In Russ.).

9. Odarenko TE, Sapozhnik MV. Anti-crisis management of an enterprise: essence and overcoming. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel' = Tauride scientific observer*. 2017;2(19):88-91. (In Russ.).
10. Juergensen J, Guimón J, Narula R. European SMEs amidst the COVID-19 crisis: assessing impact and policy responses. *Journal of Industrial and Business Economics*. 2020;47(10):499-510.
11. Kavalić M, Nikolić M, Stanisavljev S, Dordević DM, Pečujlija M, Stojanović T. Knowledge management and financial performance in transitional economies: The case of Serbian enterprises. *Journal of Business Economics and Management*. 2021;22(6):1436-1455. DOI: 10.3846/jbem.2021.15540
12. Saraswati E. Materiality analysis and CSR in micro, small, and medium enterprises. *International Symposia in Economic Theory and Econometrics*. 2021;29B:23-37. DOI: 10.1108/S1571-03862021000029B024
13. Sharma A, Jadi DM, Ward D. Evaluating financial performance of insurance companies using rating transition matrices. *Journal of Economic Asymmetries*. 2018;(18):1-9. DOI: 10.1016/j.jeca.2018.e00102
14. Waliszewski K, Warchlewska A. Comparative analysis of Poland and selected countries in terms of household financial behaviour during the Covid-19 pandemic. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. 2021;16(3):577-615. DOI: 10.24136/eq.2021.021
15. Wichitsathian S. Working capital management and its impacts on profitability: The case of small and medium food enterprises in Nakhon Ratchasima, Thailand. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2019;12(2):113-120. DOI: 10.1504/IJEPEE.2019.099733

Информация об авторах

Р. О. Малиновский — аспирант.

А. Ю. Анисимов — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий, доцент кафедры Информационного менеджмента им. профессора В. В. Дика.

Information about the authors

R. O. Malinovsky — Graduate Student.

A. Yu. Anisimov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Educational and Methodological Work of the Faculty of Information Technology, Associate Professor of the Department of Information Management named after Professor V. V. Dick.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК/ГРНТИ 332.1/06.61.43

ББК 65.050.22

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-75-87

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО И СУДОРЕМОНТНОГО КЛАСТЕРА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Руслан Константинович Поляков¹, Ольга Валентиновна Брижак²

¹ Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия, ruslan.polyakov@klgtu.ru, 0000-0002-6779-1383

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, brizhak71@mail.ru, 0000-0003-3744-0950

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме развития судостроительного и судоремонтного кластера, а также ключевым параметрам отрасли в целом. Данная тема становится особенно значимой в условиях роста ключевой ставки, ограничения внешнего финансирования и необходимости обеспечения технологического суверенитета. Целью данной статьи является разработка ряда положений критической оценки развития отрасли судостроения и судоремонта в Российской Федерации, в частности, функционирование судостроительного кластера в Калининградской области, выявление эффекта влияния указанного кластерного образования на регион. Авторами статьи выделены ключевые факторы развития промышленного производства, проведена структуризация судостроительной отрасли, раскрыты принципы функционирования судостроительного кластера, выявлены проблемные зоны судостроительных кластеров, испытывающих дефицит собственных средств развития в условиях санкций и системных шоковых эффектов, а также непропорционального размещения производительных сил, показаны преимущества и недостатки современной кластерной политики в судостроительной отрасли. Сделан вывод о наличии скрытых кластерных процессов, образующих хозяйственные диспропорции, функционирование кластерных образований в режиме протокластеров, неэффективную систему организации документооборота. Методология исследования обеспечена применением методов исследования, получивших широкое научное признание, а также привлечением представительных выборок эмпирических данных. В статье реализован системный и критический подход, а также методы эмпирического и статистического анализа.

Ключевые слова: кластер, предприятия, отрасль, судостроение, судоремонт, программа, развитие, региональная экономика, системный подход

Для цитирования: Поляков Р. К., Брижак О. В. Актуализация программы развития судостроительного и судоремонтного кластера Калининградской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 75–87. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-75-87.

Original article

UPDATING OF THE PROGRAM OF DEVELOPMENT OF THE SHIPBUILDING AND SHIP REPAIR CLUSTER OF THE KALININGRAD REGION

Ruslan K. Polyakov¹, Olga V. Brizhak²

¹ Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia, ruslan.polyakov@klgtu.ru, 0000-0002-6779-1383

² State University of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, brizhak71@mail.ru, 0000-0003-3744-0950

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of shipbuilding and ship repair cluster development, as well as key parameters of the industry as a whole. This topic becomes especially significant in the conditions of key rate growth, limitation of external financing and the need to ensure technological sovereignty. The purpose of this article

is to develop a number of provisions for critical assessment of the development of the shipbuilding and ship repair industry in the Russian Federation, in particular, the functioning of the shipbuilding cluster in the Kaliningrad region, and to identify the effect of the mentioned cluster formation on the region. The authors of the article have identified the key factors of industrial production development, structured the shipbuilding industry, revealed the principles of shipbuilding cluster functioning, revealed the problem areas of shipbuilding clusters that lack their own means of development in the conditions of sanctions and system shock effects, as well as disproportionate distribution of productive forces, showed the advantages and disadvantages of modern cluster policy in the shipbuilding industry. It is concluded that there are hidden cluster processes forming economic disproportions, functioning of cluster formations in the mode of proto-clusters, inefficient system of document flow organization. The research methodology is provided through the application of research methods that have received wide scientific recognition, as well as the involvement of representative samples of empirical data. The article implements a systematic and critical approach, as well as methods of empirical and statistical analysis.

Keywords: cluster, enterprises, industry, shipbuilding, ship repair, program, development, regional economy

For citation: Polyakov RK, Brizhak OV. Updating of the Program of Development of the Shipbuilding and Ship Repair Cluster of the Kaliningrad Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):75-87. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-75-87.

Введение

Формирование кластеров признаётся эффективным инструментом стимулирования экономического роста и повышения международной конкурентоспособности [1; 2]. Распространение кластерных инициатив в различных секторах и географических зонах свидетельствует о высокой эффективности и устойчивости данной модели развития [3]. Функционирование зрелого кластера создаёт благоприятные условия для развития малых и средних предприятий (МСП), стимулируя формирование комплексной экосистемы («мир-системы» [4–6]), включающей в себя новые возможности и инфраструктурные решения.

Мир-системный подход был предложен в 1970-е гг. А. Г. Франком, С. Амином, Дж. Арриги и Т. дус Сантусом, но наибольший вклад в данную теорию внёс И. Валлерстайн [7].

Между тем в рамках кластерной теории большее распространение получил термин «экосистема», который по мнению современной академической науки оказывает существенное воздействие на экономический рост регионов и национальных экономик.

Понятие «экосистема» было впервые предложено А. Тэнсли в 1935 г. [8], однако научную и концептуальную основу для современной теории экосистем в 1968 г. заложил Л. фон Берталанфи [9]. Во второй половине XX в. произошел взрыв системного мышления в таких областях, как инженерия, экономика и социология [9; 10]. Современная экосистема является концептуальной единицей, возникшей в результате применения общей теории систем и подходов к макроэкономическому планированию.

Развивая положения Л. фон Берталанфи [11] о том, что сложная самоорганизующаяся, саморе-

гулирующаяся и саморазвивающаяся система [12], есть ничто иное как экосистема авторы дополняют это понятие с учетом развития современных технологий и сфер деятельности [13].

Экономическая политика кластерного развития так же способствует улучшению в целом хозяйственной базы регионов и в частности их конкретных отраслей [14]. Так, к примеру, для повышения конкурентоспособности регионального судостроения и судоремонта в условиях реформирования кооперационных связей предприятий, некогда входивших крупнейший производственно-технологический комплекс страны и разработанный в рамках теории экономического районирования Н. Колосовского [15; 16], необходимо ориентироваться на развитие того, что отражается на производительности и инновационности отдельных предприятий, а также на их конкурентные преимущества, что по сути своей является современной кластерной задачей.

Поэтому в рамках построения кластера необходимо учитывать сложившуюся в сфере судостроения и судоремонта региона ситуацию и требования, предъявляемые нормативно-правовыми актами (далее будем рассматривать данную отрасль, Калининградскую область и её кластер).

Отраслевой разрез

Судоремонтные и судостроительные предприятия являются одной из важнейших отраслей экономики Калининградской области. Данный сектор обеспечивает создание рабочих мест, налоговые отчисления и значительный вклад в экономическое будущее региона.

Однако, несмотря на все преимущества, предприятия судостроения и судоремонта сталкиваются с большими трудностями, связанными с вы-

сокой стоимостью оборудования и ресурсов (особенно в условиях санкций), сложными процедурами сертификации и лицензирования, а также с недостаточным финансированием и поддержкой.

Для решения текущих проблем в рамках государственной политики развития экономики Калининградской области принимаются меры по оказанию поддержки предприятиям судоремонта и судостроения. Одной из таких мер является предоставление льготных займов на строительство и модернизацию производственных объектов, закупку нового оборудования и инвестиционные проекты, которые поддерживаются через инфраструктуры Правительства Калининградской области и, в частности, Фондом «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области», а именно Центром кластерного развития, Фондом развития промышленности и другими региональными структурами.

Между тем вполне очевидно, что промышленное производство в нашей стране агломерируется в крупных финансовых и промышленных центрах страны. Так на рис. 1 видно, что значительный перекос в развитии динамики промышленного производства по субъектам Российской Федерации за 2023 г. происходит в традиционно ресурсообеспеченных регионах.

Анализ динамики промышленного производства за 2022–2023 гг. демонстрирует, что обрабатывающие производства до сих пор являются ве-

дущим драйвером промышленного роста, демонстрируя при этом совокупный прирост на 7,5% в масштабах страны. Наиболее значительный вклад в этот прирост внесли регионы с максимальными темпами роста: Москва, Московская область, Свердловская область, Санкт-Петербург и Челябинская область.

В 2023 г. сохранилась положительная динамика роста в отраслях, также демонстрирующие высокие темпы развития в предшествующем 2022 г. Однако наиболее значительный прирост показали следующие отрасли: производство металлических изделий (за исключением машин и оборудования) — 27,8%; производство компьютеров, электронных и оптических изделий — 32,8%; и производство прочих транспортных средств и оборудования (включая судостроение) — 25,5%.

Простой поверхностный анализ показывает, что промышленное производство по субъектам Российской Федерации распределено не равномерно (рис. 1). Обращая внимание на рис. 1, можно сделать вывод не только о непропорциональном размещении производительных сил, но и о наличии скрытых кластерных процессах, которые существуют в нашей стране и выражаются в этой диспропорции.

Уровень и динамика развития регионов отражают доминирующую роль конкурентных преимуществ, в рамках которых регионы-лидеры, делятся на три группы [17]:

Рис. 1. Промышленное производство по субъектам Российской Федерации за 2023 г., млрд руб.
 Fig. 1. Industrial production by subjects Russian Federation for 2023, bln rub.
 Источник: построено авторами по данным Росстата

Рис. 2. Динамика промышленного производства и численности работающих в организациях (2015 г. = 100 %)

Fig. 2. Dynamics of industrial production and the number of employees in organizations (2015 = 100 %)

Источник: построено авторами по данным Росстата

- крупнейшие агломерации страны и некоторые регионы с городами миллионами;
- ресурсодобывающие регионы, особенно регионы добычи нефти;
- отдельные приморские регионы и регионы, находящиеся на основных путях торговли (Ленинградская, Калининградская области и Краснодарский край).

Анализ коэффициента Джини, отражающего уровень регионального социально-экономического неравенства в Российской Федерации, свидетельствует о сохранении и усилении территориальной дифференциации. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат)¹, значение коэффициента Джини в 2023 г. достигло 0,403, что превышает показатель 2022 г. (0,395). Данная тенденция подтверждает продолжающуюся поляризацию социально-экономического развития российских регионов.

Согласимся с тезисами П. Кругмана о том, что в мире несовершенной конкуренции международная торговля обусловлена как растущей отдачей и внешней экономией, так и сравнительным преимуществом [18–20]. Более того, эта внешняя экономия с большей вероятностью будет реализована на местном и региональном уровне, чем на национальном или международном уровне.

На рис. 2 представлена динамика промышленного производства, которая показывает производство материальных ценностей (промышленной продукции) с использованием машин, инструментов и привлечением рабочей силы.

¹ Социально-экономическое положение России. 2023. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2024.htm (дата обращения: 12.12.2024).

Резюмируя данные на рис. 2, сделаем вывод о том, что наблюдается динамика активного роста промышленного производства, однако, промышленности не хватает рабочих рук и такая тенденция за последние годы существенно ускорилась. Данный тренд так же подтверждается показателем удельного веса занятых в промышленном производстве в общей численности занятых, который в 2022 г. составил 18,9 %.

Указанное выше утверждение подтверждают данные табл. 1, характеризующие состояние экономики Российской Федерации за 2017–2022 гг.

Более наглядно эта проблема изображена на рис. 3 в виде динамики занятости и удельного веса валовой добавленной стоимости в промышленном производстве за 2017–2022 гг.

Анализ показателей гражданского судостроения в 2022 г. (рис. 3) выявил сохранение абсолютных значений объема сданной продукции на уровне 2021 г., несмотря на снижение числа введённых в эксплуатацию судов примерно на 27 %. Этот спад, с учетом текущих экономических условий, не квалифицируется как существенный.

В частности, количество судов водоизмещением свыше 50 т уменьшилось на 18 ед. и составило 70 ед. Одновременно, производство малых судов (водоизмещением менее 50 т) сократилось в 2,6 раза, с 91 до 35 единиц в 2022 г. Общее же количество сданных гражданских судов составило 55 ед., что на 6 ед. меньше, чем в 2021 г. В сегменте военного и специального судостроения зафиксировано снижение объемов ввода в эксплуатацию почти в два раза (15 ед.) по сравнению с 2021 г.

На рис. 4 представлены ключевые факторы, обусловившие сокращение объемов ввода судов в эксплуатацию в судостроительной отрасли.

Таблица 1
Table 1

Показатели экономики Российской Федерации
Indicators of the economy of the Russian Federation

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовой внутренний продукт (в текущих рыночных ценах), млн руб.	91 843 154	103 861 651	109 608 306	107 658 131	135 294 975	153 435 153
в том числе валовая добавленная стоимость промышленного производства (в текущих основных ценах)	23 173 026	28 655 427	29 898 968	26 714 902	36 914 518	43 044 465
Основные фонды (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд руб.	109 103,0	120 351,9	131 673,7	143 773,8	161 771,0	171 582,1
в том числе в промышленном производстве	48 685,2	53 881,5	58 853,0	66 029,2	71 332,0	76 513,7
Среднегодовая численность занятых, млн человек	71,8	71,6	71,1	69,6	70,8	71,2
в том числе в промышленном производстве	13,7	13,6	13,4	13,1	13,4	13,5

Источник: Федеральная служба государственной статистики. М., 2023. 259 с.

Рис. 3. Динамика занятости и удельного веса валовой добавленной стоимости в промышленном производстве, %

Fig. 3. Dynamics of employment and the share of gross value added in industrial production, %

Источник: построено авторами по данным Росстата

На рис. 4 изображены основные факторы, оказавшие влияние на значительное снижение объёмов ввода в эксплуатацию в отрасли судостроения, среди которых: нехватка комплектующих и материалов, ограниченный доступ к технологиям, а также низкий уровень инвестиций. Выявленные факторы значительно усиливаются в условиях постоянного повышения ключевой ставки Банка России¹ и в постоянно усиливающемся санкцион-

¹ Ключевая ставка Банка России // Банк России.

ном давлении на российскую экономику.

По данным открытых источников компаний в 2022 г. было завершено строительство и передано заказчикам 25 судов, классифицированных Российским морским регистром судоходства (РС), и 61 судно, классифицированных Российским классификационным обществом (РКО). Данные РКО дополнительно включают 39 ед. плавсредств, URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 12.12.2024).

Рис. 4. Ключевые факторы снижения объемов производства в отрасли судостроения

Fig. 4. Key factors of production decline in the shipbuilding industry

Источник: построено авторами

относящихся к категории вспомогательных судов, таких как суда на воздушной подушке, а также несамоходные суда (баржи, несамоходные земснаряды, понтоны и наплавные мосты). На рис. 5 представлена структура отрасли судостроения и судоремонта в Российской Федерации по состоянию на 2023 г.

В сравнении с предыдущим годом (2021 г.) наблюдается увеличение количества судов, построенных на отечественных верфях и классифицированных РС (с 33 до 25 ед.) и РКО (с 60 до 61 ед.), при этом количество несамоходных судов, классифицированных РКО, незначительно снизилось (с 38 до 39 ед.). Отдельно следует отметить 16 судов, построенных за рубежом для российских заказчиков, что на четыре единицы превышает показатель 2021 г.¹

¹ INFOline подвело итоги судостроительной промышленности в 2021 году и очертило перспективы

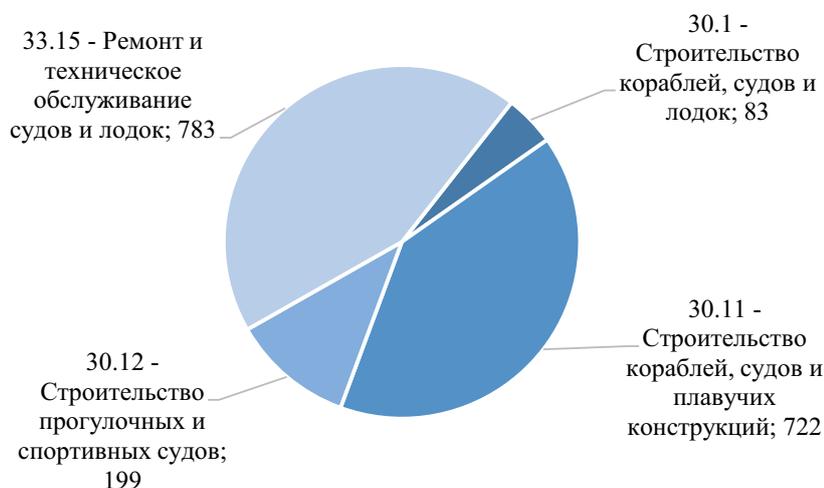

Рис. 5. Структура отрасли судостроения и судоремонта в Российской Федерации на 23.08.2023

Fig. 5. Structure of the shipbuilding and ship repair industry in the Russian Federation as of 23.08.2023

Источник: составлено авторами по данным сервиса List-Org

По данным органов государственной статистики выпуск продукции по виду Суда прогулочные и спортивные в 2022 г. по отношению к 2021 г. составил 83,8%, при величине этого показателя годом ранее 103,2%².

На рис. 6 представлено размещение предприятий отрасли судостроения и судоремонта в Российской Федерации.

Из рис. 6 видно, что предприятия отрасли судостроения и судоремонта в основном сконцентрированы в местах, которые географически расположены относительно крупных водоёмов, рек

развития отрасли в 2022 году. URL: <http://infoline.spb.ru/news/index.php?news=216390> (дата обращения: 12.12.2024).

² О промышленном производстве в 2022 году. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html (дата обращения: 12.12.2024).

Источник: построено автором на основе данных:
Сервис проверки контрагентов: <https://www.list-org.com/>

Рис. 6. Размещение предприятий отрасли судостроения и судоремонта в Российской Федерации
Fig. 6. Distribution of shipbuilding and ship repair enterprises in the Russian Federation
Источник: построено авторами по данным сервиса List-Org

и морей. Так же видно, что предприятия тяготею к концентрации и кластеризируются в таких регионах и местах. Это еще раз подчеркивает то, что конкретные регионы обладают специфическими атрибутами, такими как жёсткие (природные ресурсы и географическое положение (выгоды или издержки)) и мягкие (агломерационный эффект, человеческий капитал, институты и инфраструктура), которые притягивают в отрасль предприятия и позволяют им в них эффективно развиваться. В тоже время в докладах Мирового банка¹ находят отражение факторы, которые, по его мнению, существенно влияют на пространственное развитие, к ним относятся: плотность и агломерационный эффект; экономическое расстояние (транспортные/ транзакционные издержки); барьеры (институциональные)².

В этой связи актуальными становятся работы П. Кругмана, в рамках которых он поднимает некоторые важные вопросы для теории регионального развития в целом и новой промышленной географии в частности [21]. Но в то же время и его теория также имеет определенные ограничения, указанные в работах современных ученых [22].

Однако наличие таких атрибутов не гарантирует последним эффективной траектории развития, поэтому на уровне стран принимаются стимули-

рующие меры, которые позволяют определить не только стратегическое направление развития и её траекторию.

Так, например, программа по внутреннему водному транспорту — самая массовая по количеству сданных судов. Реализуется она во многом за счет привлечения лизинговых средств, поэтому заказчиком выступают лизинговые компании, в основном ГТЛК.

В 2022 г., в рамках программы продолжалось строительство судов проекта RSD59, однако не в том объеме, в котором было заявлено ранее. Завод «Красное Сормово» в 2022 г. передал заказчикам два судна этого проекта — «Александр Пятов» и «Сергей Волков». Еще два судна сдала Окская судовой верфь — «Вячеслав Аршинов» и «Геннадий Егоров»³.

В рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры морского и внутреннего водного транспорта» государственной программы «Развитие транспортной системы» Окская судовой верфь передала грузопассажирское судно «Анатолий Чернеев» проекта NE-020.2. Теплоход строился для нужд Камчатского края. Концепт проекта выполняло КБ «Нордик Инжиниринг», технический проект конструировало «Морское инженерное бюро — СПб», выпуском РКД занималась нижегородское КБ «Си Тех».

Находкинский судоремонтный завод в 2022 г. сдал заказчику — Министерству транспорта

¹ Преодоление пространственного неравенства. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/44183eb8-ac7c-53da-a778-5023bf9276ea/content>

² World Bank. Rolling Back Russia's Spatial Disparities: Re-assembling the Soviet Jigsaw Under a Market Economy. — World Bank, 2018.

³ Как российское судостроение прошло 2022 год. Медиапалуба. URL: <https://paluba.media/news/47871> (дата обращения: 12.12.2024).

и дорожного строительства Камчатского края — две грузопассажирские баржи «Таежная» и «Атласово» проекта 1912РВ. В конце июля оба судна приступили к работе на паромной переправе на реке Камчатке между поселками Таежный, Атласово и Лазо Мильковского муниципально-го района. Церемония закладки барж прошла на НСРЗ 31 октября 2018 г.

В середине августа 2022 г. Средне-Невский СЗ сдал Севастопольскому государственному университету научно-исследовательское судно «Пионер-М». Проект реализован при поддержке Минобрнауки России и Агентства стратегических инициатив, стратегическим партнером выступил Центр судоремонта «Звездочка». Судно было заложено в мае 2019 г.

Судоверфь «Парма» в 2022 г. построила по индивидуальному заказу компании «ВодоходЪ» судно на воздушной подушке (СВП) «Бирюса». Сейчас в своем классе это самое большое СВП. Судно предназначено для круглогодичной работы с туристами на озере Байкал.

В конце декабря 2022 г. историческая верфь «Полтава» завершила строительство стоечной реплики-музея линейного корабля четвертого ранга «Полтава», построенного в начале XVIII века при личном участии Петра I. Торжественная церемония закладки парусника прошла 27 февраля 2014 г.

Из самых крупных судов в программе сдачи 2022 г. стоит отметить два танкера типа «Афрамекс» Hyundai 114К, которые были построены на СК «Звезда», — «Владимир Виноградов» и «Океанский проспект». Первый был сдан в конце апреля 2022 г., второй — в конце декабря. Сейчас в цехах и на стапеле предприятия ведется строительство еще четырех танкеров.

В программе пассажирских судов преобладают суда на подводных крыльях постройки ЦКБ по СПК имени Р. Е. Алексеева. В 2022 г. предприятие сдало четыре судна: три «Валдая-45Р» проекта 23180 и один «Метеор» проекта 3580. Для сравнения: в 2021 г. завод передал заказчикам пять «Валдаев-45Р» и один «Метеор»¹.

В группе дноуглубительных судов «Судоремонтно-судостроительная корпорация» (ССК) сдала два судна проекта 4395 «Донской-701» и «Северо-Двинский 701». Всего по контракту года в рамках мероприятий федерального проекта «Внутренние водные пути» Комплексного

¹ Как российское судостроение прошло 2022 год. Медиапалуба. URL: <https://paluba.media/news/47871> (дата обращения: 12.12.2024).

плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. ССК должна построить семь судов этого проекта. Первое судно было сдано в 2021 г., еще четыре сейчас находятся в разной степени готовности.

Сейчас на верфях для российских заказчиков в разной стадии готовности находится более 300 единиц судов — от сложных рыболовных траулеров до небольших земснарядов и СВП.

В первом квартале отчетного года наблюдался спрос на рабочую силу в машиностроительной отрасли, выразившийся в открытии 34 000 вакансий, из которых 4 500 приходилось на судостроение. Во втором квартале отмечен рост объемов вакансий до 45 700 в машиностроении, при этом число вакансий в судостроительном секторе увеличилось до более чем 5 700.

Адаптация к новым условиям

В след за геополитическими изменениями, меняется номенклатура требуемых проектов и самих судов. Соответственно, промышленность нуждается в ином спектре судового оборудования и материалов. Резкое изменение внешних условий сформировало ситуацию, в которой нет времени для адаптации — необходимо меняться, параллельно доставляя текущие заказы.

Судостроительная и судоремонтная отрасль Калининградской области представлена приблизительно 90 предприятиями, среди которых значительную долю составляют субъекты малого и среднего бизнеса. Занятость в отрасли оценивается в 6 500 человек, что соответствует 15,3 % от общей численности занятых в обрабатывающих производствах региона.

Отрасль характеризуется исторически сложившейся производственной инфраструктурой и развитой научной школой, сформированной, в частности, вокруг Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калининградский государственный технический университет». В регионе функционируют инжиниринговые центры, способствующие технологическому развитию отрасли. С осени 2018 года деятельность отрасли координируется Ассоциацией «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области» (далее — КССКО)².

Основная цель КССКО — создание совокупности субъектов деятельности в сфере судостро-

² Ассоциация «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области». URL: <https://kssko.ru/> (дата обращения: 12.12.2024).

тельной и судоремонтной промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территориях Калининградской и Нижегородской областях, производящих промышленную продукцию Кластера.

Ключевые направления научно-технического и производственного развития кластера:

- повышение конкурентоспособности и экономического потенциала участников Кластера;
- создание условий для широкого доступа к инновациям, новым технологиям и техническим решениям;
- создание условий для привлечения высококвалифицированных кадров в судостроительную отрасль и смежные сектора, а также развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров;
- модернизация и комплексное развитие инфраструктуры Кластера;
- создание возможностей для запуска совместных инвестиционных проектов, в том числе упрощение доступа участников Кластера к финансовым ресурсам и мерам господдержки;
- содействие развитию малого и среднего предпринимательства в Кластере;
- внешнеэкономическая интеграция и рост конкурентоспособности участников Кластера.

Министерство экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области выделяет развитие судостроительного кластера потенциальным проектом «маяком» в развитии региона. Его стратегическое развитие, позволит предприятиям Кластера получить федеральную поддержку и сформировать судостроительный технопарк.

По состоянию на декабрь 2024 г. Кластер судостроения и судоремонта Калининградской об-

ласти не имеет статуса промышленного кластера (не включен в реестр промышленных кластеров), согласно требованиям Постановления Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (в редакции от 22 декабря 2022 г.)¹[30], что не позволяет использовать меры финансовой поддержки из средств федерального бюджета.

Далее в табл. 2 представлена информация о ключевых показателях деятельности Ассоциации «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области» за 2023 г.

Сегодня Ассоциации «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области» реализует следующие проекты импортозамещающей промышленной продукции:

- модернизация судостроительной верфи для целей гражданского судостроения;
- модернизация судостроительной верфи (расширение производственных площадей), в том числе в целях локализации производства комплектов для яхтостроения;
- расширения производства в направлении изготовления высокоточных деталей;
- изготовление понтонов;
- производство гироскопов для спасательных шлюпок;
- модернизация материально-технического состояния рыбодобывающего предприятия путем модернизации рыболовного судна и приобретения холодильно-морозильного оборудования для производства мороженой рыбы;
- производство установок водоподготовки с применением рулонных мембранных элементов.

¹ Как российское судостроение прошло 2022 год. Медиапалуба. URL: <https://paluba.media/news/47871> (дата обращения: 12.12.2024).

Таблица 2
Table 2

Информация о ключевых показателях деятельности Ассоциации «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области» за 2023 г.
Information on key performance indicators of the Association “Shipbuilding and Shiprepair Cluster of Kaliningrad Region” for 2023

Всего	Количество вновь созданных рабочих мест	Прирост средней численности работников	Объем реализованных товаров, услуг (тыс. руб.)	Прирост объема реализованных товаров, %	Количество рабочих мест	Инвестиции в основной капитал (тыс. руб.)	Выручка экспорт. (тыс. руб.)	Объем уплаченных налогов и сборов, (тыс. руб.)
МСП	35	243	7 167 811	266	1 677	48 895	710 299	446 670
Кластер	84		18 697 230		6 564			790 338

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (в ред. от 22 дек. 2022 г.) (далее — Постановление) утвердило¹:

– требования к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности;

– правила подтверждения соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности.

Постановлением утвержденные критерии формирования промышленных кластеров не в полной мере учитывают специфику отраслей судостроения и судоремонта, акцентируя внимание преимущественно на стимулировании производства импортозамещающей продукции серийного типа. В сфере судостроения и судоремонта, как правило, носят уникальный характер, что создает ряд сложностей при подтверждении соответствия промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам.

Требования Постановления направлены для выявления и описания производственных цепочек, направленных на создание импортозамещающей продукции. Предприятия кластера производят импортозамещающую промышленную продукцию промышленного кластера, из которой другой участник промышленного кластера, находящийся в функциональной зависимости от первого, производит конечную промышленную продукцию промышленного кластера. При этом в производстве конечной продукции должны участвовать по меньшей мере два предприятия — участника кластера.

Требования Постановления накладываются на ряд сложностей в развитии отрасли судостроения и судоремонта, вызванных разрывом и реформативным кооперационных связей, обусловленных закрытием отдельных рынков сбыта. Ранее, в силу месторасположения региона и действовавших логистических цепочек такими рынками были рынки Европы. В сложившихся усло-

¹ Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (с изменениями и дополнениями).

виях идет выстраивание новых кооперационных связей, в которых важным фактором является происхождение узлов, комплектующих, оборудования и элементов, используемых в судостроении и судоремонте из стран Евразийского экономического союза. Используемые и производимые изделия должны соответствовать требованиям Постановления Правительства РФ от 17 июля 2015 г. № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)².

Исходя из требований настоящего Постановления Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области не соответствует требованиям Минпромторга России. Требуется формирование промышленного кластера судостроения и судоремонта, полностью отвечающего таким требованиям и создание специализированной организации промышленного кластера. Это коммерческая или некоммерческая организация, созданная в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющая методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленного кластера. В качестве специализированной организации промышленного кластера могут выступать в том числе государственные фонды развития промышленности, создаваемые субъектами Российской Федерации.

Поскольку в настоящее время в открытом доступе отсутствуют пороговые значения ключевых показателей эффективности проектов кластера невозможно сформировать мнение о соответствии (несоответствии) выявленных значений показателей критериям, устанавливаемым Министерством промышленности и торговли Российской Федерации.

К показателям, по которым при принятии решения о включении кластера в реестр могут приниматься во внимание их значения, в соответствии с действующей редакцией Постановления, относятся³:

– общее количество работников, задействованных в реализации проектов по производству импортозамещающей промышленной продукции промышленного кластера (ранее на практи-

² Постановление Правительства РФ от 17.07.2015 № 719 «О подтверждении производства российской промышленной продукции» (с изменениями и дополнениями).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 г. № 779.

ке данный показатель составлял не менее 15 % высокопроизводительных рабочих мест);

– объем поставок промышленной продукции промышленного кластера участникам промышленного кластера;

– объем затрат на приобретение промышленной продукции промышленного кластера у участников промышленного кластера;

– объем продаж конечной промышленной продукции промышленного кластера лицам, не являющимся участниками промышленного кластера;

– объем затрат на реализацию проекта по производству импортозамещающей промышленной продукции промышленного кластера;

– объем продаж импортозамещающей промышленной продукции промышленного кластера, произведенной участником промышленного кластера в рамках реализации проекта по производству импортозамещающей промышленной продукции промышленного кластера.

Кроме того, технически имеются не все необходимые элементы для формирования пакета документов согласно Постановлению, однако основные из них приведены, в соответствии с договорами о реализации проектов по производству импортозамещающей промышленной продукции промышленного кластера, и (или) с договорами о поставке промышленной продукции промышленного кластера, и (или) со специальными инвестиционными контрактами, в том числе сведения о фактических и планируемых объемах поставки промышленной продукции промышленного кластера участниками промышленного кластера [23].

Заключение

Проведенное исследование, посвященное актуализации программы развития судостроительного и судоремонтного кластера Калининградской области, выявило ряд ключевых аспектов, определяющих траекторию его развития. В ходе анализа идентифицированы как факторы, способствующие потенциальному росту, так и сдерживающие элементы, препятствующие эффективному развитию Ассоциации «Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области». Ключевым аспектом, требующим внимания, является необходимость институционализации кластерных процессов, что, как представляется, является кри-

тическим условием для гармонизации интересов субъектов кластера и создания благоприятной среды для их развития не только в Калининградской области, но и в стране в целом.

В рамках настоящего исследования выделены ключевые факторы развития судостроительного и судоремонтного кластера Калининградской области, которые открывают возможности для горизонта стратегирования промышленных кластеров Российской Федерации, эти факторы могут стать движущей силой в рамках реализации Программы развития. Выявлены предприятия и проекты, соответствующие созданию благоприятной хозяйственной среды в судостроительном и судоремонтном кластере, а также выявлены скрытые кластерные процессы, образующие хозяйственные диспропорции, функционирование кластерных образований в режиме протокластеров, неэффективная система организации документооборота. Нами сделан акцент на институциональных аспектах кластеризации судостроительной и судоремонтной отрасли, потому что именно институционализация данного процесса позволит упорядочить отношения между субъектами кластера, согласовать их интересы, обеспечить условия для развития. Именно для системного решения данной проблемы мы предлагаем кластер институциональных форм, соответствующих требованиям Программы развития и Постановления Правительства РФ. Предложенный авторами кластер институциональных форм, разработанный с учетом требований Программы развития и Постановления Правительства РФ, направлен на решение данных проблем, обеспечит комплексный и системный подход к развитию отрасли в целом.

Таким образом, данная работа не только подчеркивает необходимость адаптации к изменяющимся экономическим реалиям и санкционному давлению, но и выявляет стратегически важные направления для дальнейшего развития судостроительного и судоремонтного кластера Калининградской области. Предложенные рекомендации, нацелены на преодоление выявленных диспропорций и направлены на создание институциональных рамок, отвечающих современным требованиям, кроме того, они могут стать основой для разработки эффективной и устойчивой программы развития отрасли в регионе.

Список источников

1. Michael E. Porter. The competitive advantage of nations. Harvard Business Review, 1990.
2. Porter M. E. Clusters and competition // On competition. 1998. Vol. 7. P. 91.

3. Porter M. E. Clusters and the new economics of competition. Harvard business review, 1998.
4. Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. Циклы развития современной мир-системы. М. : Изд-во ЛКИ, 2011. 248 с.
5. Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М., 2009.
6. Малков С. Ю. От Мир-системы к Мир-организму // История и Математика: футурологические и методологические аспекты. М., 2015. С. 57–70.
7. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. 248 с.
8. Тэнсли А. Г. Использование и злоупотребление растительными терминами и понятиями // Экология. 1935. № 16. С. 3.
9. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем. 2-е изд. М. : Мир, 1960.
10. Йохансен Л. Очерки макроэкономического планирования: в 2 т. М., 1982.
11. Von Bertalanffy L. The history and status of general systems theory // Academy of management journal. 1972. Т. 15, № 4. С. 407–426.
12. Polyakov R., Brizhak O. Industrial Clusters and the Process of Their Self-organization // International conference Ecosystems without borders. Cham: Springer Nature Switzerland. 2023. Pp. 60–72.
13. Брижак, О. В. Роль интеллектуального капитала в развитии национальных экосистем // Теоретическая экономика. 2021. № 5 (77). С. 81–88.
14. Куценко Е., Тюменцева Д. Кластеры и инновации в субъектах РФ: результаты эмпирического исследования // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 93–107.
15. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М. : Госполитиздат, 1958. 200 с.
16. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М. : Мысль, 1969. 335 с.
17. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2. С. 161–174.
18. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future // Fifty years of regional science. 2004. Pp. 139–164.
19. Krugman P. Geography and trade. Cambridge // MIT Press. Increasing returns and economic geography. Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, № 31. Pp. 483–99.
20. Krugman P. Where in the world is the ‘new economic geography’ // The Oxford handbook of economic geography. 2000. Vol. 23. Pp. 49–60.
21. Krugman P. Increasing returns, imperfect competition and the positive theory of international trade // Handbook of international economics. 1995. Vol. 3. Pp. 1243–1277.
22. Martin R., Sunley P. Paul Krugman’s geographical economics and its implications for regional development theory: a critical assessment // Economic geography. 1996. Vol. 72, № 3. Pp. 259–292.
23. Brizhak O., Polyakov R. Creative impetus for the development of innovation clusters of the Russian economy // International conference Ecosystems without borders. Cham: Springer International Publishing. 2021. Pp. 99–104.

References

1. Michael E. Porter. The competitive advantage of nations. Harvard Business Review; 1990. 91 p.
2. Porter ME. Clusters and competition. *On competition*. 1998;(7):91.
3. Porter ME. Clusters and the new economics of competition. Harvard business review; 1998.
4. Grinin LE, Korotayev AV, Tsirel SV. Cycles of development of the modern world-system. Moscow; 2011. (In Russ.).
5. Korotaev AV, Khalturina DA, Malkov AS. Laws of History. Mathematical Modeling of the World-System Development. Demography, Economics, Culture. Moscow; 2009. (In Russ.).
6. Malkov SYu. From the World-System to the World-Organism. In: History and Mathematics: futurological and methodological aspects. 2015. Pp. 57–70.
7. Wallerstein I. World-system analysis: introduction. Moscow; 2006. (In Russ.).
8. Tansley AG. The use and misuse of plant terms and concepts. *Ekologiya = Ecology*. 1935;(16):3. (In Russ.).
9. Bertalanffy L von. General theory of systems. 2nd ed. Moscow; 1960. (In Russ.).
10. Johansen L. Sketches of Macroeconomic Planning: in 2 vol. Moscow; 1982. (In Russ.).

11. Von Bertalanffy L. The history and status of general systems theory. *Academy of management journal*. 1972;(15(4):407-426.
12. Polyakov R, Brizhak O. Industrial Clusters and the Process of Their Self-organization. In: International conference Ecosystems without borders. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. Pp. 60–72.
13. Brizhak OV. The Role of Intellectual Capital in the Development of National Ecosystems. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. 2021;5(77):81-88. (In Russ.).
14. Kutsenko E, Tyumentseva D. Clusters and innovations in the subjects of the Russian Federation: the results of empirical research. *Voprosy ekonomiki = Voprosy ekonomiki*. 2011;(9):93-107. (In Russ.).
15. Kolosovsky NN. Fundamentals of economic zoning. Moscow; 1958. 200 p. (In Russ.).
16. Kolosovsky NN. Theory of Economic Zoning. Moscow; 1969. (In Russ.).
17. Zubarevich NV. Regional development and regional policy for a decade of economic growth. *Zhurnal novej ekonomicheskoy asociacii = Journal of the New Economic Association*. 2009;(1-2):161-174. (In Russ.).
18. Fujita M, Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future. In: Fifty years of regional science. 2004. Pp. 139–164.
19. Krugman P. Geography and trade. Cambridge. MIT Press. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 1991;(99(31):483-99.
20. Krugman P. Where in the world is the ‘new economic geography’. *The Oxford handbook of economic geography*. 2000;(23):49-60.
21. Krugman P. Increasing returns, imperfect competition and the positive theory of international trade. *Handbook of international economics*. 1995;(3):1243-1277.
22. Martin R, Sunley P. Paul Krugman’s geographical economics and its implications for regional development theory: a critical assessment. *Economic geography*. 1996;(72(3):259-292.
23. Brizhak O, Polyakov R. Creative impetus for the development of innovation clusters of the Russian economy. In: International conference Ecosystems without borders. Cham: Springer International Publishing. 2021. Pp. 99–104.

Информация об авторах

Р. К. Поляков — кандидат экономических наук, доцент, начальник управления научно-исследовательской деятельности, доцент кафедры экономики и финансов.

О. В. Брижак — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории.

Information about the authors

R. K. Polyakov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Scientific Research, Associate Professor, Department of Economics and Finance.

O. V. Brizhak — Doctor of Economics, Docent, Professor, Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: Р. К. Поляков — 75 %, О. В. Брижак — 25 %.

Contribution of the authors: R. K. Polyakov — 75 %, O. V. Brizhak — 25 %.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-88-98

ДРАЙВЕРЫ ТРУДОВОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РАБОТНИКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРИЧИН

**Ирина Викторовна Лаврентьева¹, Николай Константинович Топузов²,
Юнер Шамильевич Капкаев³**

¹Челябинский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Челябинск, Россия, astralavr@mail.ru

²Челябинский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Челябинск, Россия, ntopuzov2@gmail.com

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zam@csu.ru, 0000-0003-2816-1992

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов, влияющих на производительность труда работников. Гипотеза исследования основана на предположении, что исключение из основных аспектов трудовой деятельности комплекса факторов, определяющих смысл труда и придающих работе ценность, является главной причиной уменьшения производственной эффективности работников в современности. Основная цель статьи заключается в исследовании ключевых факторов, оказывающих влияние на производительность труда работника в исторической ретроспективе, что позволит выделить драйверы трудовой результативности. Установлено, что смыслообразующие основы систем активизации трудовой отдачи работников в различные исторические эпохи развития экономики как в России, так и за рубежом проявляют неоднородность и имеют качественный и эволюционный характер. Подтверждена общая тенденция проявления закона убывающей отдачи в контексте повышения трудовой активности работника: рост производственной отдачи исключительно за счет одного фактора (например, материального вознаграждения) в условиях остальных равных условий оказывается неэффективным, что удостоверяется историко-экономическим анализом. Выявлено, что низкая производственная эффективность в долгосрочной перспективе трудовой деятельности непосредственно связана с отсутствием фактора «ментальной ценности», который придает смысл трудовой жизни и определяет ценностные ориентации на уровне убеждений, мировоззрений, мироощущения, внутренних установок и смыслов. Показано, что предпринимательская активность, представляющая собой деятельность, направленную на создание и развитие бизнес-возможностей внутри организации и подразумевающую риск, инициативу, стремление к инновациям, экономическую свободу, является новой формой повышения трудовой и производственной отдачи работника в условиях кризисных переходов. Полученные результаты дают основания полагать, что, помимо действий, направленных на улучшение материального благосостояния, в современных условиях доминантную роль в трудовой отдаче работника играют социальные аспекты (такие как предпринимательское лидерство, социальное партнерство и развитие рыночных компетенций), ментальные факторы (экономическая свобода и конкурентоспособность), а также ценностные элементы (комплексное стратегическое лидерство и общее видение развития работника и организации).

Ключевые слова: производительность труда, трудовая активность, предпринимательская активность, результативность труда, производительная отдача труда, ментальная ценность труда

Для цитирования: Лаврентьева И. В., Топузов Н. К., Капкаев Ю. Ш. Драйверы трудовой результативности работника: исследование фундаментальных причин // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 88–98. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-88-98.

Original article

DRIVERS OF WORKER PRODUCTIVITY: A STUDY OF FUNDAMENTAL CAUSES

Irina V. Lavrentyeva¹, Nikolay K. Topuzov², Yuner Sh. Kapkaev³

¹Chelyabinsk Branch of RANEPa under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia, astralavr@mail.ru

²Chelyabinsk Branch of RANEPa under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia, ntopuzov2@gmail.com

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zam@csu.ru, 0000-0003-2816-1992

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors affecting the productivity of workers. The hypothesis of the study is based on the assumption that the exclusion from the main aspects of labor activity of a set of factors that determine the meaning of work and give value to work is the main reason for the decrease in the production efficiency of workers in modern times. The main purpose of the article is to study the key factors influencing employee productivity in historical retrospect, which will identify the drivers of labor productivity. It is established that the semantic foundations of the systems for activating the labor return of employees in various historical epochs of economic development both in Russia and abroad show heterogeneity and have a qualitative and evolutionary character. The general tendency of the law of diminishing returns in the context of increasing the employee's labor activity is confirmed: the growth of production returns solely due to one factor (for example, material remuneration) under other equal conditions turns out to be ineffective, which is confirmed by historical and economic analysis. It is revealed that low production efficiency in the long term of work is directly related to the absence of a factor of "mental value", which gives meaning to working life and determines value orientations at the level of beliefs, worldviews, worldview, internal attitudes and meanings. It is shown that entrepreneurial activity, which is an activity aimed at creating and developing business opportunities within an organization and implying risk, initiative, striving for innovation, and economic freedom, is a new form of increasing an employee's labor and production returns in conditions of crisis transitions. The results obtained give reason to believe that, in addition to actions aimed at improving material well-being, in modern conditions, social aspects (such as entrepreneurial leadership, social partnership and the development of market competencies), mental factors (economic freedom and competitiveness), as well as value elements (integrated strategic leadership) play a dominant role in the employee's labor productivity and a common vision of employee and organization development).

Keywords: labor productivity, labor activity, entrepreneurial activity, labor effectiveness, productive labor output, mental value of labor

For citation: Lavrentieva IV, Topuzov NK, Kapkaev YuSh. Drivers of Worker Productivity: a Study of Fundamental Causes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):88-98. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-88-98.

Введение

Возрастающее требование к сохранению высокой динамики роста всех показателей эффективности экономики с одной стороны, и снижение производительной отдачи работников с другой — составляет основное проблемное противоречие в современных условиях хозяйствования¹ [11].

Осознание низких темпов экономического роста, не соответствующих мировым стандартам, побудило правительство России установить приоритетную задачу увеличения производительности труда не менее чем на 5 % в ключевых направлениях развития страны², а также реализовать национальный проект «Производительность труда»³, всероссийскую программу «Лидеры производительности»⁴, «Адресную поддержку повышения

производительности труда» и другие государственные системные меры по улучшению производительности, включая развитие цифровых сервисов, оптимизацию бизнес-процессов, внедрение системы «Бережливого производства», программы профессиональной переподготовки управленческих кадров, а также финансовую и нефинансовую поддержку и предоставление налоговых льгот и преференций.

При снижении темпов роста показателя производительности труда, уменьшение которого в 2022 г. составило 3,6 % в 2022 г., и номинальном росте зарплат примерно на 12 % в 2023 г.⁵, более 50 % экономически активного населения, выражают недовольство указывая на «несправедливую оплату труда» и «критический уровень нагрузок». В результате многие из них (50 % опрошенных) не планируют повышать свою трудовую активность и не намерены выкладываться на работе, что может негативно сказаться на общей эффективности и динамике роста [3; 25]. Выявленный исследователями парадокс «мотивационной ловушки» [14], на наш взгляд, порождается следующими причинами:

— изменением ценностных ориентаций в трудовых установках;

обращения 31.08.2024

⁵ Сайт Федеральной службы статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

¹ Исследование MCKINSEY & COMPANY: главная проблема российской экономики — низкая производительность труда. URL: <https://gtmarket.ru/news/state/2009/04/29/1986>

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³ Паспорт национального проекта «Производительность труда и занятости населения». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/. Редакция от 18 июня 2024. Дата обращения 12.09.2024

⁴ Всероссийская программа «Лидеры производительности». URL: <https://liderypro.ru/program/> Дата

– пределами роста капитала и все возрастающим отчуждением от результатов труда наемного работника;

– рассогласованием стратегий организационного развития и системы активизации трудовой активности работника;

– дефицитом трудовых ресурсов и сменой моделей трудового поведения работника;

– развитием и активным внедрением цифровых сервисов, и оптимизацией бизнес-процессов в организации.

Зачастую цели стратегического развития и применяемые системы и методы активизации роста производительности труда не согласуются с потребностями, смыслами и ценностями трудовых ресурсов, что приводит к несоответствию и снижению эффективности деятельности.

Система экономических и управленческих приемов, методов и технологий, реализуемых в традиционных концепциях использования трудовых ресурсов, дает сбой и представляется недолговечным явлением по одной причине — сила личных устремлений работника не связывается с тактическими, операционными, и стратегическими целями деятельности.

Несоответствие между стратегией развития экономики и системой развития трудовой активности работника, отсутствие тесной взаимосвязи и согласованности между ними приводит к неэффективным, поверхностным изменениям, нарушающим баланс между экономическими и управленческими системами и ведя к нежелательным результатам.

Эволюционирование систем управления трудовыми ресурсами под влиянием турбулентных вызовов внешней среды ведут к пониманию того, что совершенствование экономических и управленческих процессов требуют разработки новых подходов в определении детерминантов трудовой результативности работника и выявления глубинных причин систем трудовой отдачи.

К хорошо известным классическим факторам роста производительности труда, как правило, относят капитал, труд, технологии, организацию и масштаб производства, которые взаимосвязаны и действуют комплексно. В современных условиях также учитываются человеческий капитал, инновации, управленческие компетенции и цифровизация.

В настоящее время появляется необходимость теоретического переосмыслить и обновить концепции и подходы, проанализировать и переосмыслить влияние ключевых факторов, способ-

ствующих росту производительности труда. Гипотезой исследования является предположение о том, что потеря смыслообразующих факторов и ментальной ценности¹ труда является фундаментальной причиной снижения трудовой отдачи работников.

Цель статьи — исследование ключевых факторов, оказывающих влияние на производительность труда работника в исторической ретроспективе, поиск драйверов трудовой результативности создающих условия для роста производительной отдачи.

Теория и методы

Анализ основополагающих факторов, движущих сил трудовой результативности работника, выделенных учеными различных направлений в качестве самостоятельного объекта исследования, целесообразно проводить через контекст эволюционно-исторической ретроспективы. В экономической и управленческой литературе существует многообразие концептуальных подходов к разрешению проблемы активизации производительной отдачи работника в процессе трудовой деятельности, предметная область которых представлена в достаточно широком диапазоне. Принимая во внимание, что система активизация работника к труду основана как материальным, так и ценностным (смыслообразующим) отношением к труду, остановимся подробнее на этой стороне проблемы с учетом ее эволюционно-исторической динамики.

В дореволюционной России идеологическим основанием трудовой деятельности являлось восприятие труда как священного долга, неотъемлемого от традиций и семейных ценностей у крестьянства, а также развитием и проникновением социалистических идей, через осознание и борьбу за права и улучшение условий положения в рабочем классе. Показателем широкой производственной инициативы и, как следствие, товарного разнообразия, получили артели [23; 24], (сохранившиеся до советского периода),² монастырские хозяйства, сельскохозяйственные об-

¹ Под ментальной ценностью авторами понимается совокупность факторов, придающих трудовой жизни смысл и определяющих его ценностные ориентации на уровне убеждений, мировоззрений, внутренних установок и смыслов.

² Статья № 588. Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. О льготах для членов промысловых артелей. Опубликовано № 316 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 17 ноября 1930 г.

щины, кооперативы [4], православные трудовые братства [31], конфессионально-производственные корпорации староверов [28; 32]. Такие формы хозяйствования, основываясь на новой трудовой этике солидаризма, коллективизма, отсутствия стяжательства, формированием общинного капитала с его артельным и финансовым распределением, приоритетом духовного над материальным и общественным над личным, породили совершенно новую форму трудовой активности. Разнообразие организационных форм хозяйствования, стимулирующих производственную активность, позволили вытеснить иностранный капитал, обеспечить среднегодовой рост экономики в 3,4% [6], достичь пятое место в мире по экономическому развитию к 1913 г. после США, Германии, Великобритании и Франции [7].

В исследовании М. А. Антонова [1] показана ограниченность западных материалистических теорий, иллюстрирующая тупиковое развитие европейской мысли в вопросе стимулирования трудовой активности населения. Дореволюционная российская интеллигенция активно формировала трудовую идеологию, развивая идею самобытности России, основанную на православии. Славянофилы (Хомяков И. В., Кириевский К. С., Мяков А. С., Аксаков К. С., Самарин Ю. Ф. и др.) выступали за эволюционное, а не революционное развитие общества, опираясь на национальные традиции и ценности. Они считали, что утрата нравственного смысла труда мешает формированию уникальной, устойчивой к кризисам российской экономической модели, в отличие от западной [15].

Развитие форм активизации трудовой деятельности советского периода основывались на марксистских и ленинских положениях о труде: «...производительность труда... это самое важное, самое главное для победы общественного строя» [21]. Через средства массовой информации и пропаганды формировалась идеологическая установка трудоцентризма в жизни советского человека, которая коррелировалась с направлением государственной деятельности строительства социализма и коммунизма, когда труд на благо общества, его процветание, увеличение богатства и усиления его мощи был почетен, а творчество и работа в коллективе единомышленников приносила смысл и радость жизни [18; 20].

Благосостояние работника, его доход также были тесно взаимосвязаны с благосостоянием государства и были подчинены принципу «от каждого по способностям, каждому по труду». В тру-

довых коллективах формировалась нравственно-этическая атмосфера на добросовестный труд, с обязательным повышением квалификации, проявлением инициативы и работы на благо общества. Основным принципом организации трудовых отношений в этот период — соответствие постулатам социалистического строя и государственное регулирование всех аспектов труда в соответствии с пятилетними планами при централизованном регулировании, с разработанной системой дисциплинарных взысканий за невыполнение норм и нецелевое расходование ресурсов и поощрений за высокие показатели и перевыполнение плана.

Внесение в сознание рабочих чувства сопричастности к великим революционным свершениям, воспитание патриотизма и верности своему предприятию — основная идеологическая основа трудовой деятельности раннего периода становления социалистического государства. Формирование чувства ответственности и лояльности у рабочих, вдохновленных революционными идеалами, стало краеугольным камнем трудовой активности на начальном этапе социалистического строительства.

Выполнение поставленной руководством страны триединой задачи (развития производительных сил, производственных отношений и формирование нового человека) позволило достичь небывалого взрыва предпринимательской активности населения во времена НЭПа со среднегодовым ростом экономики 12,7% в период 1921–1928 гг.; 14,5% — в период 1929–1940 гг. и 13% в 1946–1955 гг. [7]. Показательно, что коэффициент дифференциации доходов населения составлял 3,28, а имущественная дифференциация доходов была умеренной и определялась трудовым участием людей в экономике [6; 16].

Ликвидация предпринимательской инициативы — резкое снижение количества и, в последствии, запрет артелей, кустарей, личных приусадебных хозяйств и пр., подавление частной инициативы, побуждающих к росту трудовой активности, растущее имущественное расслоение, накопление структурных деформаций, накопление системных проблем, постепенно включают процессы бюрократизации политической, экономической и общественной жизни страны [10; 19; 29; 36], что приводит к резкому снижению темпов среднегодового роста экономики — с 1956 г. до 1991 г. в 4,9%, в период гибели СССР, а в начале перестройки (в период 1986–1991 г. г.) до 0,3%. [8]

Постперестроечный трансформационный период и по настоящее время — связан с переходом,

становлением и развитием рыночных (капиталистических) отношений, где работодатель стремится к максимальной эффективности в использовании ресурсов, что в соответствии с концепцией Парето-оптимальности и критериев оценки эффективности, неизбежно приводит к конфликту интересов между работодателем и наемными работниками — «улучшение положения одних невозможно без ухудшения положения других» [9].

Принцип универсальности и благотворного действия прибыли, денежного культа, примата экономического детерминизма во всех сферах жизни, постепенно входит в противоречие с традиционным жизненным укладом, приводя общество к различным девиациям не только экономического, но и человеческого существования [32]. Резкое падение ВВП (на 15%) в первый год монетаристской политики, сокращение реальной заработной платы (на 30%), обвал производства на 42% в период 1991–1998 гг., сопровождавшиеся гиперинфляцией (до 18%) стали результатами проведения монетаристской политики в России [17].

Индифферентное, становящееся бременем и балластом отношение к работе, связывается с дефицитным качеством самостоятельности трудовой деятельности российских работников [2; 33] и ее незначительной роли как ценности жизни и способа реализации вне уровня материального вознаграждения. Потеря смыслообразующих функций труда, позиционируемая лишь как получение заработка и средство для выживания, по мнению авторов [5; 20; 26; 34,] представляется кризисной, и, естественно, не повышает производительную отдачу работника наемного труда. В современных реалиях начинает формироваться такая социально-экономическая норма трудовой деятельности как бесполезный труд [27; 37; 38], с автоматическим осуществлением набора производственных функций, не нужных ни для индивида, ни для общества, порождающий патологическую бюрократию, деструктивное администрирование, потерю индивидуальной ценности, абсентеизм, деградацию личности и прочие девиации трудового поведения, не способствующие повышению трудовой отдачи работника.

Согласно маржинальной теории и закону убывающей отдачи, применение денежной мотивацией на основе принципа насыщения в системе интенсификации труда наемного работника оказывается неэффективным методом увеличения производительности, что свидетельствует о недостаточности используемой модели максимизации прибыли в долгосрочном периоде.

Более того, такой подход не учитывает всю неоднородность и сложность человеческого поведения. Стремление бизнеса к краткосрочной максимизации прибыли, основанное на предположении о рациональном поведении наемных работников, приводит к игнорированию их интересов (с потерей смысла трудовой деятельности для последних) и, как следствие, — нарастанию конфликта между управлением и трудом.

Такие трудовые отношения способствуют появлению не только неравенства в образовании, доходах, богатстве, качестве жизни, порождают потребительскую и гедонистическую культуру, где успех и статус измеряются материальными благами, но и формирует систему деформированных ценностных смыслов трудовой жизни, негативно сказывающихся на социальной сплоченности и ценностных ориентирах общества.

В азиатской модели развития предпринимательской активности [30], апробированной в системе менеджмента качества на японских предприятиях, инициирована попытка, снимающая основное противоречие капиталистической эксплуатации, заложенной в теории трудовой стоимости. Вместо максимизации текущего дохода на акцию, принята попытка максимизировать добавленную стоимость производственной деятельности, в которой темпы роста прибыли и оплаты труда имеют одинаковое значение и распределяются в соответствии с принципом справедливости и новых партнерских отношений. Доходность компании распределялась по справедливому вкладу работника (и управленца, и специалиста и рабочего) в зависимости от его вклада в производственную деятельность. Заметим, что эта модель, позволившая реализовать японское экономическое чудо, и основанная на принципах справедливости, вовлеченности и раскрытия творческого и инновационного потенциала работника, своим современным подходом, в принципе, повторяет идеи солидаризма и коллективизма, описанные ранее в моделях советского экономического чуда раннего периода становления СССР.

Результаты исследования и их обсуждение

Являясь неотъемлемой частью человеческой природы, трудовая деятельность выполняет не только экономические задачи, но и формирует социальную природу, смысл и ценности в жизни человека [22]. Запрет работнику на созидательную и творческую деятельность, в ходе которой создается нечто новое и полезное, приводит к тому, что труд теряет свою суть как средство самовыраже-

ния и реализации свободы личности [13]. Создавая социальные связи между людьми трудовая активность стимулирует сотрудничество, коллективизм, солидарность, обмен и взаимодействие в социуме.

Становясь основанием для самоидентификации и самооценки для многих людей трудовая деятельность является источником смысла и цели в жизни. В. Франкл [35] утверждал, что поиск смысла в жизни может быть осуществлен через труд, особенно когда работа связана с личными ценностями и призванием. Таким образом, потеря смыслообразующих факторов и ментальной ценности в труде является фундаментальной причиной снижения трудовой отдачи работника.

Анализ подходов активизации трудовой деятельности показывает неоднородность их смыслообразующего основания в разные исторические периоды развития экономики в России и за рубежом. Рассматриваемая эволюция подходов носит как качественный, так и эволюционный характер.

Под качественным переходом понимается переход работника на экономическую свободу и полную финансовую самостоятельность, подразумевающую право человека принимать собственные экономические решения в отношении производства, распределения, обмена, и потребления товаров и услуг, без неоправданного вмешательства государства и других организаций, независимость от внешних источников финансирования, способность самостоятельно обеспечивать свои потребности.

К формам деятельности работника в этом случае могут быть отнесены: предпринимательская деятельность — от индивидуального предпринимательства до создания управления собственного бизнеса; самозанятость — независимость от работодателя и самостоятельное управление своей деятельностью; фрилансинг — предоставление услуг на договорной основе, без постоянного трудового договора; бизнес на основе самозанятости — создание и развитие собственного дела.

Эволюционный подход подразумевает создание таких адаптивных кооперационных форм и структур хозяйствования, которые поддерживают инновационность, самостоятельность, предпринимательскую инициативность и учитывают ценностный контекст в развитии работника внутри организации. Эволюционные пути развития предполагают создание адаптивных структур внутри организации, способствующих реализации инновационного и творческого потенциала работника. Внедрение современных экономических методов

в управлении (бережливое производство, реинжиниринг, цифровые технологии) с учетом ценностных ориентаций трудовых ресурсов позволяют осуществить этот подход. В развитии этого предполагается постепенная трансформация и переход к культуре предпринимательской активности, предоставляющую работникам больше экономической свободы, самостоятельности, ответственности и возможности участия в принятии стратегических экономических и управленческих решений.

Изучение опыта реализации проектов «Бережливое производство» на ряде предприятий Челябинской области в рамках национального проекта «Производительность труда», показало, что постоянное совершенствование процессов, стимулирующих инициативу и инновации сотрудников, является ключевым фактором повышения производительности труда и построения эффективных партнёрских отношений между работодателем и работником. Итоговыми показателями реализации национального проекта за ноябрь 2023 г. стали: — ускорение выпуска продукции — сокращение на 40,2 % цикла производства изделия (от выхода заготовок до отгрузки готовой партии заказчику). Производительность труда на человека за смену выросла на 26,6 % с уменьшением объема незавершенного производства на 38,1 % [12].

Результаты опроса фокус-группы рабочих (табл. 1), принимающих участие в проекте, показали высокую степень готовности проявлять инициативу, предлагать идеи на улучшение рабочих процессов и реализовывать собственные проекты в рамках своей профессиональной деятельности, стремление достигать поставленные цели и улучшать показатели работы, умение самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность, что позволило получить результаты роста производительности труда.

Полученные данные по оценке влияния трудовой активности на рост производительности труда дают основания утверждать, что кроме активности, направленной на улучшение материального благополучия и денежного интереса, значительный вес в трудовой отдаче работника приобретают социальное измерение (предпринимательское лидерство, социальное партнёрство, развитие рыночных компетенций), ментальные факторы (экономическая свобода и соревновательность), ценностные факторы (комплексное стратегическое развитие и видение).

Средние значения второй, третьей и четвертой групп измерителей доминируют над первой

Результаты опроса фокус-группы по оценке влияния трудовой активности на производительность труда

The results of the focus group survey on assessing the impact of labor activity on labor productivity

№ п/п	Направление влияния трудовой активности на производительность труда	Факторы развития компетенций трудовой активности, влияющих на производительность труда	Количественные оценки				
			Размер фактора		Значимость фактора	Оценка фактора	
			База	Проект		База	Проект
1	Функциональное измерение	Предпринимательский доход	5	6			
		Материальное стимулирование	4	5			
		Экономическая самостоятельность	3	8			
		Суммарная оценка критерия	12	19	0,25	3	4,75
2	Ментальное измерение	Экономическая свобода	2	8			
		Материальная заинтересованность	5	6			
		Соревновательность	2	7			
		Суммарная оценка критерия	9	22	0,25	2,25	5,5
3	Социальное измерение	Предпринимательское лидерство	3	7			
		Развитие рыночных компетенций	4	7			
		Социальное партнёрство	2	7			
		Суммарная оценка критерия	9	21	0,25	2,25	5,25
4	Ценностное измерение	Стратегическое развитие	2	5			
		Развитие стратегических компетенций	3	8			
		Стратегический подход к развитию бизнеса	2	6			
		Суммарная оценка критерия	7	19	0,25	1,75	4,75
Суммарная оценка					1,0	9,25	20,25

Источник: составлено авторами.

(функциональной) группой, а рыночные компетенции, экономическая свобода, находятся в приоритете по сравнению «материальным» стимулированием. В итоге, включение в проект дополнительных факторов трудовой отдачи позволяет работникам сосредотачиваться не только на материальном вознаграждении, но и получать удовлетворение от работы, учитывающие их личные ценности и социальные потребности.

Заключение

Оптимизация трудовой деятельности в современных условиях достигается путем интеграции ценностных и смыслообразующих компонентов, наряду с приемами и факторами, традиционно применяемыми в рабочем процессе. Для этого необходим новый подход, позиционирующий ментальную ценность труда как совокупность факторов, придающих трудовой жизни смысл и определяющих его ценностные ориентации на уровне

убеждений, мировоззрений, внутренних установок и смыслов — как ключ к повышению производительной эффективности работника.

Выявлено, что предпринимательская активность работника как деятельность, связанная с созданием и развитием бизнес-возможностей внутри организации, подразумевающая риск, инициативу, и стремление к инновациям, является новой формой активации трудовой и производительной отдачи работника в кризисных переходах развития организации.

В результате проведенного анализа подтверждена общая тенденция действия закона убывающей отдачи в системе активизации трудовой деятельности работника. Рост производственной отдачи за счет лишь одного фактора (например, материального стимулирования) при прочих равных условиях не эффективен, что подтверждается историко-экономическим анализом воздействия различных стимулов (идеологических, матери-

альных, административных, организационных). Трудовая деятельность, рассматриваемая лишь как источник заработка и средство существования, в перспективе создает кризисную ситуацию и снижает производительность труда наемных работников.

Российские работники, лишённые экономической свободы и самостоятельности в труде, воспринимают его как обузу, не видя в нем ценности и возможности самореализовываться вне материального вознаграждения. В общем и целом, низкая производственная отдача в долгосрочном периоде

трудовой деятельности напрямую связана с отсутствием чувства смысла и ценности выполняемой работы.

Таким образом, в качестве драйверов трудовой результативности работников, можно выделить факторы, относящиеся к ментальному, социальному и ценностному измерению. Приоритетное значение имеют стратегические компетенции, экономическая самостоятельность и экономическая свобода, немаловажным фактором остаётся социальное партнёрство.

Список источников

1. Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов. М., 2008. 416 с.
2. Баймурзина Г. Р. и др. Труд в изменяющемся мире: трансформации в трудовой сфере труда и фокус новых исследований (круглый стол) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 3–26.
3. Башкатова А. Зарплата потеряла стимулирующую функцию. Работники не видят связи между трудозатратами и вознаграждением // Независимая газета. 2023. 17 июля.
4. Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время, и после большевиков. М. : Наука, 2005.
5. Богатырев И. В. Оценка влияния материальной заинтересованности трудовой активности персонала на рост производительности труда // Экономика труда. 2022. № 9 (4). С. 827–840.
6. Верхотуров Д. Н. Экономические победы Сталина. М. : Наше завтра, 2021. 244 с.
7. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2022. 328 с.
8. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? (Коллекция Изборского клуба). М. : Книжный мир, 2016. 640 с.
9. Григорьева К. В. Парето-оптимальность в статистической конкурентной модели принятия решений // Информационные управленческие системы. 2015. № 5 (78). С. 124–129.
10. Диденко Д. В., Гринева Н. В. Факторы роста экономики позднего СССР в пространственной перспективе // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 2. С. 88–119.
11. Исаева А. С., Капкаев Ю. Ш. Феномен «бедных рабочих» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 14 (410). С. 45–52.
12. Казаков С. Г. Пресс-конференция от 29.11.2022 г. медиахолдинга Гранада Пресс и фонда развития промышленности Челябинской области. 2023.
13. Кант И. Критика практического разума. М. : Изд-во АСТ, 2024. 256 с.
14. Карачаровский В. В., Гурулева М. Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 34–46.
15. Катасонов В. Ю., Шарпова С., Трофимова В. Б. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. М. : Институт русской цивилизации : Кислород, 2016. 656 с.
16. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
17. Катасонов, В. Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М. : Кислород, 2014. 408 с.
18. Клинова М. А. Эволюция образа трудовой деятельности населения в газете «Правда» (1946–1953 годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 468–482.
19. Крашенинников П. В. Государство против революции. 1928–1938. М. : Эксмо, 2024. 400 с.
20. Лапина Т. А. Трансформация отношений к труду в современности // Вестник ОмГУ Серия Экономика. 2006. № 3. С. 46–51.
21. Ленин В. И. Великий почин // ПСС. 1970. Т. 39. С. 21.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. М. : Изд-во URSS, 2022. 642 с.

23. Пасс А. А., Рыжий П. А. О государственной промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950 г. г.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 114–122.
24. Платонов О. А. Большая энциклопедия русского народа. Том «Русское хозяйство. М. : Институт русской цивилизации, 2006.
25. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Заработная плата как значимый предиктор трудового поведения работников // Социально-трудовые исследования. 2024. № 54(1). С. 83–98.
26. Покида А. Н. Трансформация системы трудовых ценностей занятого населения // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1. С. 164–176.
27. Попов Е. А., Попов Е. А. Беспольный труд в концепции Дэвида Грэбера // Философия и культура. 2021. № 8. С. 94–108.
28. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года Издательство «Концептуал». М., 2018. 528 с.
29. Сафронов А. В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 2. С. 120–145.
30. Сио К. К. Управленческая экономика : пер. с англ. М. : Инфра-М, 2000. 671 с.
31. Сомин Н. В. Крестовоздвиженское трудовое братство Николая Николаевича Неплюева // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 1 (8). С. 57–72.
32. Спицын Е. Ю., Пыжиков А. В. Кто такие староверы и старообрядцы // Канал МГПУ. 2019. С. 1–15.
33. Темницкий А. Л. Потенциал социокультурной модели в исследованиях трудового поведения наемных работников современной России // Сборник материалов Международной научной конференции «Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций» (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). 2019. № 12. С. 93–113.
34. Темницкий А. Л., Бочарова В. Ю., Гуриева С. Д., Карапетяна Р. В. Ценностный аспект в формировании индивидуальной субъектности российских работников // Новая парадигма труда и развитие занятости: риски и возможности: сборник научных статей. СПб. : Скифия-принт, 2022. С. 160–173.
35. Франкл В. В поисках смысла жизни. Альпина нон фикшн, 2022. С. 101.
36. Ясин Е. Г. Российская экономика // Истоки и панорама рыночных реформ. 2019. С. 16–17.
37. Graeber D. Dead zones of imagination // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2012. № 2 (2). Pp. 105–128. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau2.2.007>
38. Graeber D. Toward an anthropological theory of value: the false coin of our own dreams. New York : Palgrave, 2001. 337 p.

References

1. Antonov MF. Economic doctrine of Slavophiles. Moscow; 2008. 416 p. (In Russ.).
2. Baymurzina GR et al. Labor in a changing world: transformations in the labor sphere and the focus of new research (round table). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2024;(5):3-26. (In Russ.).
3. Bashkatova A. Salary has lost its stimulating function. Employees do not see the connection between labor costs and remuneration. *An independent newspaper*. 2023. 17.07. (In Russ.).
4. Bilimovich AD. Cooperation in Russia before, during, and after the Bolsheviks. Moscow; 2005. (In Russ.).
5. Bogatyrev IV. Assessment of the influence of material interest in the labor activity of personnel on labor productivity growth. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2022;9(4):827-840. (In Russ.).
6. Verkhoturov DN. Stalin's economic victories. Moscow; 2021. 244 p. (In Russ.).
7. Galushka AS, Niyazmetov AK, Okulov MO. Crystal of growth. To the Russian economic miracle. Moscow; 2022. 328 p. (In Russ.).
8. Glazyev SYu. Economics of the future. Does Russia have a chance? (Collection of the Izborsky Club"). Moscow; 2016. 640 p. (In Russ.).
9. Grigorieva KV. Pareto-optimality in a statistical competitive model of decision-making. *Informacionnye upravlencheskie sistemy = Information management systems*. 2015;5(78):124-129. (In Russ.).
10. Didenko DV, Grineva NV. Economic growth factors of the late USSR in a spatial perspective. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2022;17(2):88-119. (In Russ.).
11. Isaeva AS, Kapkaev YuSh. The phenomenon of “poor workers”. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;(4(410):45-52.

12. Kazakov SG. Press conference on 11/29/2022 of the Granada Press media holding and the Industrial Development Fund of the Chelyabinsk Region, 2023. (In Russ.).
13. Kant I. Criticism of practical reason. Moscow: Publishing house AST; 2024. 256 p. (In Russ.).
14. Karacharovskiy VV, Guruleva MN. The trap of motivation in the Russian labor market. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2023;(8):34-46. (In Russ.).
15. Katasonov VYu, Sharpova S, Trofimova VB. Economic theory of Slavophiles and modern Russia “Paper ruble”. Moscow; 2016. 656 p. (In Russ.).
16. Katasonov VYu. Stalin’s Economics. Moscow; 2014. 416 p. (In Russ.).
17. Katasonov VYu. The religion of money. The spiritual and religious foundations of capitalism. Moscow: Oxygen; 2014. 408 p. (In Russ.).
18. Klinova MA. The evolution of the image of the labor activity of the population in the newspaper Pravda (1946–1953). *Novejshaya istoriya Rossii = The modern history of Russia*. 2020;10(2):468-482. (In Russ.).
19. Krashenninikov PV. The state against the revolution. 1928–1938. Moscow; 2024. 400 p. (In Russ.).
20. Lapina TA. Transformation of attitudes to work in modern times. *Vestnik OmGU Seriya Ekonomika = Bulletin of OmSU Economics Series*. 2006;(3):46-51. (In Russ.).
21. Lenin VI. The Great initiative. 1970. Vol. 39. P. 21. (In Russ.).
22. Marx K, Engels F. German ideology: Criticism of the latest German philosophy in the person of its representatives Feuerbach, B.Bauer and Stirner and German socialism in the person of its various prophets. Moscow; 2022. 642 p. (In Russ.).
23. Pass AA, Ryzhy PA. On state industrial cooperation in the USSR in the second half of 1950.: causes and consequences. *Socium i vlast’ = Society and Power*. 2012;5(37):114-122. (In Russ.).
24. Platonov OA. The Great Encyclopedia of the Russian people. Russian Russian Economy volume. Moscow; 2006. (In Russ.).
25. Pokida AN, Zybunovskaya NV. Wages as a significant predictor of labor behavior of employees. *Social’no-trudovye issledovaniya = Socio-labor research*. 2024;54(1):83-98. (In Russ.).
26. Pokida AN. Transformation of the system of labor values of the employed population. *Social’no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*. 2022;(1):164-176. (In Russ.).
27. Popov EA, Popov EA. Useless labor in the concept of David Graber. *Filosofiya i kul’tura = Philosophy and Culture*. 2021;(8):94-108. (In Russ.).
28. Pyzhikov AV. The facets of the Russian schism. The secret role of the Old Believers from the 17th century to the 17th year Publishing House “Conceptual”. Moscow; 2018. 528 p. (In Russ.).
29. Safronov AV. Bureaucratic and technological limitations of computerization of planning in the USSR. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2022;17(9):120-145. (In Russ.).
30. Sio KK. Managerial economics. Moscow; 2000. 671 p. (In Russ.).
31. Somin NV. Krestovozdvizhenskoe labor brotherhood of Nikolai Nikolaevich Neplyuev. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiya = Bulletin of the PSU IV: Pedagogy. Psychology*. 2008;1(8):57-72. (In Russ.).
32. Spitsyn EYu, Pyzhikov AV. Who are the Old Believers and Old Believers. The MGPU channel. Access mode <https://youtu.be/Zxy6VDJjW-8?si=AYn9-lyNnmJYiVtw> Date of application: 12.05. 2022 (In Russ.).
33. Temnitskiy AL. The potential of the socio-cultural model in the research of the labor behavior of employees in modern Russia. In: Sbornik materialov Mezhdunarodnaya nauchnoj konferenciya «Budushchee sociologicheskogo znaniya i vyzovy social’nyh transformacij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Yadova)» = Collection of materials of the International scientific conference “The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V. A. Yadov)”. 2019;(12):93-113. (In Russ.).
34. Temnitskiy AL, Bocharova VYu, Gurieva SD, Karapetyan RV. Value aspect in the formation of individual subjectivity of Russian workers. In: New paradigm of labor and employment development: risks and opportunities: collection of scientific articles. under the general editorship. St. Petersburg; 2022. P. 160–173. (In Russ.).
35. Frankl V. In search of the meaning of life. Moscow; 2022. 101 p. (In Russ.).
36. Yasin EG. Russian economy. In: Istoki i panorama rynochnyh reform = The origins and panorama of market reforms. 2019. Pp. 16–17. (In Russ.).
37. Graeber D. Dead zones of imagination. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012;2(2):105-128. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau2.2.007>
38. Graeber D. Howard an anthropological theory of value: the false coin of our own dreams. New York, Palgrave; 2001. 337 p.

Информация об авторах

И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента.

Н. К. Топузов — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.

Ю. Ш. Капкаев — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

I. V. Lavrentyeva — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management.

N. K. Topuzov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Yu. Sh. Kapkaev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 04.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.101.542+334

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-99-109

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА: ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Людмила Ивановна Макарова^{1✉}, Елена Сергеевна Ткач²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, bml@yandex.ru, 0000-0001-8153-4570

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, elena-tkach@yandex.ru, 0000-0002-4032-8399

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению институциональных контекстов корпоративной социальной ответственности (КСО) на макроэкономическом уровне. На основе проведенного анализа литературы авторы подчеркивают интерес исследователей многонациональной аудитории к особенностям проявления корпоративной социальной ответственности, экологическим и социальным последствиям законодательных инициатив в области формирования ответственного поведения бизнеса как фактора снижения транзакционных издержек, повышения устойчивости социально-экономических систем с учетом национальной специфики. Макроэкономический подход к определению уровня корпоративной социальной ответственности в разрезе международных сопоставлений в настоящей статье основан на использовании таких показателей, как валовый продукт на душу населения, коэффициент Джини и индексы экологической безопасности, которые, по мнению авторов исследования, позволяют наиболее точно оценить содержание институционального концепта КСО как сложно эколого-социо-экономического феномена. Кроме того, выбор указанных показателей объясняется регулярностью публикаций, доступностью и открытостью информации о них на сайтах соответствующих международных организаций, что обеспечивает валидность используемой информации. Собранный массив данных применен для построения корреляционной модели, позволяющей оценить влияние каждого из выбранных показателей на национальный уровень КСО в той или иной стране. Проведена проверка данных модели с помощью традиционных эконометрических методов. Разработаны рекомендации, предполагающие возможные направления развития дальнейшего исследования в целях продвижения институционального контекста КСО на макроэкономическом уровне.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, экономические институты, политические институты, индекс восприятия коррупции, индекс прав собственности, индекс верховенства права

Для цитирования: Макарова Л. И., Ткач Е. С. Корпоративная социальная ответственность и институциональная среда: оценка взаимосвязи // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 99–109. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-99-109.

Original article

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AND INSTITUTIONAL ENVIRONMENT: ASSESSING THE RELATIONSHIP

Lyudmila I. Makarova^{1✉}, Elena S. Tkach²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, bml@yandex.ru, 0000-0001-8153-4570

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, elena-tkach@yandex.ru, 0000-0002-4032-8399

Abstract. The researchers discuss various institutional contexts of corporate social responsibility (CSR) at the macroeconomic level. Based on literature review, the authors emphasize different scholars' interest in national characteristics of CSR, environmental and social consequences of legislative initiatives in this area, as well as opportunities to use this phenomenon as a factor for reducing transaction costs and enhancing the resilience of socio-economic systems considering national specifics. The macroeconomic approach to determining the level of CSR through international comparisons is based on indicators such as gross domestic product per capita, the Gini coefficient, and ecological safety indicators, which, according to the study's authors, most accurately reflect the institutional context

of CSR. Additionally, the choice of these indicators is justified by their regular publication, availability, and transparency of information provided by relevant international organizations, thereby increasing the validity of the data used. The collected dataset was utilized to construct a correlation model that allows assessing the impact of each selected indicator on the national level of CSR in various countries. Traditional econometric methods were employed to verify the model's accuracy. Recommendations have been developed to suggest potential directions for further research aimed at promoting the institutional context of CSR at the macroeconomic level.

Keywords: corporate social responsibility, sustainable development, institutional environment, specification of property rights, corruption perception index, level of law-abidance

For citation: Makarova LI, Tkach ES. Corporate Social Responsibility and Institutional Environment: Assessing the Relationship. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):99-109. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-99-109.

Введение

Изучение влияния институциональной среды на корпоративную социальную ответственность (КСО) представляется важным, поскольку применимость различных норм и правил регулирования и наличие различных национальных особенностей по-разному определяют характеристики данного социально-экономического феномена в различных странах. КСО рассматривается как своеобразный инструмент снятия противоречия между частными и коллективными интересами: бизнеса — к максимизации прибыли, общества — к успешному развитию граждан. Хотя не все исследователи согласны с этой точкой зрения: некоторые из них указывают на то, что концепция корпоративной социальной ответственности, несмотря на свою позитивную риторику, служит узким деловым интересам крупных корпорации [1].

Тем не менее, оставаясь в рамках научной дискуссии, большинство авторов считают возможным рассматривать КСО на макроэкономическом уровне как инструмент решения экологических и социальных проблем в ходе взаимодействия корпораций с обществом и окружающей средой, в том числе в развивающихся экономиках [2]. Эти проблемы рассматриваются как на глобальном, так и на региональном уровне [3; 4].

Анализ публикаций, посвященных КСО в ведущих экономических журналах за последние годы, позволяет констатировать, что авторы проявляют особый интерес к этой проблеме. Всё многообразие рассматриваемых вопросов можно условно разделить на три блока.

Первый блок состоит из статей, посвященных генезису концепции КСО, где отличительной особенностью современной интерпретации является акцент на ее этической составляющей, необходимости выполнения не только финансовых, но и нефинансовых обязательств, которые компании берут на себя на добровольной основе перед широким кругом заинтересованных сторон [5].

Второй блок включает статьи, посвященные влиянию КСО на экономические показатели компании. Авторы отмечают, что распространение КСО приводит к снижению транзакционных издержек за счет расширения взаимодействия со стейкхолдерами и уменьшения информационной асимметрии за счет повышения информационной прозрачности [6], росту репутационного капитала [7], увеличению инвестиций в корпоративное управление, привлекательности компаний, изменению финансовых показателей, увеличению добавленной стоимости [8].

Третий блок состоит из статей, посвященных влиянию институциональной среды на развитие КСО. Наряду с общими вопросами о существовании взаимосвязи между институциональной средой и КСО [9], в нем рассматриваются национальные особенности КСО, а также социальные и экологические последствия законодательных инициатив в области КСО.

Краткий обзор литературы по теме исследования представлен в табл. 1.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании важности изучения взаимовлияния корпоративной социальной ответственности и институтов на макроэкономическом уровне с возможностью анализа и оценки уровня КСО в контексте межнациональных сопоставлений.

Согласно представленной выше цели исследовательской работы следующим шагом является изложение задач исследования.

Задачи исследования:

1. Анализ научных публикаций российских и зарубежных авторов по теме исследования, посвященных изучению различных аспектов корпоративной социальной ответственности в разрезе межнациональных сравнений.

2. Рассмотрение категориального и методологического аппарата научного исследования.

**Актуальные вопросы корпоративной социальной ответственности
(на основе краткого обзора литературы)
Current issues of corporate social responsibility (based on a brief review of the literature)**

Влияние КСО на результаты деятельности компании		Влияние институциональной среды на КСО	
Рассматриваемые авторами вопросы	Авторы	Рассматриваемые авторами вопросы	Авторы
1. КСО как фактор снижения транзакционных издержек компании [6]	Cheng и др., 2014	1. Общие вопросы влияния институциональной среды на КСО [9; 18]	Hafenbrädl and Waeger, 2017 Brammer и др., 2012
2. Корпоративная социальная ответственность как фактор роста долгосрочной рентабельности собственного капитала [8]	Flammer, 2015	2. Влияние национальной культуры на распространение КСО [19]	Crane и др., 2013
3. КСО как фактор, способствующий росту репутационного капитала компании [7]	Servaes, Tamayo, 2013	3. Национальные особенности КСО в различных странах [10; 12–15]	Makka and Nieuwenhuizen, 2018; Elambilassery and Gurunathan, 2018; Thiripurasundari, 2014; Lau и др., 2018.
4. КСО как фактор привлечения потенциальных инвесторов, повышения инновационного потенциала компании [14]	Halkos and Skouloudis, 2018	4. Социальные и экологические последствия законодательных инициатив в области КСО [20]	Gilberthorpe, 2018

Источник: составлено авторами.

3. Рассмотрение основных понятий институциональной теории, транзитивно синтезируемых на макроэкономическом уровне.

4. Проведение анализа и оценки уровня корпоративной социальной ответственности в свете межстрановых сопоставлений, выявление и оценка влияния значимых институциональных факторов на уровень КСО на национальном уровне. Использование методов математического моделирования для оценки взаимовлияния указанных факторов с возможностью проверки гипотезы с помощью традиционных тестовых решений.

В силу достаточного интереса современных исследователей к корпоративной социальной ответственности, как внутри страны, так и за рубежом, имеется широкий спектр научных подходов к анализу и оценке уровня КСО, базирующихся в том числе на рейтинговых или рэнкинговых инструментах интеграции разновекторных метрик. Однако решение данной проблемы через призму институтов не является устоявшимся трендом, а ведь именно институциональный контекст позволяет перейти от отдельных практик и индивидуального опыта к методологическому обобщению. Опираясь на существующую базу исследований и разработок (в том числе опубликованных авторами ранее [21]), делается попытка осуществить синтез специфических индикаторов, позволяющих наиболее точно отразить институциональный кон-

текст КСО с акцентом на уровне межнациональных сопоставлений.

Методология исследования

Прежде чем анализировать влияние институциональной среды на корпоративную социальную ответственность, определим суть КСО, используя категориальные рамки экономики соглашений. Вполне оправданно обратиться к теоретическим достижениям Люка Болтански и Лорана Тевено — основателей экономики соглашений [22].

Из всего многообразия институциональных соглашений для анализа КСО наиболее значимыми являются индустриальное (обеспечивает непрерывность воспроизводства экономических благ), рыночное (направлено на максимизацию прибыли экономических агентов), гражданское (способствует согласованию интересов общества и отдельно взятого индивида), экологическое (гармонизация взаимодействия с окружающей средой), а также соглашение общественное мнение.

В институциональной экономике известны три варианта соотношения соглашений: экспансия, компромисс и касание. Особое место занимает компромисс, представляя собой соглашение, генерирующее синтетические нормы, позволяющие устранять противоречия между разными требованиями. Опираясь на концепт компромисса,

вполне можно утверждать, что КСО представляет собой одну из синтетических нор, обеспечивающих согласование интересов бизнеса и социума посредством нивелирования противотечений между индустриальными, рыночными, экологическими и социальными соглашениями.

Определив таким образом Корпоративную социальную ответственность, перейдем к изучению влияния институциональной среды на КСО. На самом деле уровень развития Корпоративной социальной ответственности, отношение общества и самих предприятий к корпоративной социальной ответственности различаются в разных странах мира. Несмотря на наличие международных инициатив, стимулирующих развитие КСО (Глобальный договор, международные рейтинги, тендеры и т. д.), природа КСО во многом определяется национальной спецификой: отношениями бизнеса, государства и общества, состоянием институциональной среды. Рассмотрим их ниже.

Изучая процесс развития корпоративной социальной ответственности в России в постсоветский период, представляется возможным выделить три основных этапа.

Первый этап — с 1991 по 2000 г. — резкое сокращение социальных расходов. Если при социализме стоимость социальных выплат, предоставляемых предприятиями, находилась на уровне 18–25% [23], то в начале 1990-х гг., в условиях кризиса, предприятия стремились максимально сократить социальные расходы. В результате около 70% социальных объектов, финансируемых непосредственно предприятиями, были переданы в муниципальную собственность [23].

На втором этапе — с 2000 по 2010 г. — социальная сфера предприятий стабилизируется. Оживление экономической ситуации позволяет предприятиям рассматривать в качестве приоритетных задач не только получение краткосрочной прибыли, но и заботиться о воспроизводстве человеческого капитала. На данном этапе сокращение социальной инфраструктуры предприятия приостанавливается.

Третий этап — с 2010 г. по настоящее время — реализация функции бюджетного замещения в социальной сфере, особенно среди крупных российских компаний. Корпоративное руководство оценивает функционирование социальных объектов как неотъемлемую часть деятельности предприятия.

Переход к третьему этапу развития КСО российских предприятий можно объяснить следующими факторами:

1) процессы естественной эволюции бизнеса, необходимость формирования корпоративного имиджа с учетом мнений заинтересованных сторон — сотрудников компании, поставщиков, потребителей продукции, общества в целом. Как известно, в современных условиях репутационный капитал компании, который зависит, в том числе, от корпоративной социальной ответственности, имеет исключительное значение;

2) интернационализация экономических отношений, которая предъявляет серьезные требования к деятельности компаний в социальной сфере. Около 31% руководителей в качестве причины КСО называют в том числе необходимость конкурировать на мировом рынке [24].

В последнее десятилетие особо широкое распространение среди подходов к оценке КСО получили рейтинговые методы, которые обычно основываются на общепринятых критериях, отражающих ту или иную степень взаимодействия корпораций со стейкхолдерами. Большинство рейтингов составляется неправительственными организациями.

Например, агентство АК&М при составлении рейтинга КСО использует показатели совокупного социального эффекта и социальной эффективности. Лидерами данного рейтинга в 2022 году в различных отраслях стали:

- в энергетике: Росатом, Юнипро, Татэнерго;
- в нефтегазовой отрасли: ИНК, Сургутнефтегаз, Газпром; в транспортной отрасли: РЖД, Аэрофлот;
- в отрасли торговли: X5, Магнит, Лента;
- в цветной металлургии и горной добыче: Норильский Никель, Алроса, Полюс;
- в черной металлургии: Металлоинвест, Северсталь, ММК;
- в химии и нефтехимии: Фосагро, Сибур¹.

Анализ отчетов по КСО вышеуказанных компаний позволяет сделать вывод, что КСО рассматривается как непреложное условие успеха на рынке, необходимый инструмент привлечения инвесторов, ориентированных на «зеленый» концепт в рамках парадигмы устойчивого развития.

Влияние институциональной среды на КСО может быть представлено с помощью оценки КСО на макроуровне.

¹ Списочный рейтинг ответственности перед обществом крупнейших российских компаний 2023. URL.: https://www.akm.ru/upload/akmrating/AK&M_social_responsibility_Rating_2023.pdf?ysclid=m2htqn7saz951887831 (дата обращения 1.11.2024).

Попытки адекватной оценки корпоративной социальной ответственности на макроуровне предпринимаются не одно десятилетие с разной степенью успеха, что подтверждается анализом имеющихся показателей, чаще всего основанных на индексном методе, в 80% публикаций, посвященным количественным оценкам использован именно этот подход [25]. Не редко предлагаемые методы оценки дают противоречивые результаты из-за проблем с измерением. В эмпирических исследованиях используются как одномерные, так и многомерные модели, базирующиеся на опросах, анкетах, экспертных оценках, измерениях независимых международных организаций. Ни один из предложенных подходов к количественной оценке КСО не является беспроблемным, поскольку существуют две проблемы: субъективность исследования и систематическая ошибка выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

На наш взгляд, для обоснованного выбора показателя, оценивающего социальную ответственность бизнеса на макроуровне, важно обратиться к сути КСО, учесть те факторы, которые способствовали появлению данной концепции. Корпоративная социальная ответственность как парадигмальная идея направлена на разрешение противоречий между стремлением бизнеса повышению благосостояния через повышения стоимости компании на базе максимизации прибыли и осознанием необходимости решения экологических и социальных проблем. Фактически КСО в рамках реализации концепции устойчивого развития призвана обеспечить баланс между экономическим, социальным и экологическим нарративом. В целях комплексной оценки корпоративной социальной ответственности на макроуровне представляется возможным ориентироваться на три

ключевых индикатора: ВВП на душу населения (как проявление экономической составляющей), индекс Джини (как социальная составляющая) и индекс экологической эффективности (как экологическая составляющая).

Таким образом, характеристики КСО на макроуровне можно схематично представить следующим образом (рис. 1).

На основе предложенных показателей мы составили сводный показатель, характеризующий уровень КСО в обществе. Он варьируется от 25 до 245. Здесь минимальные значения КСО указаны в Южной Африке (25), Мозамбик (37) и Гана (49). Максимальные значения отмечены в Норвегии (244), Ирландия (243), Швейцарии (237), Дании (218) (табл. 2).

С целью оценка воздействия базовых институтов общества на уровень развития КСО обратимся к концепции институциональных матриц С. Г. Кирдиной [26].

Схематично влияние базовых институтов на КСО представим, воспользовавшись известной пирамидой Кэрролла [27] (рис. 2).

Основываясь на этих двух концепциях [26; 27], обратимся к анализу воздействия базовых институтов на КСО. Как известно, С. Г. Кирдина в качестве институциональной основы общества выделяет экономические, политические и идеологические институты.

На наш взгляд, основополагающей характеристикой состояния экономических институтов является спецификация прав собственности (X1) – четкое определение субъекта, объекта собственности и способа наделения собственностью: «Экономические агенты, естественно, не могут передавать больше полномочий во время обмена, чем у них есть. Следовательно, расширение или сужение их прав собственности также приведет к изменению условий и сферы обмена

Рис. 1. Критерии корпоративной социальной ответственности на макроуровне
 Fig. 1. Criteria of corporate social responsibility at the macro level

Источник: составлено авторами

Таблица 2

Table 2

Показатели, влияющие на характеристики корпоративной социальной ответственности
Indicators affecting the characteristics of corporate social responsibility

	Страна	Y1 ¹	Y2 ²	Y3 ³	Y ⁴	X1 ⁵	X2 ⁶	X3 ⁷
1	Албания	8368	52,1	29,4	121,6	4,5	37,0	0,48
2	Алжир	5260	41,9	27,6	99,0	4,1	36,0	0,49
3	Аргентина	13731	46,8	40,7	89,9	4,2	37,0	0,55
4	Армения	8716	44,7	27,9	108,1	5,3	47,0	0,50
...
69	Российская Федерация	13817	46,5	35,1	101,5	3,9	26,0	0,44
...
91	Венесуэла	15976	53,1	44,7	97,9	1,9	13,0	0,26
92	Вьетнам	4347	24,5	36,1	39,5	4,4	41,0	0,49
93	Замбия	1369	46,1	51,5	52,9	4,3	37,0	0,45
94	Зимбабве	1592	51,7	50,3	68,6	3,4	24,8	0,4

Источник: составлено авторами.

¹ ВВП на душу населения. GDP per capita (current US\$). World Bank national accounts data. Most recent value. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true

² Индекс экологической эффективности. Most recent value. Environmental Performance Index. 2024. Yale Center for Environmental Law & Policy <https://epi.yale.edu/measure/2024/epi>

³ Индекс Джини. Gini index (World Bank estimate). Most recent value. https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?most_recent_value_desc=false

⁴ Результирующий показатель, оценивается авторами

⁵ Международный индекс прав собственности. International Property Rights Index. 2023. <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/>

⁶ Индекс восприятия коррупции. Corruption Perception Index. 2023. <https://www.transparency.am/en/cpi/2023>

⁷ Индекс верховенства права. Rule of Law Index. 2023. World Justice Project. <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2023/table>

(увеличению или уменьшению количества сделок в экономике)» [28].

Для характеристики политических институтов исключительное значение имеет уровень коррупции в обществе, а также распространение среди граждан нормы легализма. Поэтому оценку политических институтов уместно строить на основе таких показателей, как индекс восприятия коррупции (X2) и уровень законопослушности (X3).

Влияние идеологических институтов на КСО не вызывает сомнения. Однако ввиду сложности количественно определить состояние данного показателя мы исключили его из наших расчётов.

Как показали расчёты, названные выше показатели как факторы, непосредственно воздействующие на социальную активность бизнеса, продемонстрировали высокий уровень корреляции с итоговым показателем. Так, для спецификации

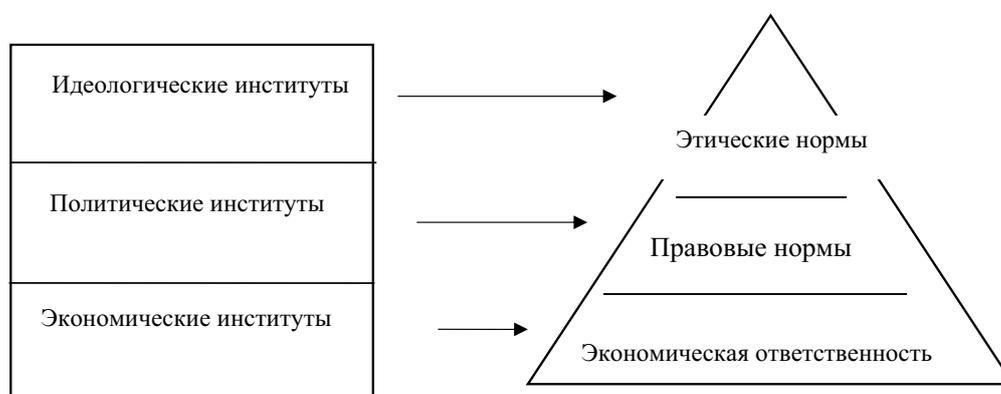

Рис. 2. Влияние институциональной среды на корпоративную социальную ответственность
 Fig. 2. The impact of the institutional environment on corporate social responsibility

Источник: составлено авторами

Результаты построения модели
The results of the model construction

Зависимая переменная: X

Метод: наименьших квадратов

Дата: 29.12.24 Время: 18:50 Выборка: 194

Включенные наблюдения: 94

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
X1	0,185757	5,399274	0,034404	0,1883
X2	0,827020	0,585739	1,411926	0,0001
X3	22,1225	73,73225	2,985430	0,0135
C	-51,09356	17,45731	-2,926771	0,0323
R-squared	0,723166	Mean dependent var		115,4643
Adjusted R-squared	0,713938	S.D. dependent var		56,32253
S.E. of regression	30,12399	Akaike info criterion		9,690142
Sum squared resid	81670,91	Schwarz criterion		9,798367
Log likelihood	45,4367	Hannan-Quinn criter.		9,733857
F-statistic	78,36802	Durbin-Watson stat		2,268001

Источник: составлено авторами.

прав собственности коэффициент корреляции с консолидированным показателем КСО составил 0,77, для индекса восприятия коррупции — 0,82, для уровня законопослушности — 0,6.

Результаты построения регрессионной модели в пакете Eviews 10.0 представлены в табл. 3.

Мы можем утверждать, что выбранные показатели демонстрируют взаимосвязь ($R^2=0,6$) с результирующим показателем, которая может быть выражена в формуле 1. Вероятность того, что весовые коэффициенты незначительны, составляет от 0,01 до 0,18.

$$Y = 0,18 \cdot X1 + 0,83 \cdot X2 + 22,12 \cdot X3 - 51,09. \quad (1)$$

Однако, протестировав модель на мультиколлинеарность, мы пришли к выводу, что включенные показатели тесно взаимосвязаны (результаты представлены в табл. 4). Например, снижение уровня защиты прав собственности привело бы к росту коррупции. Кроме того, уровень законо-

послушности граждан определяет степень корумпированности общества.

Затем выполняется проверка автокорреляции (табл. 5).

Как видно из данных таблицы, автокорреляция случайных отклонений отсутствует.

Таким образом, набор предложенных макроэкономических переменных институциональной среды объясняет 69% вариаций сводного показателя, характеризующего экономическую, социальную и экологическую составляющие устойчивости. Полученный низкий, но статистически достоверный результат можно считать вполне приемлемым при условии, что в анализ не были включены некоторые идеологические институты и ключевые факторы результирующих показателей.

Заключение и выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

В соответствии с принципами устойчивого развития, авторы рассматривают КСО как инструмент решения экономических, экологических и социальных проблем при взаимодействии корпораций с обществом и окружающей средой.

Нашей основной отправной точкой в теоретизировании корпоративной социальной ответственности стал проведенный Локеттом, Муном и Виссером (2006) [25] анализ совокупности экологических и этических проблем Корпоративной социальной ответственности. Новизна нашего

Таблица 4

Table 4

Корреляционная связь факторов
Correlation of factors

	X1	X2	X3
X1	1.000000	0.781653	0.816522
X2	0.781653	1.000000	0.916027
X3	0.816522	0.916027	1.000000

Источник: составлено авторами.

Корреляционный тест Бреуша — Годфри
The Breusch — Godfrey Correlation Test

Breusch-Godfrey Serial Correlation LM Test:				
F-statistic	1.182560	Prob. F(1,89)		0.3113
Obs*R-squared	2.460256	Prob. Chi-Square(1)		0.2923
Test Equation:				
Dependent Variable: RESID				
Method: Least Squares				
Date: 12/15/21 Time: 18:00				
Sample: 1 94				
Included observations: 94				
Presample missing value lagged residuals set to zero.				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
X1	0.106787	5.419430	0.019705	0.9843
X2	0.002414	0.584969	0.004127	0.9967
X3	3.082142	74.05631	0.041619	0.9669
C	-2.453440	17.50349	-0.140169	0.8888
RESID(-1)	-0.155547	0.107140	-1.451804	0.1501
R-squared	0.026173	Mean dependent var		-3.99E-14
Adjusted R-squared	-0.029158	S.D. dependent var		29.63413
S.E. of regression	30.06307	Akaike info criterion		9.706173
Sum squared resid	79533.34	Schwarz criterion		9.868511
Log likelihood	-450.1902	Hannan-Quinn criter.		9.771746
F-statistic	0.473024	Durbin-Watson stat		1.962510
Prob(F-statistic)	0.795439			

Источник: составлено авторами.

исследования заключается в том, что выбор показателей для макроэкономической оценки КСО основывается на концепции устойчивого развития, которая обеспечивает сбалансированность национальной экономики в трех областях: экономической, социальной и экологической.

Основываясь на наличии статистических данных, а также принимая во внимание тесную взаимосвязь с экономической, социальной и экологической сферами, мы предложили три основные характеристики в качестве количественных показателей КСО на макроуровне в стране:

- ВВП на душу населения — для характеристики экономической сферы;
- коэффициент социальной дифференциации Джини — для характеристики социальной сферы;
- индекс экологической эффективности — для характеристики экологического эффекта.

Помимо тематических исследований, авторами была дана количественная оценку влияния институциональной среды на уровень развития КСО в обществе. Для этой оценки использовалась концепция институциональных матриц С. Г. Кир-

диной (2007) [26]. Концепция С. Г. Кирдиной была дополнена добавлением к институциональной среде такого фактора, как:

- уровень защиты и конкретизации прав собственности для оценки экономических институтов;
- индекс восприятия коррупции и уровень законопослушности для оценки политических институтов.

Предлагаемая регрессионная модель показала, что вышеперечисленные характеристики целесообразно рассматривать как факторы институциональной среды, влияющие на КСО. Все они продемонстрировали высокий уровень корреляции с результирующим показателем — уровнем развития КСО.

В заключение необходимо отметить, что обращение к источникам и литературе по КСО показал, что этот сложный феномен изучен пока недостаточно детально, особенно в свете макроэкономических аспектов. Наш анализ демонстрирует, как институциональная среда в конкретных странах может влиять на уровень КСО. Мы пришли к выводу, что защита и конкретизация прав

собственности, уровень коррупции и уровень законопослушного поведения оказывают примерно одинаковое влияние на развитие корпоративной социальной ответственности.

Оценивая актуальность уточнения прав собственности и повышения уровня соблюдения гражданами законодательства в качестве факторов КСО, важно подчеркнуть, что КСО вносит зна-

чительный вклад в достижение таких социальных целей, как сокращение бедности, трудоустройство людей с ограниченными возможностями, профессиональное обучение, улучшение системы здравоохранения, снижение загрязнения окружающей среды, более рациональное использование ресурсов, инновации в ответ на социальные и экологические вызовы.

Список источников

1. Banerjee S. B. Corporate Social Responsibility: The Good, the Bad and the Ugly // *Critical Sociology*. 2010. Vol. 34, no. 1. P. 51–79. URL: <https://study.sagepub.com/sites/default/files/banerjee.pdf>
2. Aßländer M. S. Corporate Social Responsibility as Subsidiary Co-Responsibility: A Macroeconomic Perspective // *Journal of Business Ethics*. 2011. Vol. 99, no.1. P. 115–128. URL: <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0744-x>
3. Jamali D. D., Asem M., Safieddine A., Rabbath M. Corporate Governance and Corporate Social Responsibility Synergies and Interrelationships // *Corporate Governance An International Review*. 2008. Vol. 16, no. 5. P. 443–459.
4. Dobers P., Halme M. Corporate Social Responsibility in Developing Countries // *Special Issue: Corporate Social Responsibility and Developing Countries*. 2009. Vol. 16, no. 5. P. 237–249.
5. Wagner-Tsukamoto, S. In search of ethics: from Carroll to integrative CSR economics // *Social Responsibility Journal*. 2019. Vol. 15, no. 4. P. 469–491.
6. Cheng, B., Ioannou I., Serafeim G. Corporate social responsibility and access to finance // *Strategic Management Journal*. 2014. Vol. 35, no. 1. P. 1–157.
7. Servaes H., Tamayo A. The Impact of Corporate Social Responsibility on Firm Value: The Role of Customer Awareness // *Management Science*. 2013. Vol. 59, no. 5. P. 1045–1061.
8. Flammer C. Does Corporate Social Responsibility Lead to Superior Financial Performance? A Regression Discontinuity Approach // *Management Science*. 2013. Vol. 61, no. 11. P. 676–693.
9. Hafenbrädl S., Waeger D. Ideology and the microfoundations of CSR: Why executives believe in the business case for CSR and how this affects their CSR engagements // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 60, no. 4. P. 1582–1606.
10. Makka, A., Nieuwenhuizen, C. Multinational enterprises perceptions of the national corporate social responsibility priority issues in South Africa // *Social Responsibility Journal*. 2018. Vol. 14, no. 4. P. 828–842.
11. Caiado R., Quelhas O., Dias J., Domingos M., França S., Meiriño M. Adherence of social responsibility management in Brazilian organizations // *Social Responsibility Journal*. 2018. Vol. 14, no. 1. P. 194–212.
12. Elembilassery V., Gurunathan L. Mandated CSR and mode of implementation: the Indian context // *Social Responsibility Journal*. 2018. Vol. 14, no. 4. P. 701–718.
13. Thiripurasundari M. NGOs and Corporate Social Responsibility in India: A Case Study // *Social Rejuvenation through Corporate Social, College of Arts & Science, IRJBM, Tiruchengode*. 2014. Vol. 12, no VII. <https://doi.org/10.13140/2.1.4730.6566>
14. Halkos, G., Skouloudis A. Corporate social responsibility and innovative capacity: Intersection in a macro level perspective // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 18, no. 8. P. 291–300.
15. Lau A. K. W., Lee P. K. C., Cheng T. C. E. An empirical taxonomy of corporate social responsibility in China's manufacturing industries // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 188. P. 322–338.
16. Musallam S., Fauzi H., Nagu N. Family, institutional investors ownerships and corporate performance: the case of Indonesia // *Social Responsibility Journal*. 2019. Vol. 15, no. 1. P. 1–10.
17. Rim H., Dong C. Trust and distrust in society and public perception of CSR: a cross-cultural study // *Social Responsibility Journal*. 2018. Vol. 14, no. 1. P. 1–19.
18. Brammer S., Gregory S. B., Matten J. D. Corporate Social Responsibility and institutional theory: new perspectives on private governance // *Socio-Economic Review*. 2012. Vol. 10, no. 1. P. 3–28.
19. Crane A., Matten D., Spence L. J. *Corporate Social Responsibility in a Global Context, Corporate Social Responsibility: Readings and Cases in a Global Context*. 2nd edition, Routledge, Abingdon, 2013. Pp. 3–26.

20. Gilberthorpe E., Rajak D., Dolan C. *Anthropology of Corporate Social Responsibility. Global Processes and Local Responses*, 2018. 432 p.
21. Бабанова Ю. В., Макарова Л. И., Растворова Е. П. Количественная оценка влияния институциональной среды на социальную ответственность бизнеса // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 1 (448). С. 43–53.
22. Thévenot L., Boltanski L. *De la justification: Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard, 1991. 485 p.
23. Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнера / Е. Чирикова, Н. Ю. Лапина, Л. С. Шилова, С. В. Шишкин (отв. Ред.). *Независимый институт социальной политики*. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 232 с.
24. Батаева Б. С. Направления формирования российской модели корпоративной ответственности // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 2010. № 5 (65). С. 67–72.
25. Lockett A., Moon J., Visser W. *Corporate Social Responsibility in Management Research: Focus, Nature, Salience, and Sources of Influence* // *Journal of Management Studies*. 2006. Vol. 43, no. 1. P. 115–36.
26. Кирдина С. Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // *ЭНСР*. 2007. № 2. С. 34–51.
27. Carroll A. B. *Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitional Construct* // *Business and Society*. 1999. Vol. 38, no. 3. P. 268–295.
28. Капелюшников Р. И. *Экономическая теория прав собственности*. М. : ИМЭМО, 1990. 90 с.

References

1. Banerjee SB. *Corporate Social Responsibility: The Good, the Bad and the Ugly*. *Critical Sociology*. 2010;34(1):51-79.
2. Aßländer M. S. *Corporate Social Responsibility as Subsidiary Co-Responsibility: A Macroeconomic Perspective*. *Journal of Business Ethics*. 2011;99(1):115-128. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0744-x>
3. Jamali DD, Asem M, Safieddine A, Rabbath M. *Corporate Governance and Corporate Social Responsibility Synergies and Interrelationships*. *Corporate Governance An International Review*. 2008;16(15):443-459.
4. Dobers P, Halme M. *Corporate Social Responsibility in Developing Countries*. *Special Issue: Corporate Social Responsibility and Developing Countries*. 2009;16(5):237-249.
5. Wagner-Tsukamoto S. *In search of ethics: from Carroll to integrative CSR economics*. *Social Responsibility Journal*. 2019;15(4):469-491.
6. Cheng B, Ioannou I, Serafeim G. *Corporate social responsibility and access to finance*. *Strategic Management Journal*. 2014;35(1):1-157.
7. Servaes H, Tamayo A. *The Impact of Corporate Social Responsibility on Firm Value: The Role of Customer Awareness*. *Management Science*. 2013;59(5):1045-1061.
8. Flammer C. *Does Corporate Social Responsibility Lead to Superior Financial Performance? A Regression Discontinuity Approach*. *Management Science*. 2013;61(11):676-693.
9. Hafenbrädl S, Waeger D. *Ideology and the microfoundations of CSR: Why executives believe in the business case for CSR and how this affects their CSR engagements*. *Academy of Management Journal*. 2017;60(4):1582-1606.
10. Makka A, Nieuwenhuizen C. *Multinational enterprises perceptions of the national corporate social responsibility priority issues in South Africa*. *Social Responsibility Journal*. 2018;14(4):828-842.
11. Caiado R, Quelhas O, Dias J, Domingos M, França S, Meiriño M. *Adherence of social responsibility management in Brazilian organizations*. *Social Responsibility Journal*. 2018;14(10):194-212.
12. Elembilassery V, Gurunathan L. *Mandated CSR and mode of implementation: the Indian context*. *Social Responsibility Journal*. 2018;14(4):701-718.
13. Thiripurasundari M. *NGOs and Corporate Social Responsibility in India: A Case Study*. *Social Rejuvenation through Corporate Social, College of Arts & Science, IRJBM, Tiruchengode*. 2014;12. <https://doi.org/10.13140/2.1.4730.6566>
14. Halkos G, Skouloudis A. *Corporate social responsibility and innovative capacity: Intersection in a macro level perspective*. *Journal of Cleaner Production*. 2018;18(8):291-300.
15. Lau AKW, Lee PKC, Cheng TCE. *An empirical taxonomy of corporate social responsibility in China's manufacturing industries*. *Journal of Cleaner Production*. 2018;(188):322-338.

16. Musallam S, Fauzi H, Nagu N. Family, institutional investors ownerships and corporate performance: the case of Indonesia. *Social Responsibility Journal*. 2019;15(1):1-10.
17. Rim H, Dong C. Trust and distrust in society and public perception of CSR: a cross-cultural study. *Social Responsibility Journal*. 2018;14(1):1-19.
18. Brammer S, Gregory SB, Matten JD. Corporate Social Responsibility and institutional theory: new perspectives on private governance. *Socio-Economic Review*. 2012;10(1):3-28.
19. Crane A, Matten D, Spence LJ. Corporate Social Responsibility in a Global Context, Corporate Social Responsibility: Readings and Cases in a Global Context. 2nd edition, Routledge, Abingdon; 2013. P. 3–26.
20. Gilberthorpe E, Rajak D, Dolan C. Anthropology of Corporate Social Responsibility. Global Processes and Local Responses; 2018. 432 p.
21. Babanova YuV. Quantitative assessment of the impact of the institutional environment on business social responsibility. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016; 1(448):43-53. (In Russ.).
22. Thévenot L, Boltanski L. De la justification: Les économies de la grandeur. Paris, Gallimard; 1991. 485 p.
23. Business as a Subject of Social Policy: Debtor, Benefactor, Partner. E. Chirikova, N. Yu. Lapina, L. S. Shilova, S. V. Shishkin (Eds.). Independent Institute for Social Policy. Moscow, State University Higher School of Economics; 2005. 232 p. (In Russ.).
24. Bataeva BS. Directions for the Formation of the Russian Model of Corporate Responsibility. B. S. Bataeva. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov = Proceedings of St. Petersburg University of Economics and Finance*. 2010;5(65):67-72. (In Russ.).
25. Lockett A, Moon J, Visser W. Corporate Social Responsibility in Management Research: Focus, Nature, Salience, and Sources of Influence. *Journal of Management Studies*. 2006;43(1):115-36.
26. Kirdina SG. Models of Economy in the Theory of Institutional Matrices. *ENSR = ENRS*. 2007;2. (In Russ.).
27. Carroll AB. Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitional Construct. *Business and Society*. 1999;38(3):268-295.
28. Kapeliushnikov RI. Economic Theory of Property Rights. Moscow, IMEMO; 1990. 90 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Макарова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и регионального развития.

Е. С. Ткач — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики.

Information about the authors

L. I. Makarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economic Theory and Regional Development.

E. S. Tkach — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Applied Economics.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД FRESH LOOK

*Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 110–115.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):110-115*

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-110-115

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

Марина Анатольевна Лебедева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, lebedevamarina1@mail.ru, 0000-0002-7310-6143

Аннотация. В условиях обострения внутренних и внешних вызовов для России модернизация хозяйства ее старопромышленных регионов может выступить одним из основных источников развития и обеспечения национальной безопасности. Целью статьи является выявление проблем обеспечения модернизации хозяйства старопромышленного региона. Исследование проведено на примере региона, выделенного в границах г. Череповца, Череповецкого и Шекснинского муниципальных районов и Кадуйского муниципального округа Вологодской области. Определено, что ключевые проблемы в развитии хозяйства этого региона (слабая диверсифицированность и высокая ресурсоемкость экономики) усугубляются сокращением производительных сил, в частности снижением численности населения, а также числа организаций и индивидуальных предпринимателей, несмотря на реализуемые меры поддержки в регионе. Анализ текущей деятельности по управлению хозяйством региона показал, что она также не позволяет решить имеющиеся проблемы. В заключение работы приведены основные положения концепции обеспечения модернизации хозяйства этого региона с целью решения выявленных проблем по трем направлениям: обеспечение экономического и социального развития, а также экологической безопасности.

Ключевые слова: модернизация, старопромышленный регион, управление хозяйством региона, региональные проекты, концепция модернизации

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Для цитирования: Лебедева М. А. Проблемы обеспечения модернизации хозяйства старопромышленного региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 110–115. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-110-115.

Original article

PROBLEMS OF ENSURING THE MODERNIZATION OF THE ECONOMY OF THE OLD INDUSTRIAL REGION

Marina A. Lebedeva

Vologda Research Center of Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, lebedevamarina1@mail.ru, 0000-0002-7310-6143

Abstract. In conditions of aggravation of internal and external challenges for Russia, the modernization of the economy of its old industrial regions can act as one of the main sources of development and ensuring national security. The purpose of the article is to identify the problems of ensuring the modernization of the economy of the old industrial region. The study was conducted on the example of a region allocated within the boundaries of Cherepovets, Cherepovets, Sheksninsky, Kaduysky municipal districts of the Vologda region. It is determined that the key problems in the development of the economy of this region (weak diversification and high resource intensity of the economy) are aggravated by a reduction in productive forces, in particular, a decrease in the population, as well as

the number of organizations and individual entrepreneurs, despite the implemented support measures in the region. An analysis of current economic management activities in the region has shown that it also does not allow solving existing problems. In conclusion, the paper presents the main provisions of the concept of ensuring the modernization of the economy of this region in order to solve the identified problems in three directions: ensuring economic and social development, as well as environmental safety.

Keywords: modernization, old industrial region, regional economic management, regional projects, modernization concept

Funding. The article was prepared as part of the state assignment for the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Academy of Sciences on the topic of research “Factors and methods of sustainable socio-economic development of territorial systems in changing conditions of the external and internal environment” (FMGZ-2022-0012).

For citation: Lebedeva MA. Problems of Ensuring the Modernization of the Economy of the Old Industrial Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):110-115. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-110-115.

Введение

В условиях сохранения внешних и внутренних вызовов для России (санкции, переориентация экспорта на Восток и др.) развитие регионов приобретает особую значимость. Одними из регионов, частично снизивших свои позиции по уровню социально-экономического развития, но при этом сохранившие свой потенциал являются старопромышленные регионы, для которых характерна специализация на отраслях II и III технологического уклада, а также слабая диверсифицированность экономики, что на современном этапе развития не способствует устойчивости экономического роста. В то же время модернизация их хозяйства, на наш взгляд, может способствовать решению данных проблем. Поэтому целью статьи стало выявление проблем обеспечения модернизации хозяйства старопромышленного региона.

Теоретические основы модернизации хозяйства

В настоящее время не сложилось единого понимания модернизации, и различные исследователи понимают ее по-разному [2; 6–10; 13]. Так, согласно определению Л. А. Щербаковой [13], модернизация — «структурная перестройка народного хозяйства, прежде всего, с целью создания инновационной экономики, запуска «инновационного механизма». В понимании Г. П. Журавлевой модернизация — «Процесс изменения экономики соответственно требованиям современности путем внедрения различного рода усовершенствований, достижений прогрессивных сдвигов в экономическом развитии [6].

В настоящем исследовании модернизация понимается в трактовке К. А. Гулина как «процесс преодоления той или иной территорией своего

социально-экономического отставания в развитии, чреватого потерей конкурентоспособности и утратой экономических и политических позиций на мировой арене» [5].

В ходе работы были определены основные факторы обеспечения модернизации: инвестиции, обеспечивающие обновление и расширение основных фондов для производства товаров и услуг [2; 3]; собственная производственно-технологическая инфраструктура для поддержки внедрения инноваций в хозяйственную деятельность (технопарки и научные парки, центры трансфера технологий и т. д.); институты экономического регулирования, частно-государственное партнерство, институты прав собственности, законы и подзаконные акты [1; 4; 7; 11].

Управление хозяйством старопромышленного региона

Исследование проведено на материалах старопромышленного региона, выделенного на территории Вологодской области в границах четырех муниципальных образований: г. Череповец, Кадуйский муниципальный округ (МО), Шекснинский и Череповецкий муниципальные районы (МР). Данный регион является типичным старопромышленным регионом для России [12].

Рассматривая вышеобозначенный регион, в нем также можно отметить слабую диверсификацию структуры экономики: в 2022 г. более 95 % в экономике занимала обрабатывающая промышленность, в том числе 60 % — черная металлургия, 32 % — химическая промышленность (производство минеральных удобрений). Также стоит подчеркнуть, что данные отрасли относятся ко II и III технологическому укладу и являются очень ресурсоемкими. При этом все производства специализации сконцентрированы главным образом

в г. Череповце, в других муниципалитетах промышленность также присутствует, однако ее размер значительно меньше.

В настоящее время в Вологодской области реализуются 22 государственные программы, в рамках которых реализуются и региональные составляющие национальных проектов. Однако не все из них реализуются в рассматриваемом регионе, т. к. часть из них прекращена из-за недостатка финансирования, а часть не запланирована к реализации вовсе (табл. 1).

Например, прекратил реализацию РСНП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2021 году и финансирование на него не выделялось¹. В городе Череповце, единственном населенном пункте региона, на территории которого расположен университет не осуществляется РСНП «Наука и университеты».

Что касается поддержки внедрения инноваций, то оказывается она только на федеральном уровне и уровне субъекта РФ. Внутри муниципалитетов возможности внедрения инноваций, а также соответствующая инфраструктура присутствует только на крупных предприятиях, таких как ПАО «Северсталь» и ПАО «Фосагро», а финансовая поддержка оказывается только проектам, направленным на развитие этих предприятий (табл. 2).

Как можно заметить инструментов финансовой

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://mayor.cherinfo.ru/1830> (дата обращения: 02.02.2024)

поддержки инновационных производственных проектов довольно много, но существенной сложностью в их получении могут быть требования к соискателю, а именно число занятых сотрудников, размер софинансирования, срок существования и присутствия на рынке. Гораздо сложнее дело обстоит с производственно-технологической инфраструктурой, создание и обеспечение функционирования которой весьма дорогое, соответственно доступное только крупным предприятиям. В то же время можно отметить тот факт, что в целом данные организации готовы предоставлять доступ к такой инфраструктуре.

В территориальном разрезе наблюдается следующая ситуация. Основная экономическая деятельность реализуется в г. Череповце, в то время как в остальных муниципальных образованиях основу экономики составляет пищевая промышленность и энергетика (Кадуйский МО), что по некоторым программам поддержки не подходит требованиям предоставления гранта или льготного кредита, поэтому для этих территорий особенно важным является развитие производств новой продукции.

Заключение

На наш взгляд, модернизация регионального хозяйства должна осуществляться на основе соответствующей концепции, основными задачами которой должно стать решение проблем старопромышленного региона, отмеченных ранее. Ее реализация должна идти по трем направлениям:

Таблица 1
Table 1

Региональные составляющие национальных проектов, реализуемых в регионе
Regional components of national projects implemented in the region

РСНП	г. Череповец	Череповецкий МР	Шекснинский МР	Кадуйский МО
Демография	+			+
Здравоохранение			+	+
Образование	+	+	+	+
Туризм и гостеприимства	+			+
Малое и среднее предпринимательство	+			+
Жилье и городская среда	+	+	+	+
Культура	+			+
Безопасные качественные дороги	+			+
Экология	+	+		+
Наука и университеты				+
Производительность труда				+
Международная кооперация и экспорт				+
Модернизация транспортной инфраструктуры				+

Составлено по данным Администраций г. Череповца, Шекснинского и Череповецкого МР, Кадуйского МО.

Меры поддержки производств, реализующих модернизационные мероприятия
Measures to support industries implementing modernization measures

Организация	Программа	Меры поддержки
Фонд развития промышленности Вологодской области	«Региональные займы» предоставляет под 3–5% годовых	Льготное финансирование по упрощенным процедурам рассмотрения в целях предотвращения влияния ухудшения геополитической и экономической ситуации. Суммы займов от 14 до 100 млн рублей
Фонд содействия инновациям	Программа «Старт»	Грант на создание новых и поддержку существующих малых инновационных предприятий (до 2 млн рублей)
	Программа «Развитие»	Грант (до 20 млн рублей) на поддержку компаний, уже имеющих опыт разработки и продаж собственной наукоемкой продукции и планирующих разработку и освоение новых видов продукции
	Программа «Коммерциализация»	Грант (до 20 млн рублей) направлен на поддержку компаний, завершивших стадию НИОКР и планирующих создание или расширение производства инновационной продукции
	Программа «Кооперация»	Грант (до 25 млн рублей) направлен на развитие партнерства между малыми инновационными предприятиями и промышленными партнерами
Фонд ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства	Микрозайм от 100 тыс. рублей до 3 млн рублей на модернизации и/или приобретения оборудования.	
ТОСЭР г. Череповец	Компании-резиденты на 10 лет освобождаются от налога на имущество, земельного налога, на первые 5 лет — от налога на прибыль. В следующие 5 лет налог на прибыль составит 10% вместо установленных 20%. Снижены ставки по отчислениям во внебюджетные фонды.	

Источники: АНО «Мой бизнес» в Вологодской области. URL: <https://cgo35.ru/> (дата обращения: 20.01.2024); Мы ищем новые инновации вместе с Вами. Северсталь. URL: <https://innovations.severstal.com/> (дата обращения: 20.01.2024).

экономическое развитие, социальное развитие, экологическая безопасность

Для экономического развития одним из приоритетов должно стать обеспечение развития предприятий отраслей-потребителей продукции производств специализации в муниципальных районах (округе). Данная мера позволит увеличить количество переделов производимой в регионе продукции, также повысить технологический уклад экономики. Для создания таких предприятий и продукции высоких переделов нужны соответствующие технологии, разработкой которых потенциально могут созданные малые инновационные предприятия.

В социальной сфере одним из наиболее эффективных инструментов решения проблем уровня жизни населения показала себя потребительская кооперация¹. Как показывает практика таких по-

¹ О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 (ред. от 02.07.2013) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

требсоюзов в России и за рубежом², они могут помочь решить проблемы обеспеченности продовольственными и непродовольственными товарами территорий, недостаточности обеспечения местами в детских садах, оздоровительной инфраструктуры и др.

Что касается экологической безопасности, то здесь важным является использование потенциала имеющихся техногенных месторождений, разработка и последующее внедрение очистных сооружений на ранее упомянутых малых инновационных предприятий специально под потребности конкретных организаций.

LAW_608/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b-77b4c/ (дата обращения 12.03.2024); Районы. Вологодский областной союз потребительских обществ. URL: <https://www.vologdaops.ru/area> (дата обращения: 12.03.2024)

² Лебедева М. А. Анализ практик потребительской кооперации: европейский и российский опыт // Вестник Института экономического исследований. 2023. № 3. С. 90–100.

Список источников

1. Александровский С. В. Управление модернизацией экономики региона // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 7. С. 66–69.
2. Белякова Г. А., Батукова Л. Р. Модернизационные реформы: вопросы целеполагания и основные аспекты системы управления // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 11–15.
3. Борисенко О. А., Сухарев Д. В., Фомина М. Н. Содержание понятия «экономическая модернизация» в работах российских, западных и китайских ученых // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 1.
4. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12 (320). С. 28–41.
5. Гулин К. А. Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект: монография // Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. 330 с.
6. Журавлева Г. П. Системная модернизация экономики как важнейшее условие ее инновационного развития // Вестник ТГУ. 2011. № 7 (99). С. 11–17.
7. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. Вып. 1. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 240 с.
8. Пидоймо Л. П. Факторы и модель модернизации промышленных предприятий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2003. № 1. С. 18–22.
9. Поляков А. В. Модернизация: сущность, факторы, векторы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 233–236.
10. Проскуракова Н. А. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX — начала XX вв. // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. 2005. Вып. 11. С. 151–158.
11. Ускова Т. В., Лукин Е. В., Мельников А. Е., Леонидова Е. Г. Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 4. С. 62–77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3
12. Шестаков Р. Б. Система факторов модернизации экономики региона: анализ и прогноз // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8 (34). С. 381–386.
13. Щербакова Л. А. Модернизация российской экономики: многофакторная задача со многими неизвестными // ЭКО. 2010. № 9. С. 73–94.

References

1. Alexandrovsky SV. Management of modernization of the economy of the region. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk* = Actual issues of economic sciences. 2009;(7):66-69. (In Russ.).
2. Belyakova GA, Batukova LR. Modernization reforms: issues of goal-setting and the main aspects of the management system. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = *Problems of the modern economy*. 2011;(40):11-15. (In Russ.).
3. Borisenko OA, Sukharev DV, Fomina MN. The content of the concept of “economic modernization” in the works of Russian, Western and Chinese scientists. *Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij* = *Economics and management of innovative technologies*. 2016;(1). (In Russ.).
4. Gorshkov MK. Social factors of modernization of Russian society from the standpoint of sociological science. *Sociologicheskie issledovaniya* = *Sociological research*. 2010;12(320):28-41. (In Russ.).
5. Gulin KA. Socio-economic modernization of Russia: the regional aspect: a monograph. Vologda, ISERT RAS; 2012. 330 p. (In Russ.).
6. Zhuravleva GP. Systemic modernization of the economy as the most important condition for its innovative development. *Vestnik TGU* = *Bulletin of TSU*. 2011;7(99):11-17. (In Russ.).
7. Modernization of Russia: conditions, prerequisites, chances: a collection of articles and materials. edited by V. L. Inozemtsev. Moscow, Center for Postindustrial Society Research; 2009. 240 p. (In Russ.).
8. Pidoimo L. P. Factors and model of modernization of industrial enterprises. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* = *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2003;(1):18-22. (In Russ.).
9. Polyakov AV. Modernization: essence, factors, vectors. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and practice of social development*. 2012;(2):233-236. (In Russ.).

10. Proskuryakova NA. On the issue of conceptualization of the economic development of Russia in the XIX — early XX centuries. Economic history. Review. Edited by L. I. Borodkin. Issue 11. Moscow; 2005. Pp. 151–158. (In Russ.).

11. Uskova TV, Lukin EV, Melnikov AE, Leonidova EG. Problems of development of the industrial sector of the economy of the old industrial regions of Russia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;4(10):62-77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3 (In Russ.).

12. Shestakov RB. The system of factors of modernization of the regional economy: analysis and forecast. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economics: prospects for development and improvement*. 2018;8(34):381-386. (In Russ.).

13. Shcherbakova LA. Modernization of the Russian economy: a multifactorial task with many unknowns. *EKO = ECO*. 2010;(9):73-94. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Лебедева — младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах.

Information about the author

M. A. Lebedeva — Junior Researcher of the Department of Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 21.07.2024; approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 116–126.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(12(494):116-126

Обзорная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-116-126

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВИД ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ольга Васильевна Артемова

Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, artemova.ov@uiec.ru, 0000-0003-4021-9739

Аннотация. Следует констатировать повышение востребованности проектных методов управления как современного вида проектной деятельности. В этой связи важна актуализация теоретических подходов к проектному управлению в новых условиях, осмысления сути, форм и видов проектной деятельности. В данной статье внимание автора сфокусировано на рассмотрении проектного управления как вида управленческой деятельности; его особенностей как субъектно-субъектной модели управления. В отличие от традиционного субъектно-объектного управления, который имеет иерархический характер, проектное управление является субъектно-субъектным и позволяет реализовывать интересы участников проекта при согласовании их целей и задач в рамках проекта. При этом подчеркивается необходимость его использования совместно с другими управленческими подходами для достижения результатов (реализации поставленных целей и задач, выполнения планов и пр.) наиболее эффективными способами. Показано, что проектное управление является особым механизмом взаимодействия субъектов (акторов, стейкхолдеров), предусматривающих согласованность их интересов и реализацию достижений целей проекта. Акцент сделан на использовании проектного подхода (в сочетании с другими методами управления) в управлении для повышения его эффективности. Особо подчеркивается целесообразность проектного управления в развитии территориальных систем (регионов), о чем свидетельствует практика применения проектных методов в регионах при значительных ресурсных и временных ограничениях.

Ключевые слова: проект, программа, проектное управление, проектная деятельность, национальные проекты

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Артемова О. В. Проектное управление как современный вид проектной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 116–126. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-116-126.

Review article

PROJECT MANAGEMENT AS A MODERN TYPE OF PROJECT ACTIVITY

Olga V. Artemova

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, artemova.ov@uiec.ru, 0000-0003-4021-9739

Abstract. It should be noted that there is an increase in the demand for project management methods as a modern type of project activity. In this regard, it is important to update theoretical approaches to project management in new conditions, to understand the essence, forms and types of project activities. In this article, the author's attention is focused on the consideration of project management as a type of management activity; its features as a subject-subject management model. Unlike traditional subject-object management, which is hierarchical in nature, project

management is subject-subject and allows realizing the interests of project participants when coordinating their goals and objectives within the project. At the same time, the need to use it together with other management approaches to achieve results (implementation of goals and objectives, fulfillment of plans, etc.) in the most effective ways is emphasized. It is shown that project management is a special mechanism for interaction between subjects (actors, stakeholders), providing for the coordination of their interests and the implementation of the achievements of project goals. The emphasis is on the use of the project approach (in combination with other management methods) in management to improve its efficiency. Particular emphasis is placed on the expediency of project management in the development of territorial systems (regions), as evidenced by the practice of applying project methods in regions with significant resource and time constraints.

Keywords: project, program, project management, project activities, national projects

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Artemova OV. Project Management as a Modern Type of Project Activity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):116-126. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-116-126.

Введение

В настоящее время востребованность проектных методов управления в разных странах, регионах, территориях расширяется. Это требует актуализации теоретических подходов к проектному управлению, разработки новых технологий и инструментов, поиска и совершенствования практических навыков управления.

В терминологической цепочке базовым понятием для определения проектного управления является «проект». В стандартах есть следующее определение. ГОСТ Р 54 869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»: «это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений»¹.

Исследователи, используя разные подходы к определению понятия «проект», подчеркивают такие общие черты как наличие цели, мотивацию, ограниченность материальных и временных ресурсов, затраты и результаты.

В порядке конкретизации терминологического исследования тематики проектного управления необходимо определиться с основными подходами к понятию «проектное управление» (табл. 1).

Наиболее распространенный подход к определению термина «проект» сформулирован как комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений [2; 11; 19].

Наряду с термином «проект» используется и термин «программа». Под термином «програм-

ма» понимается комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, объединенных общей целью и координируемых совместно в целях повышения общей результативности и управляемости.

Следует отличать проект от программы, которая представляет собой группу проектов и связанных с ним мероприятий, объединенных общей миссией, управлением ресурсами и т. д., с помощью которых можно решать проблемы, где один проект не сможет справиться.

Отмечая отличия программы от проекта, следует констатировать возможность их совместности, согласованности в рамках больших и значимых проектов (национальных, федеральных, региональных и пр.), когда вертикальное регулирующее воздействие согласуется с сетевым взаимодействием стейкхолдеров. Как отмечают Р. Агзамов и Л. Агзамова, у этих понятий имеется схожесть — как формально, так и с содержательной точки зрения, что подтверждает основную идею проектного управления как способа управления, направленного на достижение запланированных результатов на основе более продуманной и рациональной реализации ресурсов [2].

В порядке конкретизации термина «управление» имеет смысл определиться с такими его видами как традиционное (вертикальное) и проектное (горизонтальное сетевое) управление.

В отличие от традиционного субъектно-объектного управления, которое имеет иерархический характер, проектное управление является субъектно-субъектным и позволяет реализовывать интересы участников проекта при согласовании их целей и задач в рамках проекта. При этом целесообразно использования его совместно с другими управленческими подходами для достижения результатов (реализации поставленных целей и задач, выполнения планов и пр.) наиболее

¹ Национальный стандарт Российской Федерации. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом: официальный сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200089604> (дата обращения: 18.04.2024)

Подходы и определения понятия «проектное управление»
Approaches and definitions of the concept of «project management»

Автор	Определение понятия «проектное управление»
И. В. Ильин, В. А. Полицученко [9]	Методология, которая включает множество элементов, таких как планирование, организация, контроль, управление рисками, управление ресурсами, управление стейкхолдерами
М. Л. Разу [16]	Вид управленческой деятельности, основанный на разработке системной модели действий по достижению цели с учетом предварительного коллегиального обсуждения
А. В. Беликова, О. Б. Александрова [4]	Уникальная, целенаправленная деятельность экономического субъекта, направленная на преобразование, создание продукта (услуги) с целью удовлетворения потребностей, осуществляемая в условиях временных и ресурсных ограничений при наличии внешних и внутренних сдерживающих факторов
В. Н. Фунтов [20]	Целенаправленная, ограниченная во времени деятельность, осуществляемая для удовлетворения конкретных потребностей при наличии внешних и внутренних ограничений и использовании ограниченных ресурсов
И. А. Кузнецов [14]	Инструмент, который позволяет достичь наилучшего результата в условиях ограниченного количества ресурсов, времени.
Д. В. Алтухов [3]	Проектный подход представляется эффективным инструментом управления в условиях ограниченности ресурсов и времени достижения целей

Источник: составлено автором.

эффективными способами. Проектное управление является особым механизмом взаимодействия субъектов (акторов, стейкхолдеров), предусматривающих согласованность их интересов и реализацию достижений целей проекта.

Учитывая особенности представленных управленческих подходов, подчеркнем то, что управление процессами сегодня включает проектную деятельность как вид управленческой деятельности, основанный на разработке системной модели действий по достижению цели с учетом предварительного коллегиального обсуждения [16].

Чтобы зафиксировать специфику проектного управления, автор в рамках данной статьи рассмотрел отличительные особенности модели проектного управления от традиционной модели управления. Под традиционной моделью управления в данном контексте понимается иерархическая система субъектно-объектного управления (рис. 1).

В данной модели в качестве субъектов выделены те акторы, которые непосредственно воздействуют на объект управления. При этом среди них, как правило, есть доминирующие субъекты; например, органы государственной власти (федерального и регионального уровней). Они определяют приоритеты и цели экономического развития территорий, контролируют их реализацию.

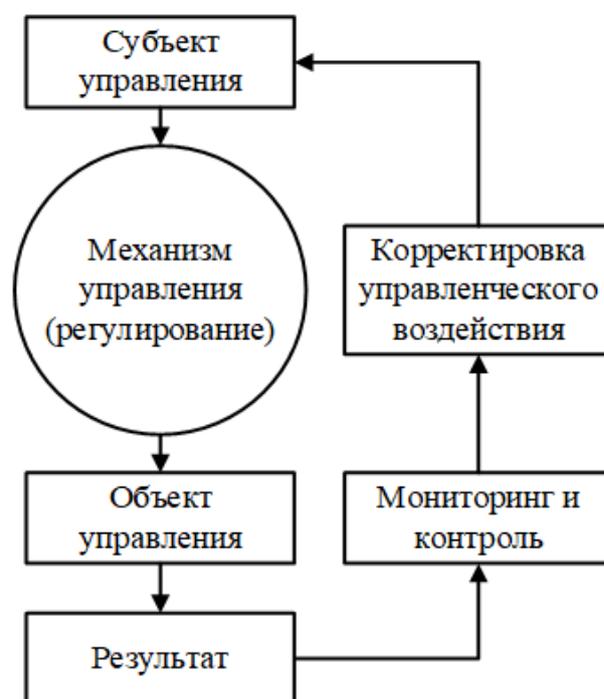

Рис. 1. Модель иерархической системы управления (субъектно-объектной)

Fig. 1. Model of a hierarchical control system (subject-object)

Источник: составлено автором

В качестве объектов выступают: сферы экономики (отрасли), территории, процессы, объектами

управления могут быть исполнители и специалисты, деятельность которых регламентируется сверху (по вертикали).

В такой системе механизм управления представляет собой воздействие доминирующего субъекта на объект через прямые и косвенные методы регулирования (ценовые, налоговые, таможенные, преференции отдельных позиций и пр.) в рамках осуществляемого стратегического планирования, реализации государственных программ развития.

В то же время в иерархических структурах управления (при достаточно сильном регулирующем воздействии на объект управления) есть проблемы, которые «застревают» на этапе согласования между подразделениями, теряя временной ресурс, а намеривание упущенного осуществляется через давление вышестоящего уровня управления [2]. В этом случае использование проектного управления, как одного из направлений решения проблем с гибкими формами воздействия, весьма плодотворно. Это связано с тем, что в отличие от субъектно-объектного механизма управления, акцент смещается на субъектно-субъектные взаимоотношения участников проектной деятельности, их согласование и координацию действий (рис. 2).

В данной модели субъектами выступают равноправные авторы проектной деятельности, которые согласуют свои действия, исходя из своих интересов и общей цели проекта. Исследователями отмечается, что проектная деятельность предусматривает устойчивые взаимодействия между людьми, скрепленные общим предметом интереса и регулятивными механизмами их отношений и взаимодействий [2]. В этом случае субъектно-объектная схема отношений становится субъектно-субъектной, а способ регуляции отношений дополняется согласованием действий его участников. Таким образом работает механизм выработки общих взгля-

дов на решение проблем, поиск верной стратегии и тактики управленческой деятельности.

Представленные модели позволяют определить комбинированный способ управления сложными экономическими системами как механизм, который предусматривает определенное соотношение регулирующего воздействия в рамках управленческого контура «субъект-объект» и регуляцию отношений и взаимодействий участников в рамках «субъект-субъектного» контура.

Проектный подход в системе управления разных уровней

Повышение эффективности системы управления территориальными системами — задача, которая всегда актуальна, но степень ее важности многократно возрастает в условиях значительной турбулентности, неопределенности, глобальных и региональных вызовов. Возрастающие риски социально-экономического развития требуют наиболее эффективно использовать потенциал территориальных систем, соизмерять достижение результатов развития с имеющими ресурсами (материальными, трудовыми, инвестиционными, временными). В этом случае поиск наиболее эффективных методов управления приводит к необходимости более пристального внимания к проектному управлению, необходимости его встроения в систему стратегического управления, основанную на традиционных методах управления.

Развитие представлений о проектном управлении расширяет поле исследований ученых, включая теоретические основы проектного управления как раздела теории менеджмента, механизма управления (как набор методов и инструментов организации проекта), плана действий по достижению желаемых результатов при ограниченных ресурсах [14].

Рис. 2. Модель проектного управления (субъектно-субъектного)

Fig. 2. Project management model (subject-subject)

Источник: составлено автором

В настоящее время проектное управление востребовано на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) и разных сферах деятельности.

Проектная деятельность в структуре государственного, в том числе регионального управления, как предмет исследования, длительное время находится в поле зрения ученых и широко освещена в научной литературе. Различные аспекты программно-проектного подхода (стратегическое управление экономическими системами, механизмы управления социально-экономическим развитием региона и др.) разрабатывались А. И. Татаркиным [18], Д. А. Гайнановым и И. Д. Закировым [8], И. А. Кузнецовым [14], И. Л. Авдеевой, И. О. Задоренко [1], Д. В. Алтуховым [3], Н. Г. Гаджиевым, С. А. Коноваленко, М. Н. Трофимовым [6].

Прежде всего уместно упомянуть исследования А. И. Татаркина, в которых управление территориальным развитием рассматривается на основе программно-проектного подхода. При этом, по мнению ученого, проекты должны стать частью, быть встроены в систему стратегического планирования территорий, согласовываться по целям и задачам, сформулированным в стратегическом плане (стратегии) развития региона. При таком подходе, что очень важно в практическом плане, стратегические проекты выполняют роль конкретных механизмов (институтов) реализации стратегических программ развития [18]. Аналогичных подходов на программно-проектные методы управления придерживаются отечественные ученые [8]. Так, Д. А. Гайнанов и И. Д. Закирова отмечают, что методическое обеспечение разработки и реализации стратегических документов на различных уровнях управления должно основываться на программно-проектном подходе. Что же касается структуры программ и проектов, то она должна быть связана с особенностями конкретной территории, учитывать интересы основных стейкхолдеров территории [7].

Представляет интерес подход Д. В. Алтухова к сущности проектного управления на региональном уровне. Определяя основные характеристики проектного управления (ресурсы, сроки, согласованность интересов участников и др.), он подчеркивает, что проектное управление способно обеспечить внутрирегиональное и межрегиональное взаимодействие участников проекта, то есть преодолеть административные барьеры, которые имеют место при реализации традиционных подходов к управлению сложных (многоцелевых, многоуровневых, многоаспектных) объектов управления.

Кроме того, важным моментом, о котором упоминает автор, является повышение управляемости и контролируемости, усиление ответственности за результаты реализации проекта [3].

Развивая подход о важности поиска ресурсов и сроках выполнения проектов, необходимо фокусироваться на эффективности их использования, а именно поиска баланса между затратами на его реализацию и получаемым желаемым эффектом для общества и экономики. Это в свою очередь актуализирует вопрос о контроле реализации проектов в сфере взаимодействия между федеральными и региональными органами, в сфере планирования отдельных показателей и обоснованности расчетов [6].

И. Л. Авдеева и И. О. Задоренко отмечают, что от выбора методологии выстраивания процессов управления зависит эффективность работы, а также качество конечных результатов, направленных на социально-экономическое развитие территорий. Авторы считают, что для повышения качества управления проектами в регионе необходимо применять гибкие управленческие формы, адаптировать их путем вовлечения в данный процесс малых проектных групп, состоящих из представителей органов власти, бизнес-структур, научно-образовательных организаций [1].

В то же время исследователи обращают внимание на ограничения применения проектного подхода к управлению региональной экономикой. Речь идет о том, что в разных регионах востребованность проектного управления неодинаковая; в части регионов считается, что достаточно уже применяемых традиционных методов управления регионом, другие территории сталкиваются с нехваткой управленцев, владеющих проектными подходами. Непонимание сути проектного управления, его места в системе управления регионом, неразработанность механизмов проектной деятельности, нечеткое представление о результатах проектной деятельности, «размытость» представления о субъектах управления, их функциях, взаимодействии и ответственности затрудняют активное использование проектных подходов в системе управления регионом [3].

Наиболее приемлемым является комбинированный подход к применению проектного управления, который способствует логичному и последовательному проектированию модели действий при реализации программ социально-экономического развития регионов с учетом их ретроспективы и специфики управленческих процессов в субъектах страны [14]. При таком подходе есть возмож-

ность усилить положительные моменты разных способов управления (вертикальных, горизонтальных) и нейтрализовать негативные аспекты (излишние административные барьеры, размытость сроков реализации планов, отсутствие мотивации участников проектной деятельности).

Действительно, в реальной управленческой практике в «чистом» виде и автономно не используется тот или иной подход к управлению. Как правило, это комбинация различных способов управления, дополняющих друг друга (программно-целевой, программно-проектный и пр.). В этом контексте проектное управление следует определить его как специфическое направление проектной деятельности, встроенное в систему управления экономическими объектами, процессами разного уровня и территориальной привязки.

Среди специалистов сложилось мнение, что проектное управление — это особый вид деятельности, который так или иначе может применяться к управлению любыми объектами, а не только явно обладающими признаками проекта. Иными словами, это технология организации людей для достижения определенных задач [11]. Автор данной статьи разделяет мнение о том, что проектное управление — это наиболее удобный и эффективный метод планирования и контроля эффективности социально-экономических проектов и программ, а также — систематизированный инструментарий для проведения мониторинговых процедур [15].

Возможности проектного управления развитием территорий можно расширить, используя стейкхолдерский подход к выбору вектора территориального развития и программно-проектный инструментарий его реализации. Это позволит согласовать стратегические интересы и формиро-

вать альянсы экономических агентов, обеспечивая их продуктивное сотрудничество, консолидируя взаимодополняемые ресурсы, ключевые компетенции и оригинальные технологии в рамках сфокусированного развития [17].

В этом случае в рамках стейкхолдерского подхода предусматривается взаимодействие ключевых стейкхолдеров по вопросам согласования интересов, приоритетов, целей и задач в рамках проекта; реализация возможных альянсов стейкхолдеров, посредством которых осуществляется взаимодействие ключевых стейкхолдеров.

В рамках проектного управления во взаимодействии акторов (стейкхолдеров) выявлены особенности (табл. 2.)

Для активизации проектной деятельности в рамках стейкхолдерского подхода следует предусматривать следующее.

1. Проектирование (выбор) альянсов ключевых стейкхолдеров в соответствии с приоритетной целью совместной деятельности (проекта).
2. Выявление ресурсного потенциала стейкхолдеров (материально-вещественного, трудового, инвестиционного и др.) для реализации проекта.
3. Определение набора необходимых компетенций участников проекта.
4. Стимулирование высокой степени участия и вовлеченности стейкхолдеров в проект, согласованности их действий для реализации их целей и задач.

Проектный подход, как направление управленческой деятельности, используется в разных сферах: социальной (здравоохранение, образование, ипотека, жилье, ЖКХ, городская среда, безопасные и качественные дороги); экономической (СМП, поддержка индивидуальных предпринимателей, производительность труда, моногорода, цифровая экономика); экологической (проекты,

Таблица 2
Table 2

Особенности взаимодействия акторов (стейкхолдеров) в процессе проектной деятельности
Features of interaction of actors (stakeholders) in the process of project activities

Признаки	Особенности взаимодействия
Цели участников проекта (стейкхолдеров)	Реализация своих интересов через согласование с другими стейкхолдерами
Учет стейкхолдерами регулирующего воздействия по вертикали	Федеральный центр-регионы-отрасли региональной экономики
Согласованность взаимодействия стейкхолдеров по горизонтали	Сетевое, кластерное взаимодействие участников проекта
Способ взаимодействия стейкхолдеров	Двустороннее или сетевое (многостороннее) взаимодействие в различных сферах экономики
Формы взаимодействия	Кооперация, партнерство, коллаборация, кластерные формы

Источник: составлено автором.

связанные с решением вопросов по предотвращению загрязнения окружающей среды: ТБО, воздух, вода).

Проектная деятельность осуществляется на разных уровнях: в структуре государственного (федерального и регионального уровней) и муниципального управления; в системе управления бизнесом. В последние годы методы проектного управления находят применение в российской практике государственного управления, придя на смену функциональному управлению, что обусловлено избранным курсом на модернизацию экономики, реализация которого предполагает осуществление большого числа программ и проектов различной сложности [11]. В государственных и муниципальных структурах проектный подход регулярно используется и зарекомендовал себя как достаточно эффективный. При этом механизм проектного управления позволяет осуществлять разграничение функций, выполняемых органами федерального, регионального и муниципального уровней, и тем самым обеспечивать более эффективную реализацию стоящих перед

ними целей в сфере социально-экономического развития [10].

Преимущества проектного подхода проявились при реализации национальных проектов (НП). С 2018 и 2019 гг. по 2024 г. в РФ реализуется 15 национальных проектов (НП) (табл. 3).

Почему так востребованы национальные проекты? Специалисты считают, что это способ достижения целей национального развития, имеющих приоритетное значение на определенном этапе развития государства и требующих для достижения значительных ресурсов, предполагающих четко обозначенный конечный результат [12].

Именно с учетом этих обстоятельств сегодня реализуются важнейшие национальные проекты, которые призваны решать проблемы, жизненно важные для страны, региона, конкретной территории, отдельного человека. На каждом уровне управления проектами (федеральном, региональном, муниципальном) решаются вопросы, входящие в компетенцию органов соответствующего уровня управления.

Таблица 3

Table 3

**Национальные проекты РФ по направлениям развития
National projects of the Russian Federation in development areas**

Национальные проекты РФ		Сроки реализации НП	
Направления развития	Название НП	Начало	окончание
Развитие человеческого потенциала	Здравоохранение	01.01.2019	31.12.2024
	Образование	01.01.2019	31.12.2024
	Демография	01.01.2019	31.12.2024
	Культура	01.01.2019	31.12.2024
Качественная среда для жизни	Безопасные и качественные автомобильные дороги	01.01.2019	31.12.2024
	Жилье и городская среда	03.12.2018	31.12.2024
	Экология	01.10.2018	31.12.2024
Развитие экономического потенциала	Производительность труда и поддержка занятости	01.10.2018	31.12.2024
	Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	15.10.2019	31.12.2024
	Цифровая экономика	01.10.2018	31.12.2024
	Международная кооперация и экспорт	01.10.2018	31.12.2024
	Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	01.10.2018	31.12.2024
	Наука	01.01.2018	31.12.2024
	«Международная кооперация и экспорт»	01.10.2018	31.12.2024
	Туризм	2021	2024
	Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	01.10.2018	31.12.2024

Составлено автором по данным Национальные проекты России. URL: <https://dpgrw.ru/wp-content/uploads/2019/09/Natsionalnye-proekty-Rossii.pdf?ysclid=m32zdavyog640817580> (дата обращения 04.11.2024).

Как отмечает А. Н. Бойко, национальные проекты в современной России должны быть встроены в полноценную модель стратегического планового управления, которую еще необходимо сформировать [5]. Следует констатировать, что реализация национальных проектов находится на достаточно высоком уровне.

Национальные проекты (НП) имеют уровневую структуру: федеральные проекты (ФП), региональные проекты (РП), на каждом уровне управления проектами решаются вопросы, входящие в компетенцию органов соответствующего уровня управления. Практика реализации национальных проектов в РФ показала, что, наряду с пониманием целей, задач, целевых ориентиров, необходим адекватный механизм реализации проектов, выстраивание соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие участников проекта на разных уровнях управления.

Отметим, что имеется положительный опыт при реализации национального проекта «Производительность труда», в рамках которого реализуются несколько ФП: «Системные меры по повышению производительности труда», «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях», «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности». На региональном уровне в рамках ФП «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» реализуется региональный проект с одноименным названием.

Инфраструктура ФП представлена Федеральным центром компетенций (ФЦК), и созданными в 60 регионах региональными центрами компетенций (РЦК), которые ответственны за реализацию мероприятий на конкретных предприятиях. Их функции и задачи четко определены: от участия в планировании проекта и контроля его реализации до обучения и развития персонала предприятий, участвующих в проекте. Принципы работы ФЦК и РЦК, их организационное, методическое, обучающее сопровождение предприятий показали себя как результативная практика, которую целесообразно масштабировать. В национальном проекте в настоящее время участвует уже более 5000 предприятий.

В то же время выявились сложности при реализации проекта, как у ФЦК и РЦК, так и у предприятий. Речь идет о недостаточном понимании целей и способов достижений желаемых результатов; о низкой степени готовности отдельных

предприятий к участию в проекте; о сложностях проведения коммуникационной кампании для вовлечения предприятий в проект и др. В процессе проектной деятельности от этапа к этапу эти сложности преодолеваются, о чем свидетельствует успешная и эффективная деятельность, повышение производительности труда на тысячах предприятий по всей стране.

Институциональное оформление проектной деятельности закреплено в соответствующих нормативно-правовых документах. В частности, утверждено Постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

Постановление устанавливает и определяет порядок организации проектной деятельности; функциональную структуру организации проектной деятельности; единые подходы к проектной деятельности; органы управления проектной деятельностью; последовательность действий; функции; полномочия и ответственность участников проектной деятельности в ходе инициирования, подготовки, реализации, мониторинга и завершения проектов [13].

В структуре государственного управления проектный подход выделяется как один из основных. Это направление закрепляется указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Заключение

В настоящее время проектное управление является востребованным и результативным направлением проектной деятельности. Проектное управление — специфическая форма человеческой деятельности, имеющая свою логику, терминологию, целеполагание, подтвержденные практикой успешного применения.

В теоретическом плане известны различные подходы к проектному управлению, в то же время имеется консенсус в отношении понятия «проект»; разработаны научные основы проектного подхода в управлении экономическими системами. Есть понимание целей, задач, сферы применения проектного подхода в управлении социально-экономическим развитием. Проанализированы преимущества и ограничения проектного подхода на разных уровнях управления.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 4072 п-П6 «Методические указания по разработке национальных проектов».

Сегодня управление проектами становится все более заметной тенденцией в управлении регионом. При этом проектное управление начинает активно развиваться, внедряются новые методологии, которые ранее не использовались в управлении проектами, в том числе началось внедрение гибких методов управления проектами в регионах.

С учетом внешних факторов и специфики социально-экономического развития регионов

наиболее приемлемым является комбинированный подход к применению проектного управления, который способствует логичному и последовательному проектированию модели действий при реализации программ социально-экономического развития регионов.

Продолжается совершенствование нормативно-правовой базы, актуализация институционального оформления проектного управления на национальном и региональном уровнях.

Список источников

1. Авдеева И. Л., Задоренко И. О. Тенденции современного управления проектами в регионе // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 390–393.
2. Агзамов Р., Агзамова Л. Проектное управление: причины для внедрения и тенденции развития // Экономика и управление. 2018. № 1. С. 77–82.
3. Алтухов Д. В. Сущность проектного подхода в управлении региональными системами // Экономика. Информатика. 2015. № 7 (204). С. 13–17.
4. Беликова А. В., Александрова О. Б. Проект как сложная многофункциональная система в экономике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 4. С. 597–602.
5. Бойко А. Н. Проектное управление в России как компонента стратегического управления // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 3 (116). С. 65–67.
6. Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А., Трофимов М. Н. Предпосылки, принципы, методы и проблемы внедрения проектного управления в органах государственной власти // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2020. № 4. С. 16–22.
7. Гайнанов Д. А., Биглова Г. Ф., Атаева А. Г. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 2 (50). С. 77–89.
8. Гайнанов Д. А., Закиров И. Д. Методологические аспекты реализации программно-проектного подхода в стратегическом управлении развитием территории // Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XV Международной научной конференции : в 2 т. 2015. С. 38–42.
9. Ильин И. В., Полищученко В. А. Современные аспекты проектного управления в регионе // Экономические науки. 2023. № 2 (219). С. 67–74. DOI: 10.14451/1.219.66
10. Келеш Ю. В. Проектное управление социально-экономическим развитием региона: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Курск, 2019. 26 с.
11. Кожевников С. А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5. С. 1.
12. Козачинская Д. Ю. Специфика и основные проблемы реализации национальных проектов РФ // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021.
13. Кузнецов В. В., Чурсин М. А., Масликова Т. И. Анализ реализации проектного управления в Воронежском регионе // Власть. 2023. № 1. С. 102–109.
14. Кузнецов И. А. Проектный подход в управлении социально-экономическим развитием региона // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). С. 2.
15. Попов А. В., Самыгин С. И., Савон И. В. Проектный подход к управлению экономической системой региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. С. 222–225.
16. Разу М. Л. Управление проектом. Основы проектного управления : учебник. М. : Кнорус, 2007. 768 с.

17. Тажитдинов И. А. Теоретико-методологический подход к стратегическому управлению развитием социально-экономических систем на основе межтерриториальных взаимодействий: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)»: автореферат дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2014. 22 с.
18. Татаркин А. И. Пространственное развитие региональных и территориальных экономических систем с использованием программно-проектных подходов // Проблемы экономики. 2012. № 3. С. 71–80.
19. Ускова Т. В., Копытова Е. Д. К вопросу о внедрении проектного управления в органах власти // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 7–27.
20. Фунтов В. Н. Основы управления проектами в компании. СПб. : Питер, 2011. 393 с.

References

1. Avdeeva IL, Zadorenko IO. Trends in Modern Project Management in the Region. *Estestvenno-gumani-tarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2022;44(6):390-393. (In Russ.).
2. Agzamov R, Agzamova L. Project Management: Reasons for Implementation and Development Trends. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2018;(1):77-82. (In Russ.).
3. Altukhov DV. The Essence of the Project Approach in Managing Regional Systems. *Ekonomika. Informatika = Economics. Informatics*. 2015;7(204):13-17. (In Russ.).
4. Belikova AV, Aleksandrova OB. Project as a Complex Multifunctional System in Economics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» = Bulletin of Udmurt University. Series “Economics and Law”*. 2022;(4):597-602. (In Russ.).
5. Boyko AN. Project Management in Russia as a Component of Strategic Management. *Samoupravlenie = Self-Government*. 2019;2(3(116)):65-67. (In Russ.).
6. Gadzhiev NG, Konovalenko SA, Trofimov MN. Prerequisites, Principles, Methods, and Issues of Project Management Implementation in Public Authorities. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2020;(4):16-22. (In Russ.).
7. Gainanov DA, Biglova GF, Ataeva AG. Strategic Management of Key Development Potentials of Multi-Level Territorial Socio-Economic Systems. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017;2(50):77-89. (In Russ.).
8. Gainanov DA, Zakirov ID. Methodological Aspects of Program-Project Approach in Strategic Management of Territorial Development. In: *Upravlenie ekonomikoi: metody, modeli, tekhnologii = Economic Management: Methods, Models, Technologies. Materials of the XV International Scientific Conference*. In 2 volumes. 2015. Pp. 38–42. (In Russ.).
9. Ilyin IV, Polishchenko VA. Modern Aspects of Project Management in the Region. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2023;2(219):67-74. DOI: 10.14451/1.219.66. (In Russ.).
10. Kelesh YV. Project Management of Socio-Economic Development of the Region: Dissertation Abstract for the Candidate Degree in Economics (Specialty 08.00.05 «Economics and Management of the National Economy by Sectors and Fields of Activity»). Kursk; 2019. 26. (In Russ.).
11. Kozhevnikov SA. Project Management as a Tool to Increase Efficiency of Executive Government Authorities. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Issues of Territorial Development*. 2016;(5):1. (In Russ.).
12. Kozachinskaya DY. Specifics and Main Issues of Implementing National Projects in the Russian Federation. In: *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: vyzovy i sovremennye tekhnologii raboty s molodezh'yu = State Youth Policy: Challenges and Modern Youth Work Technologies. Materials of the International Youth Scientific Research Conference (Yekaterinburg, April 13, 2021)*. Yekaterinburg, Ural University Press; 2021. (In Russ.).
13. Kuznetsov VV, Chursin MA, Maslikova TI. Analysis of Project Management Implementation in the Voronezh Region. *Vlast' = Power*. 2023;(1):102-109. (In Russ.).
14. Kuznetsov IA. Project Approach in the Management of Socio-Economic Development of the Region. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Issues of Territorial Development*. 2018;4(44):2. (In Russ.).
15. Popov AV, Samygin SI, Savon IV. Project Approach to the Management of the Regional Economic System. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2023;(7):222-225. (In Russ.).

16. Razu ML. Project Management. Fundamentals of Project Management: Textbook. Moscow, KNORUS; 2007. 768 p. (In Russ.).
17. Tazhitdinov IA. Theoretical and Methodological Approach to Strategic Management of Socio-Economic Systems Development Based on Inter-Territorial Interactions. Abstract. Yekaterinburg, 2014. 22 p. (In Russ.).
18. Tatarkin AI. Spatial Development of Regional and Territorial Economic Systems Using Program-Project Approaches. *Problemy ekonomiki = Economic Issues*. 2012;(3):71-80. (In Russ.).
19. Uskova TV, Kopytova ED. On the Introduction of Project Management in Public Authorities. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territorial Development*. 2017;4(90):7-27. (In Russ.).
20. Funtov VN. Basics of Project Management in a Company. St. Petersburg; 2011. 393 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Artemova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338:658

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-127-132

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Андрей Васильевич Веретёхин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, v_a_v_crimea@mail.ru,
0000-0002-6287-4091

Аннотация. Цифровая трансформация обеспечивает предприятие уникальными ресурсами, что ведет к росту его конкурентоспособности. Цель данной работы — определение характеристик цифровой трансформации промышленного предприятия, играющих ключевую роль в обеспечении конкурентного преимущества в современных условиях. Для выявления условий устойчивой конкурентоспособности предприятия, проводящего цифровые преобразования, используется модель VRIN. Выделены основные факторы, способствующие масштабированию цифровой трансформации промышленного предприятия. В современных условиях, отличающихся упрощением и ускорением имитируемости ресурсов, цифровая трансформация промышленного предприятия в контексте достижения конкурентных преимуществ должна быть непрерывной, или постоянной, или периодичной, но никак не эпизодичной.

Ключевые слова: цифровая трансформация, менеджмент организации, промышленное предприятие, конкурентоспособность

Для цитирования: Веретёхин А. В. Управление цифровой трансформацией промышленного предприятия в контексте обеспечения конкурентных преимуществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 127–132. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-127-132.

Review article

DIGITAL TRANSFORMATION MANAGEMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF ENSURING COMPETITIVE ADVANTAGES

Andrey V. Veretyokhin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, v_a_v_crimea@mail.ru, 0000-0002-6287-4091

Abstract. The enterprise digital transformation allows management to create unique resources and helps ensure competitiveness. The purpose of paper is to determine the main characteristics of enterprise digital transformation, which play a key role in providing management with a competitive advantage of the organization. The paper applies the VRIN model. The author identified the factors contributing to the scaling of the enterprise digital transformation. In the context of competitive advantage, management needs to undertake an industrial enterprise digital transformation that is continuous, ongoing, or at least periodic rather than one-time.

Keywords: digital transformation, management of the organization, industrial enterprise, competitiveness

For citation: Veretyokhin AV. Digital Transformation Management of an Industrial Enterprise in the Context of Ensuring Competitive Advantages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):127-132. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-127-132.

Введение

В эпоху стремительного технологического прогресса и становления цифровой экономики руководством предприятия необходимо прилагать нема-

лые усилия, чтобы обеспечить своей организации конкурентные преимущества. Результаты ряда научных исследований показывают ключевую роль цифровой трансформации в этом вопросе.

По мнению Х. Го, Д. Ли, Ф. Рен, Х. Чэнь, К. Ши и др. цифровая трансформация предприятия

позволяет создавать уникальные ресурсы, которые обеспечивают устойчивое конкурентное преимущество хотя бы по одному из базовых направлений (технологическое, ресурсное, управленческое, инновационное и т. д.) [1]. Фактором роста конкурентоспособности российские ученые (В. Н. Родионова, И. С. Антонов и др.) считают цифровую трансформацию основных подсистем предприятия с реорганизацией отдельных процессов и преобразованием всей компании на основе цифровых платформ и экосистем [2]. Э. Д. Малевская-Малевиц, В. В. Глухов, Т. А. Гилева и др. отмечают, что для укрепления конкурентоспособности промышленному предприятию необходимо осуществлять цифровую трансформацию по обоснованной траектории [3]. Исследователи главным образом рассматривают обеспечение конкурентных преимуществ фирмы за счет выбора «верного» направления и «подходящего» объекта для цифровой трансформации. При этом уделяется недостаточное внимание условиям, которым должна соответствовать сама цифровая трансформация.

Целью настоящей работы является определение основных характеристик цифровой трансформации промышленного предприятия, играющих ключевую роль в обеспечении динамического конкурентного преимущества организации в условиях становления цифровой экономики.

Материалы и методы исследования

В работе используются данные из открытых источников. Основу исследования составляют следующие методы: всеобщие (диалектический); общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия). Применяется модель VRIN (автор профессор Джей Б. Барни, 1991 г.), которая в рамках ресурсного подхода определяет условия достижения предприятием устойчивой конкурентоспособности [4]. Под предприятием-первопроходцем понимается такое предприятие, которое в результате цифровой трансформации первым создает определенный (а значит, уникальный) ресурс.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно модели VRIN, предприятие может достичь устойчивой конкурентоспособности, если его ресурсы ценны (англ. Value), редки (англ. Rarity), плохо поддаются имитации (т. е. трудно повторимы, англ. Inimitable) и не подлежат замене (англ. Nonsubstitutable) [4]. Отметим, что наряду с классическим VRIN-фреймворком иногда используется его модификация — VRIO (или VRINO у других авторов). При этом, в модель

VRIN вводится критерий «О» — «организованность» (англ. Organization). Однако понимается он исследователями по-разному.

Сущность критериев VRIN/VRIO и их аналитические выражения достаточно подробно представили Д. Б. Шульгин, Л. Д. Сон и др. [5]. Отметим некоторую сложность практического использования предложенных этими авторами сентенций, поскольку необходимо, среди прочего, знать доли рынка каждого конкурирующего продукта и проводить корректную градацию и оценку ресурсов конкурентов. Вместе с тем как модель VRIN, так и фреймворк VRIO фокусируются на атрибутировании ресурсов, которые позволяют предприятию получить устойчивое конкурентное преимущество. Подчеркнем, что парадигма VRIN довольно широко представлена в научной литературе, и, за более чем 30-летнюю историю ее использования, достаточно апробирована в эмпирических исследованиях российских и зарубежных авторов [6; 7]. Модель VRIN значительно проще в применении, чем VRINO, т. к. содержит меньше критериев, и в ней отсутствует дискуссионный показатель «Organization». Все это делает VRIN предпочтительной для наших исследований.

В результате цифровой трансформации промышленное предприятие получает различные новые ресурсы, способствующие стратегическому корпоративному развитию [1–4]. С целью выявления атрибутов цифровой трансформации промышленного предприятия, которые менеджмент предприятия должен обеспечить для получения организацией конкурентного преимущества, воспользуемся критериями VRIN, как характеристиками приобретенных ресурсов. При этом в рассуждениях будем руководствоваться «разделяющим равновесием», которое соответствует ситуации, «когда агенты с различными характеристиками выбирают разные типы поведения» [6]. Это может обуславливаться различными причинами. Поведенческая вариативность зачастую наблюдается, например, из-за разницы в транзакционных издержках и/или из-за неодинакового доступа к источникам финансирования. В нашем случае это означает, что предприятию-первопроходцу достаточно выгодно инвестировать в создание специфических цифровизированных активов, а его конкурентам — нет.

Исходя из принятого в работе подхода, наличие устойчивого конкурентного преимущества означает выполнение неравенства [7]:

$$V_0 < V_1,$$

где V_0 — стоимость ценного, редкого ресурса, полученного предприятием в результате цифровой трансформации; V_1 — затраты конкурента или стоимость масштабирования этого ресурса, или ресурса, заменяющего его.

Следовательно, устойчивое конкурентное преимущество предприятие может себе обеспечить либо путем владения неиметируемым ресурсом, либо если конкурентам невыгодно масштабировать уникальный ресурс из-за значительных затрат (которые намного больше, чем у предприятия-первопроходца), либо в сочетании этих двух условий.

Подчеркнем, что в рассматриваемом контексте уникальный ресурс предприятие получает в результате своей цифровой трансформации, т. е. на основе цифровых технологий. Последние сейчас стремительно развиваются и постоянно расширяют сферу своего применения. В настоящее время цифровые технологии достигли такого уровня развития, что стали легко доступными для пользователей. В итоге количество предприятий, внедряющих цифровые технологии и различные цифровые продукты на их основе, в мире перманентно растет.

Современное информационное поле способствует интегрированию и быстрому распространению информации не только о результатах цифровой трансформации, но подчас даже о намерении менеджмента предприятия ее провести. Тенденция к ускорению инфообмена в ближайшем будущем скорее всего сохранится, т. к. глобально наблюдается рост скорости инфообмена, емкости инфопространства и развитие инфоресурсов (СМИ, сайты, новостные агрегаторы, соцсети и т. д.). По прогнозам к 2025 г. количество наличествующей информации вырастет до 175–200 зеттабайт с 33 зеттабайт в 2018 г. [8]. В таких условиях эффективность информационного воздействия на хозяйствующие субъекты безусловно возрастет.

Руководители функционирующих промышленных предприятий при проведении цифровой трансформации нередко пользуются услугами консалтинговых компаний и/или разработчиков программного обеспечения. Быстрая технологическая эволюция сделала специализированный информационно-технологический (ИТ) консалтинг достаточно востребованным в мире. В РФ он особенно важен для успешного осуществления цифровой трансформации промышленного предприятия из-за высокой неопределенности внешних экономических факторов и различных ограничений, ставших особенно ощутимыми с 2020 г.

Таким образом, компании сектора ИТ и консалтинговые фирмы накапливают опыт внедрения одной или нескольких цифровых технологий, а также их сочетаний. Эти компании аккумулируют и интегрируют цифровые знания. Развитие консалтинговых фирм и компаний-разработчиков программного обеспечения способствует распространению опыта цифровой трансформации. Это, в свою очередь, приводит к снижению риска и затрат предприятий-последователей, масштабирующих результаты предприятий-первопроходцев.

Проведение цифровой трансформации менеджментом предприятия должно быть хорошо продуманным и обоснованным, поскольку такие преобразования, как правило, сопряжены с риском и требуют больших капиталовложений. В то же время проекты цифровой трансформации, опирающиеся на положительный, реально уже кем-то полученный инновационный результат, могут быть вполне обоснованными и достаточно привлекательными для исполнения. Именно такие проекты имеют больше шансов получить финансовую поддержку различных фондов, кредитных организаций и инвесторов, чем предложения предприятий-первопроходцев. Такая ситуация обусловлена наличием у собственников (и иных ресурсодержателей) жестких требований к инвестиционной безопасности. Защищенность вкладываемых материальных и иных ресурсов предполагает умеренность рисков и обоснованность диджитал-проектов предприятия-реципиента.

Обобщая вышеизложенное представим основные факторы, способствующие масштабированию результатов цифровой трансформации промышленных предприятий (рис. 1).

В сложившихся условиях цифровые разработки и достижения предприятий зачастую относительно легко имитируются конкурентами. В итоге менеджменту промышленного предприятия сложно обеспечить выполнение критериев VRIN в течение длительного промежутка времени. Единичное цифровое преобразование (даже весьма масштабное) не всегда может быть залогом устойчивой конкурентоспособности предприятия. В результате цифровой трансформации предприятие, как правило, получает конкурентные преимущества на сравнительно небольшие промежутки времени. В современных работах научно-практической направленности приводится множество примеров достаточно быстрого масштабирования результатов цифровой трансформации. Скорость масштабирования все время растет, и даже существенные

Рис. 1. Основные факторы, способствующие расширению масштабирования результатов цифровой трансформации промышленных предприятий

Fig. 1. Main factors contributing to the spread of scaling of the industrial enterprises' digital transformation results

Источник: составлено автором

цифровые прорывы не гарантируют длительного конкурентного доминирования.

В данном ключе показателен пример распространения популярной в автомобилестроении бизнес-модели «подключенный автомобиль». Исторически первый подключенный автомобиль был создан General Motors (GM) в сотрудничестве с Motorola Automotive и выведен на рынок в 1996 г. На тот момент данная концепция воспринималась многими как футуристичный способ демонстрации технологических возможностей концерна. Подключенный автомобиль оставался редким видом продукции достаточно долго.

Развитие цифровых технологий, их удешевление и упрощение использования, а также обусловленное этим появление и распространение новых технических возможностей (таких, как сотовая связь, Интернет, интернет вещей и др.) привело к тому, что с 2007 г. автоконцерны один за другим стали массово выпускать соответствующую продукцию [9]. В настоящее время практически все крупные компании отрасли (в т. ч. Ford Motor Company, Volvo Car Corporation, Toyota Group, Volkswagen Group и др.) имеют и постоянно совершенствуют научно-техническую базу, необходимую для производства подключенного автомобиля. При этом менеджмент корпораций внедряет новые цифровые технологии во все сферы деятельности предприятий. В частности, автомобильные компании активно и массово интегрируют инструменты управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) и аналитику больших данных. Современный подключенный автомобиль обменивается информацией с другими объектами и устройствами, сетями и сервисами, охватываемыми сам автомобиль, дорогу, дом, офис/

работу и т. п. [9]. По сути сейчас продукт «подключенный автомобиль» создается компаниями как элемент экосистемы пользователя. Причем, с точки зрения потребителя, автоконцерны часто почти одновременно оснащают как свои офисы, так и автомобили практически идентичными сервисами. Например, на современном этапе несколько компаний (Tesla, КамАЗ, BMW и др.) заявляют о технологической готовности к полноценному использованию систем автопилотирования в своей продукции. По мнению экспертов, основным препятствием к серийному выпуску беспилотных авто являются законодательные ограничения.

Выпуск того или иного продукта как элемента пользовательской экосистемы является современным трендом не только в автомобилестроении. Например, становится популярным производство умных гаджетов в категории «Здоровье» (умные часы, умные очки, фитнес-трекеры, умная одежда и т. п.), происходит интеграция бытовой техники и различных устройств в систему «Умный дом» и т. д. Каждая интегрированная в инновационный продукт функциональная цифровая инновация придает ему особые свойства, тем самым вызывая интерес потребителя и обеспечивая определенное конкурентное преимущество. Однако, поскольку срок масштабируемости в современном производстве постоянно сокращается, полученные предпочтения остаются таковыми недолго.

Приведенные в работе примеры наглядно показывают, что цифровая трансформация (в контексте обеспечения конкурентных преимуществ) должна быть непрерывной, постоянной или хотя бы регулярной. Проведение одноразовой кампании не гарантирует предприятию долгосрочного превосходства над оппонентами.

Заключение

Исследования российских и зарубежных авторов демонстрируют, что цифровая трансформация промышленного предприятия является важным источником конкурентных преимуществ. Согласно модели VRIN, предприятие может достичь устойчивой конкурентоспособности, если его ресурсы ценны, редки, плохо поддаются имитации (т. е. неповторимы) и не подлежат замене.

В работе выявлены основные факторы, способствующие масштабированию успешных практик цифровизируемых предприятий. Показано, что современные реалии содействуют распространению результатов цифровой трансформации предприятия. Именно таким образом сейчас формируются

и развиваются локальные и глобальные пользовательские экосистемы.

В условиях перманентного упрощения и ускорения имитируемости ресурсов менеджменту современного промышленного предприятия, в контексте обеспечения конкурентных преимуществ, необходимо осуществлять такую цифровую трансформацию, которая будет непрерывной и постоянной (или хотя бы регулярно-периодической), но не эпизодической.

В дальнейшем предполагается выявить отраслевую специфику управления цифровой трансформацией с целью укрепления конкурентоспособности промышленного предприятия.

Список источников

1. Guo X., Chen X. The Impact of Digital Transformation on Manufacturing-Enterprise Innovation: Empirical Evidence from China // *Sustainability*. 2023. Vol. 15(4). 3124.
2. Антонов И. С., Родионова В. Н. Цифровая трансформация предприятия как условие обеспечения его конкурентоспособности // *Организатор производства*. 2023. Т. 31, № 1. С. 145–158.
3. Glukhov V. V., Gileva T. A., Galimova M. P. et al. Industrial Enterprise Digital Transformation Navigator: Stages and Tools for Strategic Change // *Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure & Service*. 2023. Vol. 684. P. 908–920.
4. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // *Journal of management*. 1991. Vol. 17, no. 1. P. 99–120.
5. Оглуздина О. Б., Шульгин Д. Б., Сон Л. Д. Конкурентный ресурсный VRIO-профиль высокотехнологического предприятия // *Вестник УрФ У. Серия экономика и управление*. 2016. Т. 15, № 6. С. 830–847.
6. Обыденков А. Ю. Стратегическое конкурентное преимущество: ресурсно-институциональный взгляд // *Российский журнал менеджмента*. 2016. № 14(1). С. 87–110.
7. Oluoch F. O., K'Aol G., Koshal J. Firm's Resource Portfolio and its Influence on Financial Sustainability of NGOs in Kenya // *The University Journal*. 2022. Vol. 4 (2). P. 73–86.
8. Sullivan T. AI and the Global 'Datasphere': How Much Information Will Humanity Have By 2025? // *Data Universe*. Jun 27. 2023.
9. Постолиит А. В. Перспективы применения искусственного интеллекта и компьютерного зрения в транспортных системах и подключенных автомобилях // *Мир транспорта*. 2021. Т. 19, № 1. С. 74–90.

References

1. Guo X, Chen X. The Impact of Digital Transformation on Manufacturing-Enterprise Innovation: Empirical Evidence from China. *Sustainability*. 2023;15(4):3124.
2. Antonov IS, Rodionova VN. Digital transformation of the enterprise as a condition for its competitiveness. *Organizator proizvodstva = Organizer of Production*. 2023;31(3):145-158. (In Russ.).
3. Glukhov VV, Gileva TA, Galimova MP et al. Industrial Enterprise Digital Transformation Navigator: Stages and Tools for Strategic Change. *Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure & Service*. 2023;(684):908-920.
4. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of management*. 1991;(17):99-120.
5. Ogluzhdina OB, Shulgin DB, Son LD. Competitive Resource Vrio-Profile of a High-Tech Enterprise. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie = Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. 2016;15(6):830-847. (In Russ.).
6. Obydenov AY. Strategic Competitive Advantage: Resource and Institutional Approach. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2016;14(1):87-110. (In Russ.).

7. Oluoch FO, K'Aol G, Koshal J. Firm's Resource Portfolio and its Influence on Financial Sustainability of NGOs in Kenya. *The University Journal*. 2022;4(2):73-86.
8. Sullivan T. AI and the Global 'Datasphere': How Much Information Will Humanity Have By 2025? In: *Data Universe*. Jun 27, 2023.
9. Postolit AV. Prospects for the Use of Artificial Intelligence and Computer Vision in Transport Systems and Connected Cars. *Mir transporta = World of transport and transportation*. 2021;19(1):74-90. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Веретёхин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела.

Information about the author

A. V. Veretyokhin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Advertising, Public Relations and Publishing.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 334.722

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-133-142

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ БЫСТРОРАСТУЩИХ КОМПАНИЙ-ГАЗЕЛЕЙ В РОССИИ

Ксения Андреевна Наумова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ksuha-457000@mail.ru,
0000-0001-9819-5157

Аннотация. Быстрорастущие компании (БРК), газели, играют важную роль в экономике, обеспечивая рост рабочих мест, инновации и развитие новых технологий. Зачастую их стратегии быстрого экономического роста и масштабирования не учитывают принципы устойчивого развития. Автором предложен теоретический конструкт дуального подхода к вопросу устойчивого развития быстрорастущих компаний, а также описаны внутренние и внешние факторы, позволяющие БРК обеспечивать экономический рост и соответствие принципам устойчивого развития. На основе данных рейтинга РБК и ESG-рэнкинга RAEX за 2023 и 2022 гг. установлена низкая доля быстрорастущих компаний, вовлеченных в социально и экологически ответственные инициативы. Выявленные устойчиво развивающиеся быстрорастущие компании («Нефтиса», «Яндекс» и «ВкусВилл») характеризуются устойчивостью экономического роста и диверсифицированным подходом в области устойчивых практик. Результаты исследования открывают новые перспективы для разработки эффективных политик и корпоративных стратегий, направленных на обеспечение долгосрочного экономического роста, повышение социальной ответственности и достижение экологической устойчивости.

Ключевые слова: быстрорастущие компании, быстрорастущая компания, газели, БРК, устойчивость, устойчивое развитие, ESG

Для цитирования: Наумова К. А. Устойчивое развитие быстрорастущих компаний-газелей в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 133–142. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-133-142.

Review article

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF HIGH-GROWTH FIRMS-GAZELLES IN RUSSIA

Kseniia A. Naumova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ksuha-457000@mail.ru,
0000-0001-9819-5157

Abstract. High-growth firms (HGF), gazelles, play an important role in the economy, providing job growth, innovation and development of new technologies. Often, their strategies for rapid economic growth and scaling do not take into account the principles of sustainable development. The author proposes a theoretical construct of a dual approach to the issue of sustainable development of high-growth firms, and describes the internal and external factors that allow HGFs to ensure economic growth and compliance with the principles of sustainable development are described. The dual approach combines the traditional economic understanding of sustainable development as the ability to maintain and improve its key indicators of financial and economic efficiency, and the compliance of the company's activities with the principles of sustainable development. is established. Based on the RBC ratings and RAEX ESG ranking for 2023 and 2022, the author identifies a low share of high-growth firms involved in socially and environmentally responsible initiatives. The identified sustainable developing high-growth firms (Neftisa, Yandex and VkusVill) are characterized by sustainable economic growth and a diversified approach to sustainable practices. The results of the study open up new perspectives for the development of effective policies and corporate strategies aimed at ensuring long-term economic growth, increasing social responsibility and achieving environmental sustainability.

Keywords: high-growth firms, high-growth company, gazelle, HGF, sustainability, sustainable development, ESG.

For citation: Naumova K.A. Sustainable Development of High-Growth Firms-Gazelles in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):133-142. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-133-142.

Введение

Быстрорастущие компании, газели, БПК, играют ключевую роль в развитии экономики, являясь драйверами инноваций, занятости и структурных изменений. В России, как и в других странах, газели характеризуются динамичным ростом выручки и численности сотрудников, что делает их стратегически значимым объектом для изучения в условиях глобальных и локальных вызовов.

В условиях экономических изменений и растущей важности экологических проблем, устойчивое развитие (УР) становится одним из приоритетных направлений целеполагания различных субъектов. В рамках этой концепции компании стремятся минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, улучшать социальные стандарты и обеспечивать устойчивый экономический рост. Быстрорастущие компании могут играть значимую роль в реализации целей устойчивого развития, поскольку их инновационный потенциал и способность к быстрому масштабированию могут ускорить внедрение экологических технологий и социальных инициатив.

Тем не менее интеграция принципов устойчивого развития в бизнес-стратегии быстрорастущих компаний является практически не изученной темой. Стремление быстрорастущих компаний к высоким темпам роста, активное масштабирование деятельности в короткое время может противоречить долгосрочным экологическим и социальным целям. А быстрое масштабирование бизнеса в пиковые периоды роста может увеличить потребление ресурсов и негативное воздействие на окружающую среду, если компания не ориентирована на устойчивые практики.

Целью является исследование теоретических предпосылок, а также эмпирических фактов устойчивого развития российских быстрорастущих компаний.

Обзор литературы

В научной литературе встречаются различные определения понятий «устойчивость» и «устойчивого развития» в виду междисциплинарного характера этих понятий. Согласно традиционному экономическому подходу, устойчивое развитие — процесс обеспечения роста ключевых

показателей эффективности в условиях ограниченности ресурсов, сложившейся рыночной конъюнктуры и воздействия внешней и внутренней среды.

Интегративным подходом, объединяющим традиционное экономическое понимание устойчивого развития и интересы общества, выступает концепция устойчивого развития. А наиболее распространенной и признанной в контексте устойчивого развития на данный момент является концепция экологического, социального и корпоративного управления, в англоязычной версии ESG (Environmental, social, and governance). Комплексный охват всех аспектов устойчивого развития делает ESG универсальной системой для оценки нефинансовой деятельности компаний инвесторами, регуляторами и исследователями.

Декларирование устойчивого развития способствует репутационным [3; 20] и финансовым выгодам компании [9]. Компании, обладающие высокой ESG эффективностью, менее подвержены деловым рискам, финансовым ограничениям и агентским расходам [12]. Внедрение практик устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности и ESG оказывает влияние не только на инвестиционную привлекательность и репутационные аспекты компании, но также и на финансовые результаты [16; 18]. Результаты исследования российских компаний также указывают на то, что компании, соблюдающие принципы ESG, демонстрируют значительно лучшие финансовые показатели, чем другие компании (вне зависимости от используемого показателя эффективности) [1; 2; 19].

Быстрорастущие компании

Феномен быстрорастущих компаний в последние годы набирает интерес как объект исследований. Занимая менее десятой части от всего количества компаний на рынке, газели генерируют более половины роста в занятости и производстве [17]. Кроме того, есть свидетельства большей устойчивости БПК во время кризисов в сравнении с обычными компаниями [6].

Унифицированный подход к определению быстрорастущей компании, утвержденный Организацией экономического сотрудничества и развития, гласит: «быстрорастущим является предприятие со средним годовым ростом более 20% в те-

чение трёхлетнего периода, и с десятью или более сотрудниками в начале периода наблюдения»¹.

Быстрорастущие компании также являются важной категорией для национальной экономики с точки зрения инноваций. Они могут играть ценную роль в инновационных системах, выступая в качестве каналов для распространения технологических инноваций [13]. А. Ю. Юданов делает акцент на инновационности газелей как факторе их успешности [8]. Инновационная направленность деятельности быстрорастущих компаний в России также отмечается в работе [4]. В ходе исследования БРК были выявлены более устойчивые темпы быстрого роста на протяжении пяти лет до анализируемого периода у инновационно-активных компаний [7].

Быстрый рост газелей обуславливается, в том числе, факторами интенсивности использования человеческого капитала, наличия специальных навыков и уровнем подготовки кадров [14]. Кроме того, значимую роль играет неординарная личность владельца, лидера или основателя быстрорастущей компании. Именно особые компетенции, чувство предвидения и таланта управления руководителем обеспечивает успех быстрорастущим компаниям [11]. На примере ярких и устойчивых российских быстрорастущих компаний можно заключить, что отличительной чертой быстрорастущих компаний является корпоративная культура, система мотивации и поддержки сотрудников [5; 6]. Для крупных БРК инвестиции в обучение низкоквалифицированных сотрудников выступают одним из факторов роста [10].

Методы исследования

Данное исследование построено на применении теоретических и эмпирических методов. На основе обзора литературы представлены основные положения и подходы к определению устойчивого развития и феномена быстрорастущих компаний. Используются качественные и количественные методы оценки. В частности, проведен контент-анализ рейтингов ESG и быстрорастущих компаний, открытые данные с официальных сайтов компаний, а также данные финансовой и нефинансовой отчетности. Анализ статистических данных

¹ Eurostat-OECD. Manual on Business Demography Statistics // Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 2007. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5901585/KS-RA-07-010-EN.PDF.pdf/290a71ec-7a71-43be-909b-08ea6bcd521?t=1414781381000> (дата обращения: 25.03.2024)

производится на основе финансовой отчетности быстрорастущих российских компаний по РСБУ и МСФО.

Результаты

Устойчивое развитие быстрорастущих компаний: дуальный подход

Быстрорастущие компании являются особой экономической категорией с точки зрения классического понимания устойчивого развития. Зачастую, быстрый и высокий рост газелей является неустойчивым в долгосрочной перспективе [15; 22]. Быстрорастущим компаниям трудно поддерживать высокие темпы роста в течение длительного времени [21]. Подавляющее большинство исследований быстрорастущих компаний фокусируется на вопросе устойчивого развития исключительно с точки зрения эффективности финансовых результатов, показателей занятости и, реже, производственных результатах.

Социальные и экологические аспекты деятельности быстрорастущих компаний являются практически не изученной областью в иностранной и отечественной литературе. Р. Сингх [23] установлена значимость фактора устойчивого роста для развития быстрорастущих компаний. Все три фактора ESG оказывают положительное и значительное влияние на стратегии роста молодых быстрорастущих компаний. Фактор управления является доминирующим по своему влиянию на начальных этапах быстрого роста компании. Согласно Институту устойчивого инвестирования Моргана Стэнли в сотрудничестве с BSR: «Быстрорастущие компании сталкиваются с определенными проблемами: быстро развивающиеся бизнес-модели, ограниченные ресурсы, агрессивный найм и, как правило, отсутствие опыта в области устойчивого развития. Фокус переходит на масштабирование, а управление в сфере ESG и раскрытие информации становятся неприоритетными» [4]².

На основе вышеизложенного, автор исследования предлагает использовать *дуальный подход* к вопросу устойчивого развития быстрорастущих компаний. Интегративный и междисциплинарный

² Lenhard J., Foster K., Gumbs K., Winterberg S., Collins J., Mozen C., Allan J.-B., Huber B., Brokland B., Bahl M. Sustainable Value: How Emerging Public Companies Can Deliver on ESG Expectations. 2020. Morgan Stanley & Co. URL: https://www.morganstanley.com/content/dam/msdotcom/en/assets/pdfs/3327223_Sustainable-Value-Delivering-ESG-Expectations_FINAL_REVISIED.pdf (дата обращения: 09.10.2024)

характер подхода объединяет традиционное экономическое понимание, как способности сохранять и улучшать свои ключевые показатели финансово-хозяйственной эффективности, и соответствие деятельности компании принципам устойчивого развития. Дуальный подход представляет собой новое целостное видение, в котором экономическая устойчивость становится важнейшим элементом модели, ориентированной на устойчивое развитие. Такой подход отвечает современным вызовам, когда компании должны не только быть эффективными и прибыльными, но и соблюдать принципы социальной ответственности и экологической безопасности. Предлагаемый дуальный подход способствует более глубокому пониманию природы быстрорастущих компаний в процессе достижения баланса между краткосрочным успехом и долгосрочными целями устойчивого развития. Реализация дуальной стратегии устойчивого развития быстрорасту-

щей компании требует системного анализа, в том числе совокупностью факторов, влияющих на ее деятельность. Управление внешними и внутренними факторами создает возможности для роста и устойчивого развития. А понимание дуального подхода задаёт основу для анализа внутренних и внешних факторов как элементов, влияющих на стратегическую устойчивость быстрорастущих компаний. Необходимо рассмотреть, как именно эти факторы способствуют или препятствуют достижению дуальных целей, а также каким образом их интеграция позволяет укрепить долгосрочную устойчивость быстрорастущего бизнеса.

Внутренние и внешние факторы обеспечения экономического роста и соответствия принципам устойчивого развития быстрорастущих компаний

В современных условиях глобальной конкуренции и усиления влияния экологических, социальных и управленческих стандартов (ESG)

Таблица 1
Table 1

Внутренние факторы обеспечения экономического роста и соответствия принципам устойчивого развития быстрорастущих компаний
Internal factors for ensuring economic growth and compliance with the principles of sustainable development of high-growth firms

Группа факторов	Обеспечение	
	экономического роста	соответствия принципам устойчивого развития
Инновации и технологии	Внедрение передовых технологий для повышения эффективности и ускорения операций	Разработка и внедрение экологичных технологий для увеличения доли производства продуктов с минимальным воздействием на окружающую среду
Человеческий капитал	Развитие компетенций и мотивации сотрудников для повышения производительности и эффективности труда	Повышение осведомлённости о принципах устойчивости и вовлеченности сотрудников в экологические и социальные проекты
Маркетинг	Увеличение продаж за счёт эффективного позиционирования, удовлетворения спроса	Формирование устойчивого бренда для повышения спроса и доверия клиентов благодаря экологической и социальной ответственности
Организационная деятельность	Упрощение процессов, повешение интенсивности масштабирования структуры, снижение транзакционных издержек	Формирование сквозных процессов с учётом экологических стандартов и социальных аспектов; развитие гибкой и ответственной структуры
Финансы и ресурсы	Управление затратами, привлечение инвестиций, оптимизация расходов для роста	Инвестиции в экологичные технологии, оптимизация использования ресурсов, минимизация отходов
Управление	Эффективное планирование, ускорение принятия решений, достижение стратегических целей	Интеграция экологических и социальных целей в стратегию, бизнес-процессы, инновационное развитие, оптимизацию ресурсов и формирование корпоративной культуры,
Партнерство и взаимодействие	Развитие партнёрских связей для оптимизации затрат, производства и усиления рыночных позиций	Создание экосистемы, в которой все участники следуют принципам устойчивого развития, минимизируя экологический след и повышая уровень социальной среды внутри и за пределами компании

Источник: составлено автором.

на бизнес-деятельность, особую актуальность приобретает изучение факторов, способствующих экономическому росту и устойчивому развитию быстрорастущих компаний. Внутренние факторы представляют собой контролируемые элементы, находящиеся в зоне ответственности быстрорастущей компании, и формируют её конкурентные преимущества (табл. 1).

Внутренние и внешние факторы, воздействующие на экономический рост и устойчивое развитие компании, находятся во взаимодействии. Так внутренние факторы характеризуют возможности и потенциал развития компании, а внешние факторы определяют условия их реализации. Внешние факторы представляют собой совокупность процессов, находящихся за пределами компании

и вне зоны прямого воздействия ее менеджмента (табл. 2).

На основе анализа внутренних и внешних факторов, можно сделать вывод, что быстрорастущие компании обладают возможностями для обеспечения как экономического роста, так и устойчивого развития, но для достижения дуальной устойчивости развития необходим ряд условий.

Динамичная природа, ориентация на инновации и способность адаптироваться к изменениям предоставляют БРК особые конкурентные преимущества. Эффективное управление внутренними факторами увеличивает потенциал устойчивого развития, а именно:

– диверсификация инновационной активности. Инновации компании должны быть направ-

Таблица 2

Table 2

Внешние факторы обеспечения экономического роста и соответствия принципам устойчивого развития быстрорастущих компаний
External factors for ensuring economic growth and compliance with the principles of sustainable development of high-growth firms

Группа факторов	Обеспечение	
	экономического роста	соответствия принципам устойчивого развития
Регуляторные (институционально-правовые)	Совершенствование законодательной, правовой и институциональной поддержки бизнеса, снижение административных барьеров	Совершенствование законодательного и правового регулирования в области устойчивого развития и ESG, развитие институциональных мер поддержки устойчивых инициатив
Экономические	Высокий уровень макроэкономической стабильности, экономического развития, инвестиционной привлекательности, экспортного потенциала, доступа к международным рынкам	Экономическое стимулирование перехода к устойчивому развитию, высокая доступность инвестиций и финансирования устойчивых инициатив
Социальные	Высокий уровень социального развития, концентрации квалифицированной рабочей силы, высокая урбанизация	Возрастание ожиданий и ориентация ценностей общества на этическое поведение и экологичность, низкий уровень социального неравенства
Экологические	Благоприятные климатические и сезонные условия, их предсказуемость	Благоприятное состояние экологии и качества окружающей среды, природных ресурсов
Рыночные	Стабильность рыночной конъюнктуры, высокий спрос и конкурентоспособность продукта, свободная конкуренция	Положительная динамика спроса на «устойчивую» продукцию, конкурентное давление на рост количества практик в области УР
Ресурсно-географические	Доступность и близость к инфраструктуре и природным ресурсам, наличие обеспеченного спроса и предложения — аффилированность с государством, крупными корпорациями и административными ресурсами.	Высокая доступность возобновляемых источников энергии, развитая экологическая инфраструктура, выгодное географическое расположение.
Технологические	Быстрое развитие технологической и научно-исследовательской деятельности, доступности технологий	Интенсификация инноваций и рост уровня технологичности ресурсосбережения, и минимизация экологического воздействия

Источник: составлено автором.

лены не только на экономический рост и эффективность, но и на создание экологической (например, внедрение технологий с низким углеродным следом) и социальной (улучшение условий труда) ценностей;

– эффективное управление человеческим капиталом. Кадровая политика должна обеспечивать высокую квалификацию и мотивацию сотрудников, включая поддержку их вовлечённости в устойчивое развитие компании. Инициатива лидера/основателя БРК должна включать не только приоритет на интенсивный рост и масштабирование бизнеса, но и цели устойчивого развития;

– стратегия быстрорастущих компаний должна обеспечивать баланс между экономическими и устойчивыми целями, то есть избегать одностроннего акцента на росте выручки за счёт игнорирования социальных и экологических аспектов;

– финансовое планирование должно учитывать долгосрочные перспективы, чтобы избежать чрезмерной зависимости от краткосрочного роста.

Факторы внешней среды находятся вне или в зоне косвенного влияния компании. Однако, внешние факторы формируют условия, в которых функционируют компании, что также оказывает значительное влияние на возможности роста и устойчивости. Эффективное взаимодействие компании с государством и общественными институтами повышает потенциал экономического роста и реализации практик устойчивого развития. Учет всех этих аспектов является трудоемкой и сложной в реализации задачей для быстрорастущих компаний. Первым ограничением выступает конфликт между краткосрочным ростом и долгосрочной устойчивостью. Дополнительные издержки на социальные и экологические проекты, а также неопределённость выгод от этих процессов снижает важность целей устойчивого развития перед быстрорастущей компанией. Газели часто сталкиваются с нехваткой времени и капитала для полноценной реализации принципов устойчивого развития. А экономическая нестабильность, несовершенство законодательного регулирования или недостаток инфраструктуры в регионах могут затруднить переход БРК к устойчивым моделям.

Таким образом, быстрорастущие компании могут быть устойчивыми с точки зрения экономического и интегративного подхода, но это требует значительных усилий и внешней поддержки для достижения синергии между экономическими и устойчивыми целями. Однако, успех возможен

при условиях, если: (1) стратегия компании интегрирует принципы устойчивости на всех уровнях управления; (2) созданы институциональные и рыночные условия, стимулирующие переход к устойчивым моделям; (3) компании фокусируются на инновациях, которые одновременно усиливают их конкурентные позиции и способствуют устойчивому развитию.

На наш взгляд, крупные промышленные и технологические быстрорастущие компании обладают наибольшим потенциалом для дуального устойчивого развития.

Оценка устойчивого развития российских быстрорастущих компаний

Ввиду отсутствия работ о внедрении принципов устойчивого развития быстрорастущими компаниями России, автором исследования предпринята попытка установить место быстрорастущих компаний в концепции устойчивого развития. Для этой цели проанализированы рейтинги быстрорастущих компаний и ESG-рейтинги (рэнкинги) на предмет установления тех компаний, которые, будучи быстрорастущими, активно внедряют принципы устойчивого развития в свою деятельность. На сегодняшний день можно выделить два основных рейтинга быстрорастущих компаний: РБК¹ и Интерфакс². Сопоставив список быстрорастущих компаний по версии РБК и ESG-рэнкинг RAEX³, установлены две компании, которые по результатам 2023 и 2022 гг. одновременно являются быстрорастущими и декларируют принципы устойчивого развития. В результате сопоставления списка БРК по версии Интерфакс и ESG-рэнкинг RAEX не обнаружены пересекающиеся компании. В табл. 3 представлен перечень быстрорастущих компаний, ориентирующих свою

¹ Рейтинг быстрорастущих компаний. РБК. 2022. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/637216fb9a79476b661dealc> (дата обращения 08.08.2024); Рейтинг быстрорастущих компаний. РБК. 2023. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6583e1da9a794711ee3bfd0b> (дата обращения 08.08.2024).

² СПАРК: Быстрорастущие компании. Интерфакс. 2023. <https://spark-interfax.ru/articles/ezhegodnyj-obzor-rossijskih-bystrorastushchih-kompanij-2023> (дата обращения 08.08.2024).

³ ESG-рэнкинг российских компаний. Нейтинговая группа RAEX. 2022. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2022.12/ (дата обращения 08.08.2024); ESG-рэнкинг российских компаний. Нейтинговая группа RAEX. 2023. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.12/ (дата обращения 08.08.2024).

Примеры быстрорастущих компаний, соответствующих принципам устойчивого развития
Examples of high-growth that are committed to sustainable development

Название	Вид деятельности	Год основания	Место в рейтинге БРК (из 50 компаний)	Место в ESG-рэнкинге (из 160 компаний)	Статус БРК	Интеграция целей УР в деятельность компании
Нефтиса	Торговля оптовой сырой нефтью	2008	2-е*	141-е*	2010–2014 гг.; 2020–2023 гг.	Социальная ответственность — существенный ориентир деятельности компании, которая уделяет внимание безопасности производства и окружающей среды, энергоэффективности, повышению качества жизни и развития потенциала работников, повышению социально-экономических условий регионов присутствия, благотворительности ¹ .
Яндекс	Разработка компьютерного программного обеспечения	1997	33-е* 32-е**	25-е* 35-е**	2012–2014 гг.; 2016–2023 гг.	Деятельность Яндекса направлена на снижение воздействия на окружающую среду (сокращение объема упаковки, электротранспорт и пр.). Компания проявляет ответственность за социальное благополучие сотрудников и пользователей: обеспечивает расширенную программу страхования водителей и курьеров, целый спектр благотворительных программ и образовательных проектов ² .
ВкусВилл	Торговля розничная	2009	37-е**	143-е**	2013–2023 гг.	Компания предпринимает меры по снижению объема мусора и его переработке: сбор алюминиевой тары, продукции из пластика, одежды, батареек и пр. Также компаниями заинтересована в профессиональном и личностном росте сотрудников, активно развивая корпоративную культуру ³ .

* Данные за 2023 год.

** Данные за 2022 год.

Источник: составлено автором.

¹ Официальный сайт АО «НК «Нефтиса». URL: <https://neftisa.ru/> (дата обращения 01.12.2024).² Официальный сайт ООО «Яндекс». URL: <https://yandex.ru/company> (дата обращения 01.12.2024).³ Официальный сайт АО «ВкусВилл». URL: <https://vkusvill.ru/> (дата обращения 01.12.2024).

деятельность на принципы устойчивого развития и публикующих нефинансовую отчетность по стандартам ESG.

Данные рейтингов позволяют сделать вывод о низкой доле вовлеченных в повестку устойчивого развития быстрорастущих компаний (4% БРК (2 компании из 50) являются устойчиво развивающимися). Между тем, выявленные компании показывают высокую устойчивость развития согласно экономическому подходу. Компании соответствуют критериям быстрорастущих

более 3-лет подряд. Лишь одна промышленная компания является быстрорастущей и демонстрирует ответственное социальное отношение. Такая тенденция может быть объяснена тем, что промышленным гигантам сложно быстро расти из-за эффекта масштаба, сложной организационной структуры, капиталоемкости модернизационных процессов и пр. Вместе с тем, среди быстрорастущих компаний наблюдается высокая концентрация торговых компаний и компаний сферы услуг, которые на данном этапе развития рынка не видят

целесообразности в интеграции целей устойчивого развития в стратегию развития и ESG-трансформации своей деятельности (за исключением выявленной торговой сети ВкусВилл).

Заключение

Быстрорастущие компании играют важную роль для национальной экономики, а также для предпринимательских экосистем ввиду разработок, зачастую, уникальных стратегий и инициатив. Газели способствуют эффекту перелива в занимаемой или смежных отраслях. Данное обстоятельство позволяет предположить, что быстрорастущие компании также способны стать пионерами в области устойчивого развития. Предложенный дуальный подход, объединяющий экономический взгляд на устойчивость развития и принци-

пы устойчивого развития, а также выявленные внутренние и внешние факторы позволяют более широко рассмотреть и оценить быстрорастущие компании как особый тип предпринимательских субъектов. По результатам исследования выявлены только три быстрорастущие компании, ориентированные на устойчивое развитие, что позволяет говорить о слабой вовлеченности газелей в сферу социальной и экологической ответственности.

Перспективы работы связаны с изучением отраслевых особенностей внедрения ESG-принципов, мониторингом динамики ESG-активности и сравнительным анализом международного опыта. Эти направления помогут углубить понимание устойчивого развития компаний-газелей и определить механизмы, способствующие их успешной интеграции в глобальные рынки.

Список источников

1. Батаева Б. С., Кокурина А. Д., Карпов Н. А. Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний // *Управленец*. 2021. Т. 12, № 6. С. 20–32.
2. Белик И. С., Дуцинин А. С., Никулина Н. Л. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // *Управленец*. 2022. № 6. С. 44–55.
3. Беляева И. Ю., Козлова Н. П., Данилова О. В. ESG-факторы как инструмент формирования деловой репутации // *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*. 2021. № 4. С. 15–21.
4. Земцов С. П., Маскаев А. Ф. Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // *Инновации*. 2018. № 6. С. 30–38.
5. Крылова Т. В., Мальцева С. М., Рыжакова К. А., Зиновьев О. А. Факторы успеха и особенности стратегий быстрорастущих компаний (на примере «ВкусВилл») // *АНИ: экономика и управление*. 2021. № 2 (35). С. 215–218.
6. Плетнёв Д. А., Козлова Е. В., Наумова К. А. Ген успешности: чему национальные быстрорастущие компании могут научить российский бизнес в современных условиях // *π-Economy*. 2022. № 4. С. 49–67.
7. Российские быстрорастущие компании: Размер популяции, инновационность, отношение к господдержке / Д. С. Медовников, С. Д. Розмирович, Т. К. Оганесян, А. К. Степанов, Е. С. Шишов; под общ. ред. Д. С. Медовникова, С. Д. Розмировича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 104 с.
8. Юданов А. Ю. Покорители «голубых океанов» (фирмы-«газели» в России) // *Конкурентные стратегии и тактики*. 2010. № 2 (20). С. 27–48.
9. Aydoğmuş M., Gülay G., Ergun, K. Impact of ESG performance on firm value and profitability // *Borsa Istanbul Review*. 2022. Vol. 22. P. S119-S127. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2022.11.006>.
10. Caloghirou Y., Giotopoulos I., Kontolaimou A., Tsakanikas A. Inside the black box of high-growth firms in a crisis-hit economy: corporate strategy, employee human capital and R&D capabilities // *International Entrepreneurship and Management Journal*, Springer. 2022. Vol. 18(3). P. 1319–1345.
11. Brown J. D., Earle J. S., Kim M. J., Lee K. M. HighGrowth Entrepreneurship, IZA Discussion Papers, No. 11662. Bonn : Institute of Labor Economics (IZA), 2018.
12. Chen W., Xie Y., He K. Environmental, social, and governance performance and corporate innovation novelty // *International Journal of Innovation Studies*. 2024. Vol 8, Iss. 2. P. 109–131. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2024.01.003>.
13. Coad A. High-growth firms. Chapters, in: Cristiano Antonelli (ed.), *Elgar Encyclopedia on the Economics of Knowledge and Innovation*, chapter 21 // Torino: Edward Elgar Publishing. 2022. P. 172–176.
14. Daunfeldt S.-O., Elert N., Johansson D. Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries? // *Industrial and Corporate Change*. 2016. Vol. 25, iss. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1093/icc/dtv035>

15. Erhardt E. C., Measuring the persistence of high firm growth: choices and consequences // *Small Business Economics*, Springer. 2021. Vol. 56 (1). P. 451–478.
16. Gao S., Meng F., Wang W., Chen W. Does ESG always improve corporate performance? Evidence from firm life cycle perspective // *Front. Environ. Sci.* 2023. Vol. 11, № 1105077. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1105077>
17. Goswami A. G., Medvedev D., Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC: World Bank. 2019. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1368-9>
18. Habib A. M., Mourad N. The Influence of Environmental, Social, and Governance (ESG) Practices on US Firms' Performance: Evidence from the Coronavirus Crisis // *J. Knowl. Econ.* 2024. № 15. P. 2549–2570. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01278-w>
19. Koroleva E., Baggieri M., Nalwanga S. Company Performance: Are Environmental, Social, and Governance Factors Important? // *International Journal of Technology*. 2020. Vol. 11 (8). P. 1468–1477.
20. Meng T., Dato Haji Yahya M. H., Ashhari Z. M., Yu D. ESG performance, investor attention, and company reputation: Threshold model analysis based on panel data from listed companies in China // *Heliyon*. 2023. Vol. 9(10), № e20974. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20974>.
21. Mogos S., Davis A., Baptista R. High and Sustainable Growth: Persistence, Volatility, and Survival in High Growth Firms // *Academy of Management Proceedings*. 2016. № 17798. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2016.17798abstract>.
22. Moschella D., Tamagni F., Yu X. Persistent high-growth firms in China's manufacturing // *Small Bus Econ* 52. 2019. P. 573–594. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9973-4>
23. Singh R. An empirical analysis on sustainable start-up: Embedding Environmental, Social and Governance (ESG) into high growth business strategy // *Brazilian Journal of Operations and Production Management*. 2024. Vol. 21, no. 3. <https://doi.org/10.14488/BJOPM.1810.2024>.

References

1. Bataeva BS, Kokurina AD, Karpov NA. The Impact of ESG Indicators Disclosure on the Financial Performance of Russian Public Companies. *Upravlenets = Manager*. 2021;12(6):20-32. (In Russ.).
2. Belik IS, Dutsinin AS, Nikulina NL. The Impact of ESG Factors on the Financial Condition and Investment Attractiveness of Russian Public Companies. *Upravlenets = Manager*. 2022;(6):44-55. (In Russ.).
3. Belyaeva IYu, Kozlova NP, Danilova OV. ESG Factors as a Tool for Forming Business Reputation. *Vestnik AGTU = Bulletin of ASTU*. Series: Economy. 2021;(4):15-21. (In Russ.).
4. Zemtsov SP, MaskaeV AF. Fast-growing firms in Russia: characteristics and growth factors. *Innovatsii = Innovations*. 2018;(6):30-38. (In Russ.).
5. Krylova TV, Maltseva SM, Ryzhakova KA, Zinoviev OA. Success factors and features of strategies of fast-growing companies (on the example of VkusVill). *ANI: ekonomika i upravleniye = ANI: economics and management*. 2021;2(35):215-218. (In Russ.).
6. Pletnev DA, Kozlova EV, Naumova KA. The success gene: what national fast-growing companies can teach Russian business in modern conditions. *π-Economy*. 2022;(4):49-67. (In Russ.).
7. Russian fast-growing companies: Population size, innovativeness, attitude to government support. D. S. Medovnikov, S. D. Rozmirovich, T. K. Oganessian, A. K. Stepanov, E. S. Shishov; edited by D. S. Medovnikov, S. D. Rozmirovich; Nat. Research University "Higher School of Economics". Moscow, National Research University Higher School of Economics; 2021. 104 p. (In Russ.).
8. Yudanov AYu. Conquerors of the "blue oceans" (gazelle firms in Russia). *Rossiyskiye bystrorastushchiye kompanii: Razmer populyatsii, innovatsionnost', otnosheniye k gospodderzhke = Competitive strategies and tactics*. 2010;2 (20):27-48. (In Russ.).
9. Aydoğmuş M, Gülay G., Ergun, K. Impact of ESG performance on firm value and profitability. *Borsa Istanbul Review*. 2022;(22): S119-S127. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2022.11.006>.
10. Caloghirou Y, Giotopoulos I, Kontolaimou A, Tsakanikas A. Inside the black box of high-growth firms in a crisis-hit economy: corporate strategy, employee human capital and R&D capabilities. *International Entrepreneurship and Management Journal*, Springer. 2022;18(3):1319-1345.
11. Brown JD, Earle JS, Kim MJ, Lee KM. HighGrowth Entrepreneurship, IZA Discussion Papers, No. 11662. Bonn: Institute of Labor Economics (IZA), 2018.

12. Chen W, Xie Y, He K. Environmental, social, and governance performance and corporate innovation novelty. *International Journal of Innovation Studies*. 2024;8(2):109-131. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2024.01.003>.
13. Coad A. High-growth firms. Chapters, in: Cristiano Antonelli (ed.), *Elgar Encyclopedia on the Economics of Knowledge and Innovation*, chapter 21. Torino: Edward Elgar Publishing, 2022. 172–176.
14. Daunfeldt S-O, Elert N, Johansson D. Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries? *Industrial and Corporate Change*. 2016; (25):1-21. <https://doi.org/10.1093/icc/dtv035>
15. Erhardt EC, Measuring the persistence of high firm growth: choices and consequences. *Small Business Economics*, Springer. 2021;56(1):451-478.
16. Gao S, Meng F, Wang W, Chen W. Does ESG always improve corporate performance? Evidence from firm life cycle perspective. *Front. Environ. Sci.* 2023;(11):1105077. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1105077>
17. Goswami AG, Medvedev D, Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC: World Bank, 2019. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1368-9>
18. Habib AM, Mourad N. The Influence of Environmental, Social, and Governance (ESG) Practices on US Firms' Performance: Evidence from the Coronavirus Crisis. *J. Knowl. Econ.* 2024;(15):2549-2570. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01278-w>
19. Koroleva E, Baggieri M, Nalwanga S. Company Performance: Are Environmental, Social, and Governance Factors Important? *International Journal of Technology*. 2020;11(8):1468-1477.
20. Meng T, Dato Haji Yahya MH, Ashhari ZM, Yu D. ESG performance, investor attention, and company reputation: Threshold model analysis based on panel data from listed companies in China. *Heliyon*. 2023;9(10):e20974. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20974>.
21. Mogos S, Davis A, Baptista R. High and Sustainable Growth: Persistence, Volatility, and Survival in High Growth Firms. *Academy of Management Proceedings*. 2016;17798. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2016.17798abstract>.
22. Moschella D, Tamagni F, Yu X. Persistent high-growth firms in China's manufacturing. *Small Bus Econ* 2019;(52):573-594. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9973-4>
23. Singh R. An empirical analysis on sustainable start-up: Embedding Environmental, Social and Governance (ESG) into high growth business strategy. *Brazilian Journal of Operations and Production Management*. 2024;21(3). <https://doi.org/10.14488/BJOPM.1810.2024>.

Информация об авторе

К. А. Наумова — аспирант кафедры отраслевых рынков.

Information about the author

K. A. Naumova — Graduate Student, Department of Industry Markets.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.12

doi: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-143-148

УНИКАЛЬНОЕ ТОРГОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТРАКТОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Александра Анатольевна Егорова¹, Илья Андреевич Данилов²,
Андрей Геннадьевич Лихачев³, Данил Ринатович Гильметдинов⁴

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, 0000-0002-6291-9878

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, danilovdocent@yandex.ru, 0000-0001-9334-7254

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, liha4174@mail.ru

⁴ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, daniq93@mail.ru

Аннотация. Уникальное торговое предложение является двигателем экономики, определяя желания потребителей на основе формирования благ, обладающих свойствами, удовлетворяющими существующие потребности или предвосхищающие их образование. Однако, как показало исследование, несмотря на несомненную важность уникального торгового предложения как экономического явления, до настоящего времени недостаточно детально сформировано соответствующее понятие, позволяющее раскрыть его характеристику, требования, принципы и методы. Целью исследования является разработка теоретических аспектов уникального торгового предложения как экономического явления посредством аналитико-синтезного метода, позволяющего отразить наиболее значимые характеристики данного понятия. Кроме того, предлагается сформировать логику, позволяющую придать прикладной характер процессу разработки уникального торгового предложения.

Ключевые слова: уникальность, торговля, предложение, уникальное торговое предложение, продвижение экономических благ

Для цитирования: Егорова А. А., Данилов И. А., Лихачев А. Г., Гильметдинов Д. Р. Уникальное торговое предложение: проблемы трактования и формирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 143–148. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-143-148.

Review article

A UNIQUE SELLING PROPOSITION: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND CREATION

Alexandra A. Egorova¹, Ilya A. Danilov², Andrey G. Likhachev³, Danil R. Gilmetdinov⁴

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, 0000-0002-6291-9878

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, danilovdocent@yandex.ru, 0000-0001-9334-7254

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, liha4174@mail.ru

⁴ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, daniq93@mail.ru

Abstract. A unique trade offer is the engine of the economy, determining the desires of consumers based on the formation of goods with properties that satisfy existing needs or anticipate their formation. However, as the study showed, despite the undoubted importance of a unique trade offer as an economic phenomenon, an appropriate concept has not yet been formed to reveal its characteristics, requirements, principles and methods. The purpose of the study is to develop the theoretical aspects of a unique trade offer as an economic phenomenon through an analytical and synthesis method that allows reflecting the most significant characteristics of this concept. In addition, it is proposed to form a logic that allows you to give an applied character to the process of developing a unique trade offer.

Keywords: uniqueness, trade, offer, unique trade offer, promotion of economic benefits

For citation: Egorova AA, Danilov IA, Likhachev AG, Gilmetdinov DR. A Unique Selling Proposition: Problems of Interpretation and Creation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494):143-148. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-143-148.

Введение

Сложность формирования востребованного экономического блага заключается в том, что придание ему некоторой специфики или индивидуальности может не только не выделить его среди аналогов на рынке, но и напротив, сужая целевую аудиторию «ценителей», сделать ненужным потребителю, то есть неэффективным для производства и реализации, поскольку, объективность, придаваемая законом спроса и предложения, нивелирует его стоимость до нуля.

Для того, чтобы, с одной стороны, выделить предлагаемый товар среди конкурентов, а с другой — обеспечить экономическую эффективность его реализации на основе высоких уровней цены и спроса, еще в шестидесятых годах прошлого века Россером Ривзом была представлена концепция «уникального торгового предложения», которая базировалась на наличии «...конкурентных преимуществ, выгоды и привлекательности для потребителя» [1].

Несмотря на то, что рассматриваемое понятие является уже «пенсионером» экономико-маркетингового применения — ни Р. Ривз в своей книге и труда, ни его последователи — так и не формализовали понятие «уникальное торговое предложение», то есть не представили его содержания, что делает процесс его трактования и формирования крайне затруднительным.

С учетом того, что уникальное торговое предложение необходимо для всех сфер и звеньев экономики, что особенно актуально в условиях геополитического давления, санкций, ограниченности отечественного рынка для экспорта и импорта как готовых изделий, так и технологических решений, правомерно отметить, что предлагаемая тема обладает высокой востребованностью для научного обоснования, а также прикладной значимостью.

Материалы и методы исследования

В качестве метода, позволяющего раскрыть содержание термина «уникальное торговое предложение» предлагается использовать аналитико-синтезный подход А. А. Голикова, позволяющий раскрыть содержание компонент и объединить их в комплексное понятие [2].

Первоначальное значение термина «уникальный» — единственный (от лат. *unicum* или *unicus*), исключительный, неповторимый [3].

Вышеозначенные прилагательные произошли от числительного «*unus*» — один, то есть в основе уникальности лежат признаки, позволяющие объекту (или субъекту) рассматриваться как нечто (или некто) особенное, отличное от остальных.

Как показывают исследования отечественных филологов, в русский язык данный термин был внедрен методом заимствования из европейских (французского и немецкого) на рубеже XVII и XVIII вв. в значении «не имеющий аналогов» [4].

К наиболее глубоким исследованиям и трактованиям термина «уникальный» правомерно отнести модульные работы Г. С. Костыко, где оно раскрывается через такие дефиниции как: выдающийся, обладающий своеобразием, отличающийся от других [5].

Чтобы ощутить всю полноту содержательного трактования рассматриваемого термина, целесообразно также отметить, что достаточно большое внимание на него обращено с философской точки зрения, где оно трактуется как «...диалектическая пара понятию «универсальное» [6].

Подытоживая содержание уникальности правомерно трактовать ее как характеристику объекта или субъекта, делающую его неповторимым, единственным в своем роде, исключительным, выдающимся, обладающим только ему присущими свойствами и качествами.

Адаптируя данное определение применительно к экономике, правомерно уникальность рассматривать к товару или его производителю и трактовать, соответственно, как характеристику блага или субъекта, его производящего (организационно, структурно, масштабно и т. д.), повышающую ценность товара (работы или услуги) на основе параметров неповторимости, единственности в своем роде, исключительности, обладания только ему присущими свойствами и качествами.

Предложенное содержание термина «уникальность» является определяющим в комплексном понятии «уникальное торговое предложение», характеризуя основные черты, требуемые рынком от экономического блага или хозяйствующего субъекта.

Кроме того, исходя из философского трактования данного термина, правомерно для проверки степени уникальности объекта (субъекта) применять сравнение с его диалектической противоположностью — универсальностью.

Следующим термином, содержание которого необходимо раскрыть для формирования полноценного трактования термина «уникальное торговое предложение» является категория «торговое», имеющая в своей основе корень «торг».

Вариантов и времени происхождения слова «торговля» насчитывается великое множество, наиболее логически вероятные и исторически подходящие для целей данного исследования представлены на рис. 1.

Несмотря на различие смысловых содержаний — все вышеозначенные изначальные трактования объединяет создание условий для реализации экономических благ.

При этом необходимо отметить, что в России достаточно жестко закреплено данное понятие как:

- «...вида предпринимательской деятельности, связанного с куплей-продажей»... [8];
- «...процесс обращения объектов собственности посредством возмездных договоров или непосредственной оплаты...» [9].

С учетом первоначального, а также упомянутых нормативных определений, в контексте рассматриваемого в данной статье понятия предлагается трактовать торговлю как сферу, обеспечивающую доведение экономических благ от производителя (исполнителя) до потребителя (заказчика) на платной основе.

Предложение, как содержательная компонента комплексного понятия «уникальное торговое предложение» изначально трактуется (от лат. praе — перед, впереди и лат. positio — положение) в значении «предлог», что на самом деле кажется достаточно правильным не только позиции филологии, но и экономики, поскольку предложение в ней основано на существовании некоего

предлога от продавца выгодно продать, основанного на уже существующем или формируемом им чувством потребности у покупателя [3].

В большинстве словарей, предложение рассматривается как единица текста, что не подходит по смыслу, однако при рассмотрении отглагольного понятия «...действие, по предоставлению выбора или обращению внимания, вынос на обсуждение, рассмотрение» — улавливается верное направление [10].

Для данного исследования предлагается объединить изначальное трактование со смысловым направлением отглагольного понятия и трактовать предложение как процесс представления экономического блага производителем (исполнителем), осуществляемый с целью экономически выгодной его реализации потребителю (заказчику), количественно выражаемый величиной, характеризующей количество товаров (работ, услуг), которое возможно продать по цене в определенный момент времени.

Объединяя все смысловые компоненты и предложенные содержательные трактования элементов, предлагается трактовать уникальное торговое предложение следующим образом — это конкурентное преимущество, получаемое на основе параметров неповторимости, единственности в своем роде, исключительности, обладания только ему присущими свойствами и качествами, которые формируются у покупателя на основе экономического блага, (порядка его продажи, сервиса, постсервисного обслуживания) или деятельности субъекта, его производящего (организационной, структурной, масштабной и т. д.) и выражающееся возможности реализации по цене или на условиях более экономически выгодных по сравнению с остальными участниками рынка.

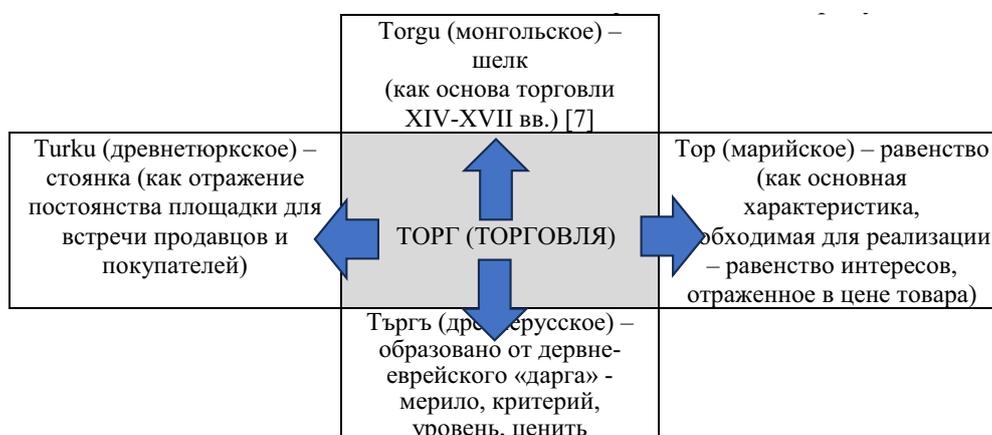

Рис. 1. основополагающие корни термина торг (торговля)

Fig. 1. The fundamental roots of the term bargaining (trade)

Источник: составлено авторами

Учитывая предложенное определение, правомерно помимо теоретического уточнения основных содержательных компонент, сформировать также порядок, позволяющий сформировать уникальное торговое предложение:

1) проанализировать экономическую обстановку и установить целевую аудиторию, обладающую массовым характером или экономическим потенциалом, способным обеспечить существенный прирост прибыли производителя (исполнителя) при условии предложения экономического блага, обеспечивающего удовлетворение потребностей покупателей;

2) установить — какие потребности или интересы в настоящее время не удовлетворены (или недостаточно удовлетворены) у целевой аудитории;

3) сформировать карту предпочтений целевой аудитории, позволяющую установить какие экономического блага или условия (производства, порядка его продажи, сервиса, постсервисного обслуживания и т. д.) предпочтительны;

4) ранжировать требуемые целевой аудиторией качества товара (работы, услуги) и выявить условия, которые необходимо создать у покупателя на основе параметров неповторимости, единственности в своем роде, исключительности, обладания только ему присущими свойствами и качествами;

5) разработать концепцию экономического блага и порядка его продвижения, способствующую поддержанию имиджа уникальности;

б) протестировать количественные и качественные параметры реализации экономического блага, сформированного на основе параметров неповторимости, единственности в своем роде, исключительности, обладания только ему присущими свойствами и качествами.

После этого осуществляется уточнение и масштабирование гипотезы, лежащей в основе предполагаемого уникального торгового предложения.

В наиболее общем виде это можно представить в виде процесса, отраженного на рис. 2.

Выводы

Таким образом, аналитико-синтезный подход, позволяющий раскрыть содержание компонент и объединить их позволил не только детализировать содержание комплексного понятия «уникальное торговое предложение», но и разработать соответствующий порядок его практической реализации, что обеспечивает теоретическую и прикладную значимость проведенного исследования.

Теоретическая новизна предлагаемого определения позволяет отличать экономическое значение уникальности от эксклюзивности, что проявляется в том, что:

Рис. 2. Процесс формирования уникального торгового предложения

Fig. 2. The process of forming a unique trade offer

Источник: составлено авторами

– первое способствует формированию конкурентных преимуществ, выражающихся в итоге в приросте количества клиентов, а также возможности реализовать им благо (товар, работу, услугу) по цене и в объемах, превышающих среднерыночные значения;

– второе — напротив, сужает целевую аудиторию до категории «ценители», что не гарантирует высокие уровни продаж по соответствующим ценам.

Практические аспекты формирования уникального торгового предложения базируются на предлагаемом порядке информационного обеспечения

и управленческих решений, сопутствующих этому процессу, что проявляется в первоначальной концентрации информации о состоянии рынка и требованиях потребителей к самому товару, процедурам его реализации и сервиса, постсервисному обслуживанию и прочим атрибутам, дальнейшему уточнению вариантов формирования конкурентных преимуществ, выявляемых по результатам анализа конкурентов, а также итоговым вариантам экспертного участия в «упаковывании» накопленных аналитических данных в уникальное торговое предложение и бизнес-план на его основе.

Список источников

1. Ривз Р. Реальность в рекламе. М. : Библос, 2017. 135 с.
2. Егорова А. А., Данилов И. А., Сальников М. А., Кутузов М. И. Эволюционный аналитико-синтезный подход А. А. Голикова к определению теоретических аспектов исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11 (493). С. 9–17.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. СПб. : СПбГУ, 1999. 320 с.
4. Бельчиков А. Ю. Словарь трудностей русского языка. М. : Знание, 2013. 215 с.
5. Костыко Г. С. Организация развивающего пространства в инновационном учебном заведении. Н. Новгород : ВГИПА, 2002. 308 с.
6. Порошенко О. Ю. Уникальное как философская категория // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. № 4. С. 56–66.
7. Воронцов Р. И. Большой академический словарь русского языка как зеркало экономических перемен: семантическая динамика слов с корнем *торг* // Вопросы лексикографии. 2020. № 8. С. 167–177.
8. Сборник национальных стандартов. М. : Юрист, 2023. 532 с.
9. Беспалов Ю. Постатейные комментарии к Гражданскому кодексу РФ. М. : Проспект, 2021. 892 с.
10. Золотова Т. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : ИТМО, 1985. 112 с.

References

1. Reeves R. Reality in advertising. Moscow, Byblos; 2017. 135 p. (In Russ.).
2. Egorova AA, Danilov IA, Salnikov MA, Kutuzov MI. A. Golikov's evolutionary analytical and synthesis approach to the definition of theoretical aspects of research. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(11(493):9–17. (In Russ.).
3. Ushakov DN. Explanatory dictionary. St. Petersburg, St. Petersburg State University; 1999. 320 p. (In Russ.).
4. Belchikov AY. Dictionary of difficulties of the Russian language. Moscow; 2013. 215 p. (In Russ.).
5. Kostyko GC. Organization of the developing space in an innovative educational institution. N. Novgorod; 2002. 308 p. (In Russ.).
6. Poroshenko OY. Unique as a philosophical category. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya = Bulletin of the VSU. Series: Philosophy*. 2020;(4):56-66. (In Russ.).
7. Vorontsov RI. The Great Academic dictionary of the Russian language as a mirror of economic changes: semantic dynamics of words with the root of the bargain. *Voprosy leksikografii = Questions of lexicography*. 2020;(8):167-177. (In Russ.).
8. Collection of national standards. Moscow; 2023. 532 p. (In Russ.).
9. Bepalov Yu. Article-by-article comments on the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, Prospect; 2021. (In Russ.).
10. Zolotova TA. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow; 1985. 112 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, декан экономического факультета.

И. А. Данилов — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики экономического факультета.

А. Г. Лихачев — магистрант.

Д. Р. Гильметдинов — магистрант.

Information about the authors

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Economics.

I. A. Danilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Economics, Faculty of Economics.

A. G. Likhachev — Undergraduate Student.

D. R. Gilmetdinov — Undergraduate Student.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI
REFORMA F. DN. VN
MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI